

Родные тропинки очёрской глубинки

УДК 908
ББК 63.3(2Рос-4Пер-2Очёр)
Р60

Р60 Родные тропинки очёрской глубинки : из истории деревень Очёрского района : сборник статей / общественная организация «Очёрская районная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов» ; составитель В. П. Гладков. – Очёр : [без издательства], 2025. – 170 с.

Краеведческий сборник, посвященный истории деревень Очёрского района (округа, включает исследовательские материалы, собранные и систематизированные рабочей группой в рамках грантового проекта «Родные тропинки очёрской глубинки». Представляет ценность для историков, краеведов и всех, кто интересуется прошлым Очёрского края.

География, названия сельских советов и деревень даны в соответствии с административно-территориальным делением на 1939г.

Вёрстка и дизайн – А. В. Широбокова

Корректор – А. С. Солодникова

Издано при поддержке фонда Президентских грантов

© ОО «Очёрская районная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов»

Оглавление

Деревня Ключи Куликовского сельского совета	4
Из истории деревни Билимбаиха Семёновского сельского совета	11
Деревня Мокрушино Семёновского сельского совета	23
Деревня Петрованово Дворецкого сельского совета	35
Деревня Песьяна Кипринского сельского совета.....	43
«В буднях великих строек».....	47
Деревня Ивановская (Ивановка) Петраковского сельского совета	50
Деревня Петрованово Дворецкого сельского совета	57
Деревня Давыдята (Нижний Чистогор) Дворецкого сельского совета.....	74
Деревня Меньшиково Спешковского сельского совета ..	88
Деревня Спирыта Нововознесенского сельского совета	109
Деревня Боронники Сталинского сельского совета.....	136
Деревня Пономари Сталинского сельского совета.....	153
Деревня Годовалово Наберухинского сельского совета	158
Жизнь посвятил родному району	168

ВРЕМЯ ВЫБРАЛО...

Очень интересно и увлекательно читать воспоминания людей о своём детстве. Это чудесная пора, когда всё вокруг прекрасно и удивительно. Но... Не у этих людей и не в этом сборнике.

Вы держите в руках первый сборник рассказов, воспоминаний, сюжетов, эссе, дневниковых записей об очерской советской, и где-то постсоветской, деревне – с момента её коллективизации до периода исчезновения в 1970-1990-е гг. Конечно, сейчас вспомнить об этом времени могут только те, кто провёл детство в таких деревнях либо интересуется темой своей родословной, либо по профессиональной деятельности. Именно такие авторы текстов и встретятся вам в сборнике.

Тринадцать очерских деревень – практически все из них ныне не существуют в реальности – оживут на страницах книги в старых фотографиях, на рисунках и картах-схемах деревень, давая авторам волю вспомнить прозвища людей, их разговоры, встречи, тяжёлый труд, меткие и ёмкие топонимы, диалектные слова. Мы ничего не исправляли. Здесь прямая речь, душевная боль и сердечная радость, переданные в восклицаниях, вопросах и многоточиях.

В сборнике вы прочтете о судьбах людей с местными фамилиями: Поповы, Носовы, Мокрушины, Бородины, Лузины, Карнауховы, Шиловы, Наберухины, Бакилины, Чупашевы – это не все, но самые распространённые семьи, о ком упомянуто в текстах. Статьи о местных жителях: Василии Георгиевиче Дудине, Василии Андреевиче Бородине, Николае Семёновиче Наберухине, Зотее Никитовиче Годовалове, – написанные их детьми, никого не оставят равнодушными.

Время выбрало их – героев воспоминаний и статей, – чтобы в XX веке становилась советской очерская деревня. Время выбрало их – авторов текстов о том периоде, – который они помнят и могут о нём рассказать. Время выбрало нас – создателей сборника и его читателей, чтобы помнили и не забывали.

В числе создателей сборника особо отметим вклад В.П. Гладкова. Владимир Петрович объединил людей, собрал информацию, вдохновил, воодушевил, и теперь сборник «Родные тропинки очерской глубинки» находится в ваших руках. Душевного и искреннего чтения желаю каждому из вас.

*От редакции: Анна Солодникова,
директор МАУК «Очерская центральная библиотека»*

Деревня Ключи Куликовского сельского совета

Одной из деревень Куликовского сельского совета была деревушка с красивым названием – Ключи. В этой деревне в 1930 г. родилась моя мама Дарья Вавиловна Попова. В «Материалах переписи», изданных в 1928 г., Ключи указаны как выселок, появившийся в 1927 г. Изучение метрических книг Токаринской церкви и Книги памяти тружеников тыла Очёрского района позволило сделать вывод, что основателями Ключей стали жители села Кулики. В метрических книгах люди, позднее жившие в Ключах, указаны жителями Куликов. К таковым относятся Попов Абрам Зотеевич и мой дед Попов Вавила Дмитриевич. Участник Великой Отечественной войны Попов Федор (Фадей по документу ЗАГС) Галактионович в письме к краеведу Нецветаеву пишет, что родился в Куликах в 1923 г., а детство провел в Ключах. Его отец Галактион Устинович Попов, тоже житель Куликов, стал жителем Ключей.

Дома в Ключах были построены в 1926 г. (дом моих дедушки Вавилы Дмитриевича и бабушки Харитиньи Моисеевны и одного из соседей строился в этом году). Антонида, старшая сестра мамы, родилась в 1923 г. в Куликах. Получается, что 1926-ой, скорее всего, это год переезда дедушки и бабушки в новый населенный пункт Ключи. Почему люди переезжали из Куликов? Предположительно, на месте будущих Ключей люди получили наделы для обработки земли и занятий сельским хозяйством.

Ключи находились на дороге Очёр – Кулики, в 4 км от Куликов. По данным на 1928 г., в Ключах насчитывалось 14 дворов, в которых проживало 66 человек: 30 мужчин и 36 женщин. В 1939 г. в Ключах проживало 56 человек, в 1963 г. – 32 жителя, в 1969 г. – 7 человек. В 1970-е годы деревня исчезла. Жители

разъехались, мои родственники перебрались в Кулики, дом перевезен туда же. В 1990-е годы в районе Ключей появилось фермерское хозяйство, поэтому было принято решение о возвращении названия Ключи.

Вся общественная и культурная жизнь Ключей была связана с Куликами. Здесь люди учились, работали, лечились. В Куликовской школе училась и моя мама Дарья, там же учились ее братья и сестры. По воспоминаниям двоюродной сестры (Галины Семёновны Поповой), которая каждое лето в конце 1950-х - начале 1960-х проводила в Ключах, она и брат (Попов Николай Михайлович) ходили из Ключей в Кулики за покупками и в кино. В местный клуб в конце 1940-х - начале 1950-х вместе с подружками бегала на танцы мама. В Куликах Дарья Вавиловна жила и работала.

В советское время на территории будущего Очёрского района были образованы колхозы, один из них – «Трактор», который появился в 1931 г., собрал на работу жителей Куликов, Новоселов, Ключей, Малахов. В этом колхозе трудилась моя родная семья Поповых. После реорганизации хозяйств жители Ключей работали в колхозах им. Молотова, «Знамя», им. XXI съезда КПСС. Затем территория Ключей вошла в совхоз «Земледелец».

В годы Великой Отечественной войны в колхозе «Трактор» трудились все – от мала до велика. По данным сайта «Память народа», из небольшой деревушки, какой являлись Ключи, на фронт были призваны её жители. В числе погибших и пропавших без вести жители Ключей: Попов Иван Абрамович, Попов Петр Вавилович, Попов Тимофей Абрамович. Был в плену Попов Кузьма Константинович. Вернулись с фронта солдаты: Попов Андрей Макарович, Попов Федор Галактионович. Федор Галактионович награжден орденом Александра Невского. Еще один участник Великой Отечественной войны

Тютиков Борис Григорьевич, по-видимому, уроженец д. Малахи, в военных документах указан жителем д. Ключей.

Основная фамилия Ключей – Поповы. Пришла эта ветвь Поповых из Очёрского Острожка. В 1795 г. Поповы уже жили в Куликах. В Книге памяти тружеников тыла Очёрского района в числе жителей д. Ключей, кроме Поповых, указаны граждане с фамилиями Боталовы, Карякины, Плотниковы, Тютиковы и Власовы.

Мои прабабушка (мать дедушки Пелагея Васильевна Пепеляева) и бабушка Харитинья Моисеевна были кипринскими, с девичьими фамилиями: Пепеляева и Поносова. Выйдя замуж за куликовцев, стали Поповыми. Бабушка Харитинья и дедушка Вавила являлись старообрядцами, русскими. В 1915 г. дед присоединился к православию.

В родословной удалось установить следующие фамилии: Бояршиновы, Деминевы, Вшивковы, Колчановы, Лобановы, Носковы, Чудиновы. Проживали мои предки на большой территории: в Очёрском, Нытвенском, Оханском, Ильинском районах Пермского края; в населенных пунктах: д. Ключи, с. Кулики, с. Киприно, поч. Песьяна, с. Шерья (Шерьинская пустынь), Оханная пустынь (г. Оханск), Очёрский Острожек, д. Спешкова (Павельшева), д. Дубасы, д. Харята, г. Очёр, д. Егорова (Красильникова), с. Дальнедубровское, с. Ильинское.

В материале представлена информация только об одной семье Поповых из Ключей. Было бы интересно проследить истории и других семей маленькой очёрской деревушки.

*Попова Харитинья Моисеевна с детьми,
снохой и внуком, начало 1950-х гг.,
д. Ключи Куликовского сельского совета*

*Поповы Наташа
и Миша, 1948 г.,
пос. Очёр.
Родственники
или знакомые*

*Уроженки д. Ключи – сестры Поповы Дарья и Нина Вавиловны
с неизвестной (в центре), с. Кулики Очёрского района,
начало 1950-х гг.*

*Уроженцы д. Ключи Куликовского
сельского совета –
Поповы Иван и
Нина Вавиловичи,
г. Очёр, 1950-е гг.*

*Попова Ксения Вавиловна,
уроженка д. Ключи
(справа) с подружкой
Евдокией, конец
1940-х гг.,
д. Ключи или с. Кулики*

Девушки, жившие в Куликах

*Власова Валентина,
1951 год, с. Кулики*

*Евдокия, 1950 год,
с. Кулики*

*Попова Валентина,
1950-е годы, с. Кулики*

*Надежда К. с подругой,
конец 1940-х – начало 1950-х
годов, с. Кулики*

*Попова Дарья Вавиловна (слева)
с подругой Феней,
1950-е годы, с. Кулики*

*Девушки из д. Ключи или с. Кулики.
В 1 ряду 1 слева Евдокия,
1 справа – Попова Ксения Вавиловна,
конец 1940-х годов*

*Ярусова Римма,
1951 год, с. Кулики*

*Попова Дарья Вавиловна (2 слева) с подругами.
В центре – Карнаухова Любовь,
2 справа – Гладкова Ирина Алексеевна,
с. Кулики, начало 1950-х годов*

*Попова Дарья Вавиловна (слева) с подругой,
д. Ключи или с. Кулики, конец 1940-х годов*

Автор статьи: Копытова Светлана Николаевна
Фотографии из семейного архива Копытовых-Поповых

Из истории деревни Билимбаиха Семёновского сельского совета

Билимбаиха в 1950-е годы

В 1759 г. Строгановы получили разрешение императрицы Елизаветы I построить на реке Очёр железодельный завод. В качестве одного из обоснований необходимости постройки Очёрского завода Строгановы указали излишки непрокатанного чугуна на Билимбаевском заводе. Так, государственная Берг-коллегия отмечала: «Билимбаевский чугун в ковку железа на Добрянских молотовых фабриках происходит не в полном числе и повсегодно бывают немалые остатки чугуна и в том заключается капитал без всякого плода».

Дальнее расстояние (322 км) не пугало Строгановых, потому что от Билимбая до Очёра имелся проверенный водный путь по рекам Чусовой и Каме, более удобный, нежели сухопутный.

Начиная строительство завода, Строгановы предписали своему управляющему Ваулину перевести на Очёр в качестве рабочей силы более тысячи крепостных с других своих заводов, в том числе и Билимбаевского.

В ревизии 1782 г. отмечались мастеровые и ремесленники, переведённые с Билимбаевского завода на Очёрский: Степан Евтихеев Иноземцев, Фёдор Григорьев Закоптелов, Фёдор Данилов Сарачев, Ксенофонт Иванов Рычков, Яков Борисов сын Челпанов.

Топоним «Билимбаиха» не типичен для Очёрского округа и соседних муниципалитетов. На западе Прикамья не было поселений, основанных и заселенных жителями башкирского и татарского происхождения. В ревизских сказках того времени и переписях по Очёрскому округу тюркские фамилии не встречаются.

Поэтому единственной заслуживающей внимания версией о происхождении названия «Билимбаиха» полагаем ту, в которой говорится, что имя деревне дали выходцы из Билимбаевского завода. Ее придерживаются признанные ученые-краеведы: Ф.М. Малков, А.В. Нецветаев, А.А. Дубровин, А.К. Скорынин, Ю.А. Власов. В отечественной и даже мировой топонимике это довольно распространенная практика, когда мигранты, переселенцы называли свои новые места жительства в честь родных краев.

Слово «Билимбаиха» впервые прозвучало по «Списку населённых мест Пермской губернии» за 1904 г. Тогда в ней было 35 дворов, расположенных вдоль одной улицы, и 163 жителя. Деревня входила в Ромашовское общество Павловской Волости Оханского уезда. В 1909 г. был отмечен топоним «деревня Билимбаиха» (Носов) на речке Татарке. Деревня распланированная, в ней была часовня и 35 дворов, в которых проживало 168 человек – бывшие помещичьи крестьяне, русские, православные.

Однако Билимбаиха имеет более древнюю историю. Дело в том, что в предыдущих источниках населенный пункт именовался как починок Носов или починок Верх речки Татарки. Как отметил краевед А.А. Дубровин, в

1834 г. в «починке Верх речки Татарки» была учтена семья Семёна Егорова Носова. Топоним «Носов» образовался от имени жителя, носившего наиболее распространенную в деревне фамилию. А термин «Татарка» связан с историческим названием реки, на котором стоит Билимбаиха.

По мнению пермского краеведа А.К. Шарца, деревню основали беглые крепостные еще в 18 веке. Условия труда крепостных на возведении Очёрского завода были страшно тяжелыми, и они бежали с завода целыми семьями. Приказчики Строгановых даже выставляли охрану вдоль дорог и троп, но это не помогало. Вскоре они «обнаружили далеко от строившегося завода целое селение. Жители называли его Билимбай или Билимбаиха. Сбежавшие со стройки крепостные занимались здесь охотой, рыбной ловлей и даже раскорчевкой леса под посевы».

Интересно, что в 19 веке Строгановы не раз отправляли прощтрафившихся крепостных из Очёра в Билимбай в качестве наказания на рудные и «огненные» работы. В советское время деревня до самого конца своего существования называлась Билимбаихой. Административно подчинялась Семёновскому сельскому совету Очёрского района. В 1930 г. деревня Билимбаиха и близлежащий к ней хутор Шардаков образовали колхоз «13 лет Октября». В колхозе было две бригады, молочно-товарная ферма, мельница, кузница, смолокурня, пасека, зерносушилка, овощехранилище. Во время укрупнения сельхозпредприятий колхоз влился в совхоз «Семеновский». В деревне работали начальная школа, детские ясли, магазин, столовая.

В конце 19 века при выработке песчаника для бутовых работ в районе деревень Ежово и Билимбаиха был обнаружен редкий минерал волконскоит. Поначалу

он использовался для покраски кровельного железа, производимого на Павловском заводе Строгановых. В советское время месторождения волконскоита были заново освоены. Минерал начали применять в качестве пигмента для высококачественных художественных красок. Есть сведения, что красками из волконскоита, найденного в окрестностях Ежово и Билимбаихи, пользовался великий художник Пабло Пикассо.

В XX веке в деревне проживали семьи Носовых, Лабутиных, Шардаковых, Силиных, Соромотиных, Вшивковых, Бояршиновых, Пирожковых.

Деревня Билимбаиха славится своим знаменитым уроженцем – Герасием Фёдоровичем Носовым, советским

*Герой Соцтруда
Герасий Носов*

и российским организатором оборонной промышленности, Героем Социалистического труда. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, заслуженный конструктор Российской Федерации Герасий Носов – участник нескольких ядерных проектов, разработчик атомных судовых установок для надводных кораблей и подлодок военно-морского флота России, ледоколов «Ленин», «Арктика», «Россия», «Сибирь».

Во время Великой Отечественной войны практически все мужчины деревни ушли на фронт. 22 воина пали смертью храбрых на полях сражений: Носовы Андрей Петрович, Александр Иванович, Михаил Петрович, Николай Петрович, Федор Алексеевич; Бояршиновы Андрей Павлович и Павел Васильевич; Вшивковы Александр Иванович и Александр Яковлевич; Лабутин

Михаил Иванович; Пирожковы Александр Иванович, Яков Иванович и Николай Иванович; Пискунов Александр Михайлович; Решетников Абрам Александрович; Силин Михаил Иванович; Соромотины Владимир Петрович и Сергей Трофимович; Шардаковы Дмитрий Ефимович и Федор Артамонович; Шилов Иван Васильевич. Иван Александрович Шардаков погиб в бою во время вооруженного конфликта с японской военщиной у реки Халхин-Гол.

16 уроженцев Билимбаихи вернулись с войны: Боронников Алексей Матвеевич; Бояршиновы Георгий Николаевич, Николай Николаевич и Лидия Яковлевна; Вшивков Василий Иванович; Лабутины Александр Иванович, Афанасий Александрович, Павел Григорьевич и Яков Иванович; Носовы Виктор Петрович и Павел Семенович; Пономарев Михаил Дмитриевич; Соромотин Иван Тимофеевич; Шардаковы Леонид Михайлович, Николай Дмитриевич и Николай Петрович.

Штурман авиазвена связи старший лейтенант Василий Вшивков воевал в составе Уральского Гвардейского добровольческого танкового корпуса. Бесстрашный пилот летал на самолете У-2 в разведку в тыл врага. Под вражеским огнем Вшивков не раз доставлял командованию важные сведения о противнике, за что был удостоен пяти боевых орденов, в том числе Красного Знамени.

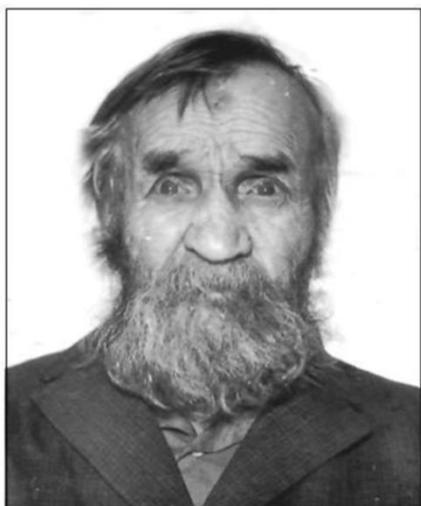
*Летчик
Василий Вшивков*

Старший сержант Леонид Михайлович Шардаков служил помощником командира взвода в отдельной морской десантной бригаде, участвовал в обороне Кавказа. Кавалер орденов Славы и Красной Звезды.

*Ветеран ВОВ
Леонид Шардаков*

Ветеран трех войн, старый артиллерист Павел Григорьевич Лабутин воевал минометчиком. Был награжден многими боевыми медалями, имел 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. После войны вместе с женой вырастили одиннадцать детей – своих и приемных.

(Из автобиографии П.Г. Лабутина: «Я родился в 1898 году 10 сентября по старому стилю в д. Билимбаихе. Вырос в семье крестьянина. В школу пошел в 9 лет, окончил два класса. Когда работал председателем колхоза, закончил 4 класса сельской школы. До 1917 г. работал в сельском хозяйстве. В январе 17-го был взят в армию.

Участвовал в боях на румынском фронте артиллеристом. В марте 18-го демобилизован, а в сентябре пошел на службу в Красную Армию. Гнали Колчака до Омска, сняты на пополнение в Уфу. Направили на польский фронт, участвовал до окончания войны, демобилизован в августе 1922 г. Вновь работал в сельском хозяйстве. В 1930 году вступил в колхоз «13 лет Октября», был избран председателем. После пяти лет председательствования в колхозе работал два года председателем ревизионной комиссии. Перед войной, около 3-х лет, вновь - предколхоза и бригадиром до 1942

года. В январе призван в армию. Формировали в Чебаркуле, в марте на фронт, под Орел. Служил в 135-м минометном полку до 24 июля 1945 года. Два раза контужен, по сей день плохой слух. По возвращении домой опять выбран в 1946 г. председателем колхоза. Проработав год, вследствие плохого слуха, стал заведующим фермой до 1952 г. Вновь подвел слух..., и по настоящее время работаю конюхом».)

(По материалам краеведа, сотрудника Семёновской библиотеки Тамары Потаповны Бурдиной: «Дома были деревянные, одноэтажные. Была одна улица. До революции в деревне была часовня, позднее в часовне был магазин, продавцом работал Шардаков Василий Петрович. В деревне жили православные. Каждое поле, угор, лог имели свои названия. «Каменный лог» получил название от сланцевых камней, которые выступали на поверхность земли. «Вшивковское поле», «Пашковское полько» называли по фамилии хозяев. Деревня была огорожена, выезды в другие деревни имели свои названия. «Вшивковские ворота» - дорога на Зимы. «Алешина чаша» и «Чаша» имели форму чаши (чашки). На «Кекорке» рос лес, у подножия было два ключика, один из ключиков носил название «Вшивковский», потому что был на земле Вшивкова Александра Ивановича. На горе «Галечке» был гравий. Через «Зяблую гору» вела дорога на Павловский».)

(Из воспоминаний Александра Ивановича Бурдина: «У моего деда Вшивкова Александра Ивановича было большое хозяйство: «вшивковские амбары», конюшня, земля. После раскулачивания амбары отдали под хранение колхозного зерна, на месте конюшни был колхозный, позднее школьный огород, выращивали овощи».)

(Из воспоминаний Вшивковой Любови Михайловны: «В 1930 г. образовался колхоз «13 лет Октября». В

колхозе было две бригады. У каждой бригады был свой конный двор. Была ферма: коровы, свиньи, овцы, куры. Воду носили на ферму с ключа из «Каменного лога» на коромыслах, варили картофель на корм скоту. Была мельница, кузница, смолокурня, пасека, зерносушилка, овощехранилище. Председателем был Шардаков Михаил Егорович. Во время Великой Отечественной войны председателем был Лабутин Павел Григорьевич».)

(Из воспоминаний Носовой Надежды Викторовны: «В деревне была начальная школа до 4 класса. В школе работали Бояршинова Варвара Георгиевна, Бояршинова Зоя Георгиевна, поваром была Соромотина Раиса Гурьяновна. Очень вкусно кормили школьников. Школа была двухэтажная. На первом этаже была столовая, раздевалка, на втором – классы».)

(Из воспоминаний Онучиной (Бурдиной) Любви Ивановны: «В школе к праздникам: 7 ноября, 1 мая – проводили собрания, Зоя Георгиевна Бояршинова читала доклад. В школе учились ученики из Комендат, Шишиг, Билимбаихи. В двухэтажном здании на втором этаже летом работали ясли, на первом этаже был магазин. Летом привозили кино из Комендат, показывали на зернотоке, зимой кино смотрели в здании яслей. Зимой в колхоз приезжали лекторы, читали лекции в конюховке об угрозе ядерной войны, о событиях в СССР и других странах. Престольным праздником в Билимбаихе был Иванов день – 7 июня. Первого мая жители деревни собирались на угоре, пели песни, плясали».)

(Из воспоминаний Андрея Ивановича Бурдина: «Играли около школы в лапту, футбол, прятки, девочки играли в «глухие телефоны». Зимой, как только замерзал прудик, играли в хоккей, катались на лыжах и санках с угоров. Праздновали и народный праздник Масленицу. Катались на лошадях, с гор – на санях и взрослые, и дети.

Зимой деревенские ребята собирали сосновые шишки, сдавали в лесничество, а летом высаживали саженцы сосен. В летнее время подростки работали в колхозе: возили на лошадях сено, пасли коней в «ночное».)

д. Билимбаиха, 10 мая 1957 г.

Полеводческая бригада

Празднование Масленицы

В настоящее время деревни не существует. На ее месте образовалось урочище, которое сохранило историческое название – Билимбаиха.

Автор статьи Шардаков Максим Алексеевич, библиограф МАУК «Очёрская центральная библиотека».

Список использованных источников

1. Безгодова, К. Россия начинается с села / К. Безгодова // Очёрский край. – 2014. – 10 июня.
2. Власов, Ю. А. Очёр / Ю. А. Власов. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1961. – 50 с.
3. Дубровин, А. А. Лики верхнего Очёра / А. А. Дубровин. – Пермь : Богатырёв, 2008. – С. 47–48.
4. Малков, Ф. М. В старом Очёре : записки краеведа / Ф. М. Малков ; под редакцией С. И. Сметанина. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1959. – 158 с.
5. Нецветаев, А. Как? Почему? Откуда? / А. Нецветаев // Знамя труда. – 1966. – 22 марта.
6. Очёр и планета: аргументы и факты / автор-составитель В. Выголов. – Очёр, 2012. – С. 115–116.
7. Скорынин, А. К. Повести Очёрского завода / А. К. Скорынин. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1985. – 159 с.
8. Третьякова, Е. В. Прикамье алмазы добывали ведрами... / Е. Третьякова // Комсомольская правда в Перми. – 2016. – 2 марта.
9. Шарц, А. К. Тезки на карте / А. К. Шарц // Уральский следопыт. – 1960. – №6. – С. 25.
10. Шумилов, Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки : географические названия и фамилии Пермского края / Шумилов Евгений Николаевич. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1991. – 271 с.

Деревня Мокрушино Семёновского сельского совета

Фамилия Мокрушины произошла от слова "мокруша". После выстрела из орудия нагар от пороха в каналах ствола орудия смачивали мокрушей, затем чистили банником. К каждой операции был поставлен отдельный человек. Так появились фамилии Банниковы, Мокрушины, Пушкарёвы.

На Урале Мокрушины появились после разгрома восстания стрельцов в 1698 г., которое сам царь Петр 1 и его приближенные жестоко подавили. Некоторые из стрельцов, чтобы избежать казни, бежали из Москвы в отдаленные места – на Урал, за Урал и даже в Сибирь.

Четыре брата Мокрушиных бежали в Предуралье и осели недалеко от реки Очёр, но подальше от проезжих дорог. Братья разделились: двое из них ушли в район деревни Спешково, а двое – поселились недалеко от тракта, который проходил из Перми на Большую Соснову. Нашли, где вытекал ключик-ручей. Потом в деревне это место называли «За угором».

Позднее братья перебрались ближе к проходящему в полутора-двух километрах тракту. В логу также обнаружили бьющий из-под земли ключик, обкопали его, сделали небольшой сруб, чтобы вода в нем копилась и можно было зачерпнуть ведром. Домик над родником защищал его от снега зимой. В то время ключик – это единственный источник питьевой воды.

Сперва поселение называли Мокрушинским ключом. Люди здесь строились на одной стороне лога, подальше от тракта. А когда поселение разрослось – жители стали селиться по обе стороны крутого лога, в котором протекал ключ, – назвали деревней Мокрушино. Позднее в Мокрушино выкопали колодцы, но ключ, как источник воды, существовал очень долго, примерно до 1980-х гг. Родник был многоводным, и для того, чтобы поить скот,

поливать огороды, жители сделали небольшую плотину, запрудили родник – и получился прудик.

Первоначально возле ключа поселились два брата Мокрушиных – Клементий и Семен с семьями. Занимались они, в основном, сельским хозяйством.

Для изготовления железа Очёрскому заводу требовался древесный уголь. Его жгли крестьяне из соседних деревень и сдавали на завод. Еще когда я училась в школе (в 1950-х гг.), мы на Кряжу, на Малковом поле и в Покосах (близ деревни Мокрушино) находили глубокие ямы, в которых когда-то жгли уголь, и кученки (земляные кучи, которые сохраняли для засыпания тлеющих на уголь бревен). Многие крестьяне из деревни занимались жжением угля для завода. Их называли углежогами.

Мокрушинское поселение росло, земель для пахоты и пастьбы скота не хватало, и многие крестьяне уходили из деревень на завод – на заработки – вначале временно, на зимний период. А потом и навсегда... Оставались жить в Очёре.

Недавно в интернет-источниках обнаружила информацию о том, что династия Мокрушиных отработала на Очёрском заводе (по данным на 2025 г.) 1028 лет!

Некоторых из этой славной рабочей династии я знала лично. Всю свою жизнь трудился на заводе и мой родной брат Мокрушин Павел Алексеевич. До сих пор работают на ОМЗ его сыновья: Алексей Павлович и Константин Павлович.

В послевоенное время в деревне Мокрушино было около 40 дворов. Деревня входила в состав колхоза им. Блюхера, который позднее переименован в колхоз имени Чкалова, затем – в колхоз "Дружба".

Жила в деревне большая семья Мокрушиных – Георгия Тимофеевича и Агриппины Даниловны – семья моих предков по линии папы Мокрушина Алексея Георгиевича. Было у деда и бабушки 6 сыновей: Степан, Николай, Михаил, Петр, Маркел, Алексей – и одна дочь Анна.

*Дети Георгия и Агриппины. Стоят Алексей
(мой папа), Маркел, Петр.
Сидят Михаил, Анна, Николай.*

Степан Георгиевич ушел на гражданскую войну. Среди родных говорили, что он с "белыми" бежал за границу и затерялся в огромной толпе эмигрантов. Поговаривали также, что было от него послание из Австралии где-то в пятидесятых годах прошлого века. Да никто ему не ответил – боялись, что за связь с иностранцем будут преследовать.

Анна Георгиевна в конце 1945 г. уехала по комсомольской путевке в г. Харьков на восстановление разрушенного во время войны города, где и осталась жить. Замуж она не вышла, детей не было. Умерла Анна Георгиевна в 1989 г.

Николай Георгиевич и Михаил Георгиевич умерли во время Великой Отечественной войны. У Михаила детей

не осталось, у Николая были две дочери: Валентина и Ираида – и сын Афанасий.

У Маркела Георгиевича было две дочери: Маргарита, Тамара – и сын Владимир. Он болел эпилепсией и умер в детстве (утонул в реке). Тамара Маркеловна и Маргарита Маркеловна уехали из Очёра, будучи уже взрослыми.

У Петра Георгиевича детей не было. Он всю свою жизнь прожил в деревне Мокрушино, был очень умным и уважаемым человеком. Пётр Георгиевич был почти слепой: не было одного глаза, а вторым он видел только на треть (детская шалость привела к трагедии – побаловались с ребятами патроном, оставленным кем-то из вояк).

Мой любимый дядя Петя, у которого я жила в деревне летом и приходила к нему зимой. Благодаря ему я полюбила эту деревню всей душой. Алексей Георгиевич (мой папа) погиб во время Великой Отечественной войны в 1943 г. возле г. Гжатска Смоленской области (ныне г. Гагарин). У него остался сын Павел, три дочери: Зинаида, Валентина и Людмила (это я).

Еще жила в деревне другая семья Мокрушиных – Василия Алексеевича и Александры Степановны (мои прадед и прабабушка по линии мамы). У Василия Алексеевича было два брата: Авдей Алексеевич и Тимофей Алексеевич.

Дети Василия: Ульян, Евстигней и Домна. Про Ульяна ничего не знаю. Евстигней пропал без вести во время ВОВ под Ленинградом.

*Василий Алексеевич Мокрушин.
Запись на фото: «Колхозник
колхоза им. Блюхера
Зареченского с/с
Верещагинского р-на. Урал».*

Домна Васильевна Мокрушина вышла замуж за Кожевникова Нефеда Сидоровича из Нововознесенска и жила там до раскулачивания. Семью раскулачили в 1920-х гг.: Нефеда Сидоровича выселили в Сибирь, а Домна Васильевна вернулась с детьми в д. Мокрушино к отцу, Василию Алексеевичу.

У Домны Васильевны Кожевниковой (моей бабушки) было четверо детей: Анна, Антонина, Андрей и Анастасия. Антонина Нефедовна, после окончания медучилища, большую часть жизни проработала медицинской сестрой в госпитале на Дальнем Востоке. Последние лет 15 жила в Перми, умерла в 1998 г. Анастасия Нефедовна Кожевникова (в замужестве Горобец) жила в Очёре, работала в артели имени Чапаева, заведующей универмагом, умерла в 2019 г.

Андрей Нефедович Кожевников прошел всю войну, вернулся в деревню на костылях и с пробитой головой, награжден орденами и медалями. В деревне жить не остался, выехал в Очёр, где работал в Госстрахе, заведующим сберкассой, заочно окончил Пермский госуниверситет, трудился в облфинотделе, а потом был директором финансового техникума в Перми, умер в 1991г.

Андрей Нефедович обосновался в городе не один, он перевез всю семью: мать Домну Васильевну, сестёр – Анастасию и Анну, со всеми детьми, – в Очёр. Жить пришлось в небольшой двухкомнатной квартирке полуподвального помещения возле пруда. В послевоенные годы жилось трудно, голодно, и дядя Петя Мокрушин приносил нам из деревни молоко, замороженное кружками. И если бы не его деревенская поддержка, не знаю, как бы мы выжили.

А в деревне было сытно (относительно) и весело. Здесь жили далеко не богато, но хотя бы коровьего

молока в хозяйстве у дяди Пети было вдоволь. В послевоенные годы в Мокрушино детей было мало. Моя ровесница была одна – Фаина Мокрушина. Она и сейчас живет в Очёре, моя верная деревенская подруга детства Фаина Григорьевна Мишланова. По утрам бригадир дядя Толя Жданов ходил и «наряжал» (давал распоряжения), кому и куда идти на работу. Он стучал в окно к дяде Пете и говорил: "Я слышал: к тебе заводские пришли. Посылай их на березу ягоды собирать".

Дядя Петя отправлял нас с сестрой пасти скот (пасти скот). Сестра Валя реже, чем я, бывала в деревне, а я бежала сюда с удовольствием – на волю. Пастушили в деревне по очереди. «Взрослые руки» летом были необходимы на основных работах в колхозе. А над нами назначали руководителем одного взрослого, давали двух-трех детей в помощь, и мы пасли скот. И набегаемся, и наиграемся, и насмеемся – вдоволь. Летом обязательно ещё помогали дяде Пете заготовить сено для коровы на зиму (немного заготовливали и колхозу).

Дядя Петя, несмотря на увечье, косить мог сам, а грести сено не мог: не видел скошенную траву и валки сена, которые надо было собирать в копны. Сенокосному мастерству меня учила мама Анна Нефедовна. В жизни этот навык пригодился, когда я, работая на заводе, отправлялась с заводчанами в деревню на сенокос – в

*Наш дом (1940-е гг.).
Впереди пристройка - колодець (Колодка)*

помощь колхозу. Сенокосная пора незабываемая: запахи трав, знакомство с новыми местами и людьми. По вечерам возвращались уставшие и голодные. Но не сидели дома, а

бежали за Колодку (определенное место, где встречались дети всех возрастов).

Играли в "шар и бабу", в прятки, в догонялки. Зимой, в воскресенье (раньше отдыхали один день) опять бежали в деревню. Летом молодежь часто собиралась на танцы. В деревне стоял большой сарай, где хранились сани, телеги и немудреный пожарный инвентарь. Молодые люди вытаскивали, выкатывали сани, телеги на улицу, и в пожарной (так называли сарай) устраивали танцы под гармонь. После – всё возвращали назад, закрывали пожарную и расходились по домам. Утром бригадир, выходя на наряды, проверял, все ли сделано как надо.

Транспорта не было никакого – в деревню и из деревни ходили пешком. От Очёра до Мокрушино было 10 км по тракту, а летом дорогу немного сокращали, что называлось «ходили покосами». Когда-то это была конная дорога, но в нашу бытность от неё осталась тропинка, тянущаяся через лесочки, поля и пашни. Эта дорога была на 3 км короче.

Надо отметить, что местность и поля до деревни назывались либо в силу особенностей природы, ландшафта, либо по именам людей, которые когда-то владели этими землями: Крутой лог, Копённое поле, Никитинское, Назарово поле, Симага, Выброски, Кряж, За угором, Починок.

Выходя из Очёра, мы проходили по ржаному полю, затем под горку спускались к Сухой Сосновке (так называли речку, которая протекала только в весеннее половодье или (редко) летом в проливные дожди). Некоторое время шли по лесочку и выходили на Выброски – это была половина пути от Очёра до деревни Мокрушино. Потом снова шли по лесу и в конце выходили на Кряж – небольшую горку, на которой мне всегда хотелось остановиться и осмотреться кругом.

Впереди было небольшое поле, сразу за ним – родная деревня, слева Вавилов сколок (небольшой лесок), справа лес уходил далеко, в Симагу. Обязательно надо было посмотреть на деревню, точно, как в песне: "Гляжу на тебя я, прикрывшись рукой, ты в легком платочке июльского облака, в веснушках черемух стоишь над рекой". Очень люблю эту песню, потому что она про мою деревню и про меня.

Жителей Мокрушино назову не всех, а в основном, тех, кто жил на нашей стороне деревни, и все они были с фамилией Мокрушины. Я уже упоминала, что деревня была разделена логом на две части (на другой стороне деревни, за логом, жили семьи Бояршиновых, Касьяновых, Ждановых).

Так, на нашей стороне очень хорошо помню Павла Гавриловича. Его дом стоял в Мокрушино первым, если идти из Очёра покосами и с Кряжа. В деревне его звали просто Гаврилыч. Он долгое время был пастухом, а когда состарился и не смог работать, то пасти скот стали по очереди. У Гаврилыча был "крутой" витень – приспособление для погони скота, с длинной деревянной ручкой и скрученным кожаным жгутом. Гаврилыч мастерски им щелкал по земле, и скот боялся; от такого звука вздрагивали даже люди.

Затем был дом семьи Елены Федоровны Мокрушиной, мамы моей подруги Фаины. Фаина Григорьевна Мишланова мне помогла вспомнить многих из нижеперечисленных жителей нашей деревни.

Следующий дом был Степана Григорьевича, пожилого, очень седого деда. Он жил с женой Татьяной единолично, до самой смерти не вступив в колхоз. Умер в начале 1950-х гг.

Напротив Степана Григорьевича стоял дом моего дяди Пети (Петра Георгиевича Мокрушина). Получается, что его дом был первым в деревне по левой стороне

*Дом дяди Пети (1950-е гг.),
Петр Георгиевич
и Капитолина Петровна*

улицы. Они жили вдвоем с Капитолиной Петровной. Сразу за домом начинался огород, а ниже, под горку, в сторону ключика, был разбит довольно приличный

сад. От избы дяди Пети улица поворачивала направо, а налево

стояла пожарная и росла огромная развесистая липа. Говорили, что она вековая.

Между пожарной и домом дяди Пети был крутой спуск к ключику, а дальше шла дорога на другую сторону деревни. За угловой усадьбой Степана Григорьевича жила семья Сергея Семеновича (по-деревенски – Серёги Семахина). Дети у него были рождены до войны.

Потом улица снова поворачивала влево, а справа дорога вела на колхозный конный двор, куда нередко мужики на сходки собирались обсудить дела и не только. Сразу за поворотом, на правой стороне улицы стоял дом Стафия Васильевича Мокрушина. Дальше – изба Петра Павловича и Елены Егоровны, очень видной и уважаемой в деревне женщины. И если говорили про них, то называли семьёй Елены Егоровны. У них было две дочери и сын Александр.

Напротив был дом Степана Дмитриевича Мокрушина. Из его сыновей помню Костю-гармониста и Анатолия. Позади усадьбы Степана Митрича (так его

звали в деревне) стоял небольшой домишко вдовой Марфы, где она жила с дочерью Ефрасьей.

Дальше по улице стоял дом моего прадеда Василия Алексеевича Мокрушина, большой, пятистенный (один большой сруб разделен посредине капитальной бревенчатой стеной). После войны (на моей памяти) в одной половине дома жила семья погибшего в войну Евстигнея Васильевича, брата моей бабушки Домны, - жена его, Александра (тётя Саня) с сыновьями Николаем,

*Мокрушины Леонид Евстигнеевич
и Николай Евстигнеевич*

Леонидом, Валентином и Владимиром. Николай Евстигнеевич в деревне жил не долго, уехал в Очёр, а потом переехал в другой город. Валентин Евстигнеевич и Владимир Евстигнеевич тоже в деревне жили не долго, разъехались кто куда.

Леонид Евстигнеевич Мокрушин всю жизнь прожил в родной деревне, был уважаемым человеком, работал в колхозе, был бригадиром и состоял в Семёновском сельском совете. Он много сделал для благоустройства деревни, неоднократно чистил пруд и даже запускал туда рыбу, оберегал его, как мог.

В другой половине дома жили мы: Домна Васильевна Кожевникова, моя бабушка; Елена Степановна (ее звали «бабонькой»), одинокая родственница бабушки Домны по мужу; мама Анна Нефедовна с детьми: Павлом, Зинаидой, Валентиной и мной; и младшая сестра мамы Анастасия Нефедовна.

У нашего дома был выкопан колодец, обнесен сарайчиком. Колодец был не на территории усадьбы, а на

улице, потому что из него воду брали соседи. Это место и называлось в деревне Колодкой. Здесь часто собиралась и молодежь пообщаться, и дети поиграть. Говорили в деревне: "Пойдем к Колодке", – что означало: «Пойдем играть».

За нашим домом налево, под горку, стоял дом Егора Васильевича Мокрушина. Мимо его усадьбы шла небольшая дорожка, спускающаяся под горку к самому ключу-колодцу.

Наискосок от нашего дома жила семья Маркела Георгиевича Мокрушина, моего дяди по папиной линии.

За ними была изба Авдея Алексеевича Мокрушина, брата моего прадеда по маминой линии. Семья была большая. Говорят, что Авдей известен тем, что красиво и умело расписывал прясницы (приспособление для пряжи). Его прясницы хранятся в Очёрском музее им. А.В. Нецветаева. Авдей Алексеевич тоже не вступил в колхоз, жил единоличным хозяйством, а вскоре после войны переехал в Очёр.

За домом Авдея Алексеевича, под горой, был колхозный сад, который развел его брат, мой прадед, Василий Алексеевич Мокрушин. Прадед прославился тем, что первым в Предуралье сажал яблони, выводил новые сорта – и в 1940-м г. ездил на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. Более подробная информация о нем была напечатана в газете "Сталинский Ударник" № 25 (708) от 20 марта 1940 г. На моей памяти в редкой усадьбе в деревне не было яблонь.

*Липа вековая, под ней сидит
Павел Алексеевич (мой брат),
а справа виднеется крыша
сарая-пожарной
(фото 1960-х гг.)*

*Часть пруда, когда-то сделанного
жителями деревни, и ключик под
березой (фото 1960-х гг.).
Ключик уже замыло песком,
и он едва-едва угадывается.*

Автор статьи: Шестакова (Мокрушина) Людмила Алексеевна.

Деревня Петрованово Дворецкого сельского совета

Воспоминания моего отца Василия Андреевича Бородина

(1926-2008 гг.)

«Родился я 14 февраля 1926 г. в Молотовской области (Пермской) Очёрского р-на Дворецкого с/с деревне Петрованово – в маленькой деревушке, 18 дворов, в 25 км от райцентра, в 25 км от железной дороги (Верещагино). Деревня протянулась вдоль речки Малая Рассоха, на возвышенности. Речка берет начало от деревни Оскино, около Менделеево. Впадала она в Погорельский пруд, который образовывался из трех рек. Пруд и наша речка в 1920-х-1930-х гг. были рыбные. Водилось множество сороги, карасей, окуней, щук и прочей мелочи. Очень любили удить рыбу с братом Дмитрием и отцом Андреем Петровичем Бородиным. Утром перед работой ходили на лодке и всегда ведро-два привозили домой. Ставили сети и морды.

В 1930-х гг. работала мощная мельница в деревне Погорелка. Мельница состояла из 3-х мукомольных станков и одной круподелки. Молоть зерно приезжали сюда со всей округи на лошадях. Рядом с мельницей стоял домик, в котором спали на нарах люди, ожидавшие очереди на помол зерна. Я очень любил бывать на этой мельнице, поест горячую муку, погреть в ней руки. И шум станков, и шипение падающей воды, которая двигала турбины, – всё это мне казалось приятной, магической силой. Посещать мельницу приходилось чаще всего из-за нехватки хлеба у нас дома.

Семья была большая. Работали родители от зари до зари. И мы, пацаны, все летние каникулы – до сентября – тоже трудились в колхозе, но на трудодни хлеба давали мало. Были засухи, а государство требовало много сдавать зерна. Иногда и урожай хороший, но не успевали всё

убрать: не хватало техники, не было автомашин. Возили зерно на лошадях до станции Менделеево – это 20 км. Чистый хлеб ели изредка, на праздники. Мешали муку с клевером, лебедой, кучлиной (из головок льна) и прочими примесями.

Промтоваров в магазинах почти не было. Сами ткали на станках холсты, шили холщовые рубахи, штаны, пальтишки. Из овечьих шкур шили шубы, шапки, испотки, катанки. Летом носили лапти. Осенью, весной – чёсанки с галошами. Сами делали лыжи из осины, березы и липы. Коньки изготавливали таким образом: деревянные баклушки оковывали проволокой, прикрепляли ременные гужики и веревочки, чтобы притянуть их к ногам. Надевали на валенки.

В школу ходили за 4 км в село Дворец. Осенью, пока лед на пруду не завалило снегом, передвигались на коньках, зимой – на лыжах. Я учился в школе с большим желанием. Каждый год и в каждом классе был ударником. Случалось, когда родители по какой-то причине не пускали меня в школу, я со слезами на глазах доказывал и упрашивал, чтоб только отпустили. Рад был помогать неуспевающим товарищам. Кроме учёбы, много приходилось делать работы по дому: заготавливать дрова, носить воду с колодца, который находился за 200 м, кормить скотину, чистить дорожки от снега, прибираться в избе, иногда и полы мыть. Приходилось водиться с маленькими сестренками: Валею и Зоей.

В течение всех летних каникул мы, ребята с 4-го по 7 классы, работали в колхозе: возили навоз на лошадях, на молотье погоняли лошадей в приводе молотилки "очёрки". Погоняли лошадей особым образом – в жнейках, запряженных "гусем", т.е. по три лошади. В обеденные перерывы крутили ручками точило, т.е. точили ножи к сенокосилкам и жаткам. Когда подросли, стали

возить на лошадях картошку, зерно на элеватор в Менделеево для государства. Приходилось таскать мешки на горбу наравне со взрослыми мужиками.

Мой отец Андрей Петрович Бородин, 1894 г. рождения, был искусный столяр и плотник, хорошо плел лапти. Был очень строгий по отношению к нам – детям – и даже жестоким. Частенько попадало нам от него солдатским ремнём. Может быть и по заслугам. А когда приезжали гости (ведь часто были помочи, да и так – по праздникам), мы, пацаны, могли находиться только на полатях и втихаря смотреть оттуда. Если чуть зашумели, то грозный взгляд отца заставлял нас спрятаться и немедленно замолкнуть. А уж близко к столу подойти – это было исключено. Таков был порядок. От отца доставалось и матери Дарье Михайловне (ее год рождения 1897 г.). Помню: мне лично приходилось заступаться за нее. И надо сказать – это помогало – отец отступал и уходил. Иногда даже оправдывался передо мной, дескать, она сама виновата.

Андрей Петрович имел 4-хклассное образование, что в то время считалось хорошим образованием. В 1929 г. наша семья перенесла страх и горе. По чьему-то доносу, а это совершенно необоснованно, родителей посчитали за "кулаков" и решили раскулачить. А что было у нас отнимать? Как сейчас помню, хотя мне и было-то около 4-х лет отроду, пришли какие-то уполномоченные, двое мужчин, выложили на стол наган и стали допрашивать родителей: "Где спрятано добро, хлеб, скотина и прочее..." Перед их приходом (матери было известно об этом

визите) она отдала нам, всем шестерым, одежду в руки: было-то по одной запасной рубашке, кальсоны да драные пальтишки. Мать говорит нам: "Ревите, но не отдавайте. Отбирать будут – кусайте им руки". Но отбирать не стали, так как нечего было. А что в хозяйстве было – описали и полтора мешка зерна все-таки забрали.

И в те времена некоторые люди были завистливыми. Я уже выше указывал, что отец и его брат Александр Петрович Бородин были хорошие трудяги. Они самостоятельно смастерили деревянную молотилку: первый привод с зубчатым колесом наверху (зубья деревянные были), второй привод с большим маховиком и через него ремень на малый маховик. Подключалась она к молотилке "очёрка". В первый привод лошадей запрягали в две ваги. Отец сделал на вагах сидение для нас, пацанов. Уж очень любили мы кататься. Почти вся деревня обмолачивала зерно из снопов на нашем сооружении. Попеременно были помочи, и все молотили зерно друг за другом. Но отец Андрей Петрович никакой пошрины с деревенских не брал. Это было доказано на допросе. Отец еще отстроил добротную конюшню и прочие строения в деревне.

А кому-то показалось, что Бородины – зажиточные кулаки. Жизнь доказала: кто ленится трудиться в деревне, тот живёт кое-как. В нынешнее время то же самое. Если мужик – трудяга, хозяйственник, то на его постройку (хозяйство) любо посмотреть – везде порядок. Так было и в прошлом, когда жили единолично.

В 1930-м г. нас реабилитировали, приняли в колхоз, и мало-помалу мы опять зажили неплохо. Отец стал работать конюхом на конном дворе. Я часто помогал ему. Летом каждую ночь пас лошадей на лугах с ним - по утрам пригоняли их на двор для работы. До 1941 г. нас шестерых выучили в школе, дали возможность закончить

по 7 классов. Отца Андрея Петровича Бородина перед войной избрали председателем колхоза "Труженик". Руководил он до конца 1941 г. Колхоз был из 5-ти деревень: Зеленята, Зорино, Петрованово, Погорелка и Чистогор. И вот сейчас, в 1980-х гг., осталась только деревня Зеленята с 10-ю жителями. Всему виной война. Многие жители этих деревень разъехались в города и в крупные поселки. Колхозы укрупнили. Так, из 5-ти колхозов образовался один "Дворецкий".

Родители – потомственные крестьяне-хлеборобы, считались "средняками". Семья была многодетная. Нас было у родителей десять: 5 братьев и 5 сестер. Я в семье был шестым. Всех удалось вырастить, воспитать и все стали порядочными людьми. Наша мать была удостоена звания "Мать-героиня" с вручением золотой медали. Вручал председатель Президиума Верховного Совета СССР т. Шверник, секретарь т. Горкин.

Конечно же, в нашем детстве было очень трудное время, в пору коллективизации. Не хватало питания, одежды, но дети не жаловались на трудности. Работали в летние каникулы от зари до зари. Не имели понятия о каких-то поездках на отдых вообще и, в частности, – в пионерские лагеря, хотя и были когда-то пионерами. Я же с 8 лет запрягал лошадей, возил на поля навоз, боронил и пахал, возил зерно обозами на элеватор на станцию Менделеево. Когда немного подрос, пришлось участвовать летом на сенокосах – косить траву косой (литовкой), возить снопы из полевых стогов на молотильный ток, погонять лошадей при молотье, крутить руками веялки, сортировать и заполнять мешки зерном. И так до окончания летних каникул, до сентября. Зимой ездил в лес на заготовку дров.

1 сентября – большой праздник для пацанов, ведь работа кончилась: идем в школу веселые, радостные.

Учеба была передышкой от летней физической нагрузки. Учились неплохо. Я лично не был отличником, но в каждом классе был ударником, и всегда ко мне прикрепляли учеников послабее.

Желание учиться было огромным, но война не дала. В 1941 г. пришлось закончить 7-й класс и меня в приказном порядке направили на курсы трактористов в МТС г. Очёр. Мне было тогда 15 лет. Два месяца учили и дали трактор, колесный, ХТЗ №47 (называли их копытными). Так я окончательно стал взрослым мужчиной и очень гордился, что уже управляю такой машиной, и ко мне старшие по возрасту относились, как ко взрослому, самостоятельному человеку. Работали в войну в две смены. Сменщик был такой же, как я, мальчишка, а после и на фронт вместе ушли.

Когда пахали, прицепщиками были девчонки, в основном. Одну зиму 1942-1943 гг. на своем тракторе крутил молотилку – обмолачивали снопы. А еще находили время повеселиться. Иногда собирались на вечёрки, и я, как всегда с гармошкой, веселил собравшихся. Играть на гармоне стал с 4 класса. И во время армейской службы не расставался я с гармошкой, да и до сей поры играю. И ведь ни у кого не учился играть – самоучка – видимо, от родителей передался музыкальный слух. Да и поплясать любил, и песни попеть, и частушки. Бывало: придут целой гурьбой девчата, ребята и у матери моей просят, чтоб меня отпустила на вечёрку с гармошкой. Без разрешения родителей никто не имел права уйти из дома куда бы то ни было. Ведь нас росло 10 человек. Дисциплина должна быть на высоте.

Иногда обижались, но потом все это осознали. Так и должно быть. Работали на две, а то и в одну смену – не хватало трактористов. Работали в очень тяжелых условиях: в полях ели и спали; не хватало запчастей,

горюче-смазочных материалов и рабочей силы. В прицепщики посылали девчонок или пацанов. И за них надо было отвечать и следить в оба. Были и девчата трактористами. Им еще трудней приходилось, но работали. Бывало: заглохнет трактор у девчонки-трактористки, а рукояткой не может завести (о стартерах тогда понятия не имели), и идет она ко мне за 2 км за помощью, если тракторного бригадира поблизости нет. Приходилось бежать или ехать на помощь, заводить трактор, а ведь за простой тогда нас строго наказывали. В военное время простой – это ЧП.

В нашем тракторном отряде была женщина-повар, которая готовила и носила, и на лошади возила нам в поля обеды. В этом отношении нельзя было обижаться: хотя и не досыта, но полевое питание было организовано. Зимой мы самостоятельно ремонтировали технику в МТС Очёра. Каждую неделю приходилось ходить пешком 28 км до города. Денег не было, в столовой нечего было есть. Чего матушка соберет немного, тем и питался.

Помню: пахал я на тракторе поле под зябь в соседней деревне Зорино. Было 12 октября 1943 г. Подъезжает председатель сельсовета К.П. Поляков верхом на своем коне. Я остановил трактор, сошел с него, чувствую, что важное дело есть у председателя ко мне, ведь просто так он не ездил, да и время было такое – военное – и дела у него поважнее, наверное, были. Он соскочил со своего коня, поздоровался за руку, как с настоящим мужчиной, спросил о делах и говорит: "Гони давай трактор в деревню на отстой, потому как садить на трактор некого, и вот тебе повестка – отправляться в армию". Напарнику моему тоже вручил повестку такого же содержания. 14 октября 1943 г. надо было уже отправляться в Очёр на отправной пункт. Это для нас с матерью не стало неожиданностью: мешок

со всем необходимым уже был заранее приготовлен. И через сутки она проводила меня из отчего дома.

Дарья Михайловна Бородина, моя мать, провожала на войну из нашего дома уже четвертого солдата. Я не видел у нее слез на глазах. И только потом, через некоторое время, догадался, что слезы у нее уже были выплаканы. Ведь к этому времени она получила похоронки на моего отца Андрея Петровича и старшего брата Николая».

Бородин Василий Андреевич

Автор статьи: Адиатуллина (Бородина) Людмила Васильевна.

Деревня Песьяна Кипринского сельского совета

Деревни Песьяна Кипринского сельского совета сегодня не существует. А когда-то там кипела жизнь, были добротные хозяйства. Взрослые трудились в колхозе «Доброволец» и на кипринском льнозаводе. По деревне протекала речка Песьянка, на ее берегах и поселились семьи Лузиных и Поносовых, основав два одноименных починка. Возможно, они появились еще в начале XIX века, но в документах были записаны вместе с д. Новикова (Киприна). В Песьяне проживали старообрядцы. В статистических документах починки Лузин и Поносов на речке Песьянке упоминаются в Списке населенных мест Пермской губернии в 1904 г.: в п. Поносова – 11 дворов, 56 жителей; в поч. Лузина – 7 дворов, 35 жителей. В Метрической книге Очёрской старообрядческой общины за 1911 г. в записи о рождении моего прадеда Лузина Василия Дмитриевича местом рождения указана д. Песьяна. В материалах Всесоюзной переписи 1926 г. починки Лузин и Поносов также записаны как одна деревня – Песьяна. В документах 1939 г. в д. Песьяна – 18 дворов и 63 жителя. Деревня вместе с Киприно и Пепеляево входила в состав колхоза «Доброволец». Согласно списку жителей Спешковского сельского совета 1941 г., в д. Песьяна проживало 72 человека, из них – 11 мужчин ушли на фронт, остальные – мужчины до 1900 года рождения, женщины, дети и подростки. Из всех ушедших на фронт в районной Книге Памяти погибшими записаны 5 человек, 1 мужчина вернулся живым. Судьба остальных пока не выяснена. Пропал без вести и мой прадед Лузин Василий Дмитриевич.

Я не застала расцвет Песьяны, помню ее уже угасающей. Недалеко от Троши стоял когда-то добротный дом – шестистенок. В начале 1990-х гг. в нем жила бригада лесорубов под руководством М. Костевича. Через

речку построена дорога – плотина – получился небольшой пруд. На его берегу жил Скачков Кузьма Петрович, ветеран Великой Отечественной войны. Еще в одном маленьком доме периодически обитала бабушка Жуланова Клавдия Васильевна (жила в Киприно).

В Песьяне когда-то жили мои прапрадедушка и прапрабабушка – Лузины Дмитрий Семенович и Дарья Ивановна. Во второй половине XX века в их доме жила дочь Ирина Дмитриевна с мужем Ломовым Григорием Афонасьевичем. В конце XX-начале XXI в. в песьянском доме жила моя бабушка по линии мамы Плотникова Анна Васильевна.

Мы, внуки, ходили на Песьяну: поднимались на угор за деревней Киприно, и, спускаясь с него, проходили по полевой тропинке. На поле перед Песьяной в разные годы сеяли рожь, пшеницу, горох, кукурузу. Кукуруза вырастала выше нас – шли по ней, как по лесу. Тропинка выходила к дому, где жил Троша, – старик, не любивший шум и гам. Будучи детьми, мы не особо озадачивались его полным именем и придумывали про него разные страшилки. За огородом Троши была поляна, по краю которой на возвышенном берегу речки Песьянки росли старые ели. Между ними были высокие качели. При раскачивании они скрипели – было страшно, но мы все равно любили на них качаться. До сих пор помню ощущение полета – еще чуть-чуть и взлетишь выше ёлок. Однажды Троша подпилит жерди качелей, и так высоко, как раньше, уже не раскачивались – опасались.

В речке вода была прозрачная и холодная. Камушками со дна мы рисовали на деревянных мостках. Ниже нашего дома, у речки, был ключик – туда уносили молоко, чтобы не закисало. Под практически одной крышей находились дом, мосты, ледник, загон, стая и мастерская дедушки. В доме часто собиралась родня,

звучали песни, смех. Мы до сих пор помним печку в нашем доме – глинобитная, обитая железом, с просторными полатами. А какой вкусный хлеб в ней получался!

Память детства, как фрагменты мозаики, хранит воспоминания: плохо говорящий дедушка Гриша, радующийся нашим приездам, его маленький трактор, строгая тетка Ира и ее козы, утренние молитвы, рассказы, песни бабушки, собака Лапка – такая толстая, что на ее спину можно было поставить стакан и он не падал, сенокосы, холодный квас... Из разговоров с теткой Ирой помню, что она не разрешала рвать цветы для неё, говорила, что сорванные они уже мертвые. Цветами нужно любоваться на лугу, живыми и цветущими. Еще она рассказывала, что в гражданскую войну по угору проходил Колчак, и в деревне всем лошадям заматывали морды, чтобы они не ржали в ответ проходящей мимо коннице. Бабушка Аня, ожидая нас, сидела на лавке около дома и пела песни, старые, протяжные. Мы слышали их с угора. Каждый уголок деревни хранит свои истории – как поздно мы начинаем ими интересоваться. Спросить уже не у кого.

*Ломов Г.А. на своем тракторе.
Стоит Ирина Дмитриевна Ломова.
В тележке: Ломова Нина Семеновна и я (автор).
Фото из семейного архива*

*д. Песьяна, 1969 г.
По воспоминаниям моего папы В.Г. Ломова –
дети сами наловили рыбу и сварили уху.*

*Лузина Дарья Ивановна со
снохой Лидией Савельевной и
внучкой Клавдией. 1941 г.
Фотографировались, чтобы
отправить фото на фронт
сыну и мужу Василию
Дмитриевичу*

*Лузины Дмитрий Семенович,
Дарья Ивановна, их внучка
Клавдия Васильевна.
Фото - конец 1930-х гг. д. Песьяна*

Автор статьи: Игнатъева (Ломова) Наталья Владимировна.

«В буднях великих строек»

В 80-х гг. прошлого теперь столетия мне довелось участвовать в туристско-краеведческой экспедиции пионеров и школьников «Моя Родина – СССР». Один из маршрутов экспедиции назывался «В буднях великих строек», он предполагал описание колхозной жизни на территории Очёрского района. Наш маршрут проходил по деревням: Бутылы (северная часть д. Низовская) – Семёново – Ежово – Самково – Билимбаиха – Комендаты – Пономари – Ромаша.

В Бутылах нам рассказали страшную историю периода гражданской войны. За деревней протекает речка Сосновка, которая обильно питается родниками. Там же, за деревней, был большой овраг, ограждённый густым лесом. Здесь белые устроили массовый расстрел мирных жителей, сочувствовавших Красной Армии, а также пленных красноармейцев.

В Семёново мы повстречали старого жителя. Он жил в начале деревни. Всегда ездил на лошадке, запряжённой в длинную телегу

для перевозки брёвен. Правая нога его была по колению обрезана, он носил деревянный протез. Ногу потерял на войне. Мы спросили его, из какой деревни он родом?

– О! Моя деревня называлась Шишига, её давно уже нет.

– Шишига? Какое странное название, мы и не слышали о такой. Где же она находилась? – продолжали мы опрос.

– А на полпути на деревню Зимы, что на границе с Большесосновским районом. Название получила от слова

«шишка». Крестьяне деревни были приписаны к заводу Строганова. Занимались углежжением. Уголь носили на завод. Там им выдавали денежку. Угольная печатка называлась. На неё крестьянин мог купить в лавках Очёра керосин, соль и другую нужную продукцию. Однажды углежог залез на дерево, чтобы обрубить ветку и, не удержавшись, упал. «Что ты валишься, как шишига! (то есть шишка)», – стали смеяться над ним. С тех пор это место и назвали Шишига.

Вот такая история.

В музее имени А.В. Нецветова мы нашли подтверждение слов, сказанных старожилом. Сфотографировали медную денежку графа

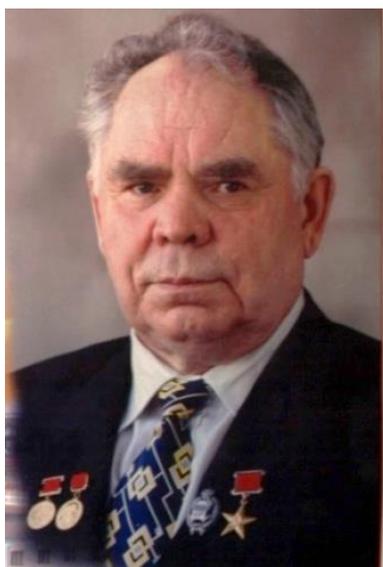

Строганова – угольную печатку. Узнали, что и в других местах жгли уголь и носили на завод. Например, район в верховьях реки Очёр назывался Гари.

Деревня Семёново – достаточно большой населенный пункт. Через него шёл тракт на Большую Соснову. Земскую школу строили пленные австрийцы. На речке Сосновке стояли кузницы. Одну из них мы осмотрели. Колхоз в деревне назывался именем В.К. Блюхера, героя гражданской войны. Старожилы помнили, как через их деревню шла колонна американского тракторного отряда, во главе которого сидела женщина, она управляла машиной. Было это в июле 1922 г. Колонна направлялась в Тойкино Большесосновского района для организации первого в России совхоза. Трактора были ярко окрашенные. Библиотекарка рассказала нам об истории названия населённого пункта. После подавления бунта Семёновского полка в Москве многие стрельцы бежали на восток. Селились в глухих таёжных лесах. Три брата – Тарас, Макар и Семён – остановились у речки Сосновки.

Жили в землянках. Так появились названия: гора Тарасик, Макарова гора и починок Семёнова (от редакции: о версии местных жителей можно прочесть в сборнике *Все мы родом из деревни : сборник материалов по истории деревень [Очёрского района] / сост. Н. В. Игнатьева ; ред. коллегия: Н. Е. Бесстрашников, Т. Н. Дерендяева, Н. В. Игнатьева и др. - Пермь : А-Принт, 2015. - 128 с.*). Постепенно их жилища обрастали новыми поселенцами. Больше развитие получило Семёново.

В Билимбаихе нас поразило строение старой усадьбы. Высокое крыльцо шло в избу. Под крыльцом небольшая дверь вела в клеть, где хранили зерно. Деревня имела несколько домов, расположенных вдоль дороги. Крыши были крыты соломой. Вот уж по праву попали в древний мир. Старожил деревни так объяснил название речки Татарки: «Из-под горки выпал ключ и дал имя речке». Татарское название деревни он перевёл так: Билим-бай – человек, богатый знаниями. Билимбаихинский завод графа Строганова стоял на реке Чусовой (ныне Свердловская область). Оттуда крепостных крестьян-мастеровых переселяли на новые заводы. Возможно,

переселенцы сохранили родное название для нового поселения. Также название свидетельствует о том, что в эти места набегали воинствующие полчища татар (тартары в переводе на русский язык – сыны ада).

Тем не менее, из деревни Билимбаиха вышли замечательные люди. Один из них Герой социалистического труда Носов Герасий Фёдорович.

Автор статьи: Гусева Маргарита Николаевна, краевед.

Деревня Ивановская (Ивановка) Петраковского сельского совета

Деревня Ивановка Петраковского сельского совета (д. Ивановская, починок Ивановские Кулиги) известна с 1816 г. (по исследованиям Шумилова Е.Н.).

По переписи 1816 г. в починке было 2 дома, в которых жили Корнауховы. Починок назывался Ивановские Кулиги (кулиги – по толковому словарю Даля В.И. «вид кулика, клин земли, полоса, загон, участок, не вошедший в тягловый надел, ровное место, чистое и безлесое, лес расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пожню или пашню»).

Это были государственные земли. Селились там старообрядцы-беспоповцы, русские.

Алексей Шистеров, составляя свою родословную выяснил, что его прапрадед родился в 1833 г. в д. Ивановка, жил там всю жизнь. Дед Фёдор Васильевич Токарев с рождения и до 1947 г. тоже жил в Ивановке, а потом семья переехала в с. Токари. То есть кроме Корнауховых, были в Ивановке и Токаревы. Ещё жили Щипицыны, Марковы. Но основатели деревни – Корнауховы. В 1904 г. деревня всё ещё называлась Ивановские Кулиги, было там 29 дворов при 136 жителях. По данным за 1938 г., деревня называлась Ивановская, и было там 129 жителей. В 1962 г. деревня уже называлась Ивановка, с 82 жителями. Прекратила она своё существование в 1975 г.

В 1936 г. в Ивановской деревне был образован отдельный колхоз им. Кирова. Председателем колхоза был Трубин (из газеты «Сталинский ударник» от 27.02.1936 г.) В 1940 г. председателем был Карнаухов (из газеты «Сталинский ударник» от 21.08.1940 г.).

Вот, что вспоминают о деревне её бывшие жители. *Карнаухова Феоктиста Марковна*, 1940 г.р., родилась в

д. Маркелы Верещагинского района. В 1956 г. переехала на станцию Шныры. В 1959 г. она вышла замуж за Карнаухова Степана Ивановича из д. Ивановки. Его родители: Карнауховы Иван Лазоревич и Матрёна Сергеевна. Было у них пятеро детей. Степан – четвёртый ребёнок в семье. Жили вместе со свёкрами. Первого ребёнка Феоктисте Марковне пришлось родить дома. Роды приняла сама свекровь. Феоктиста Марковна рассказывает: «Только помыла пол в доме, как начались родовые схватки. Что делать? Медиков в деревне нет. Куда-то ехать – уже поздно – не доедем. Пришлось свекрови самой принять роды...». Работала Феоктиста Марковна и кладовщиком, и звеньевой на ферме, и телят пасла. «Была молодая, сильная – все работы по плечу. Жили дружно, весело, трудились всегда с песнями». В Ивановке была школа, но при жизни в деревне Феоктисты Марковны школа уже не работала. Дети ходили учиться в д. Петраки за 3 км. *(О том, что в деревне Ивановка была школа, мне выяснить не удалось. Ни в 1930-х, ни в 1940-х годах двадцатого века школы там не было. Может, открывалась она в 1920-х годах? – от автора.)* В деревне работали конный двор, ферма, кузница, свинарник. Были речка и пруд. В апреле 1970 г. семья переехала в Очёр. *(Записано со слов Карнауховой Ф.М. в 2019 г.)*

Из воспоминаний **Токаревой (Щипицыной) Елизаветы Евсеевны**, 1953 г.р. *(записано с её слов в октябре 2021 г.)*: «На 1960 г. в Ивановке было 30 домов, 1 улица и 3 проулка. Престольным праздником деревни была Троица. Женщины собирались в центре Ивановки и водили хороводы. В «округалица» играли (округалица – это хоровод с играми.) На слуху была песня: «Кареглазки, где вы скрылись? Мне вас больше не видать. Где вы скрылись, удалились? Навек заставили страдать». *(От автора: надо сказать, что в Ивановке было много*

песенников-любителей. Помню, что Борис Тимофеевич Карнаухов пел песню, в которой 33 куплета. Спрашивала его детей, помнят ли они эту песню. Они ответили, что нет. Муж моей старшей сестры Владимир Фёдорович Евдокимов, 1933 г.р., жил подростком во время Великой Отечественной войны в д. Ивановке. Он так задушевно пел! Со слезами на глазах...) В деревне был конный двор, мельница, кузница. Сеяли и перелопачивали зерно пличами (пличи – это большой совок, которым перемешивали и контарили (насыпали) зерно в мешки. Последними из деревни уехали наши родители в 1975 г.».

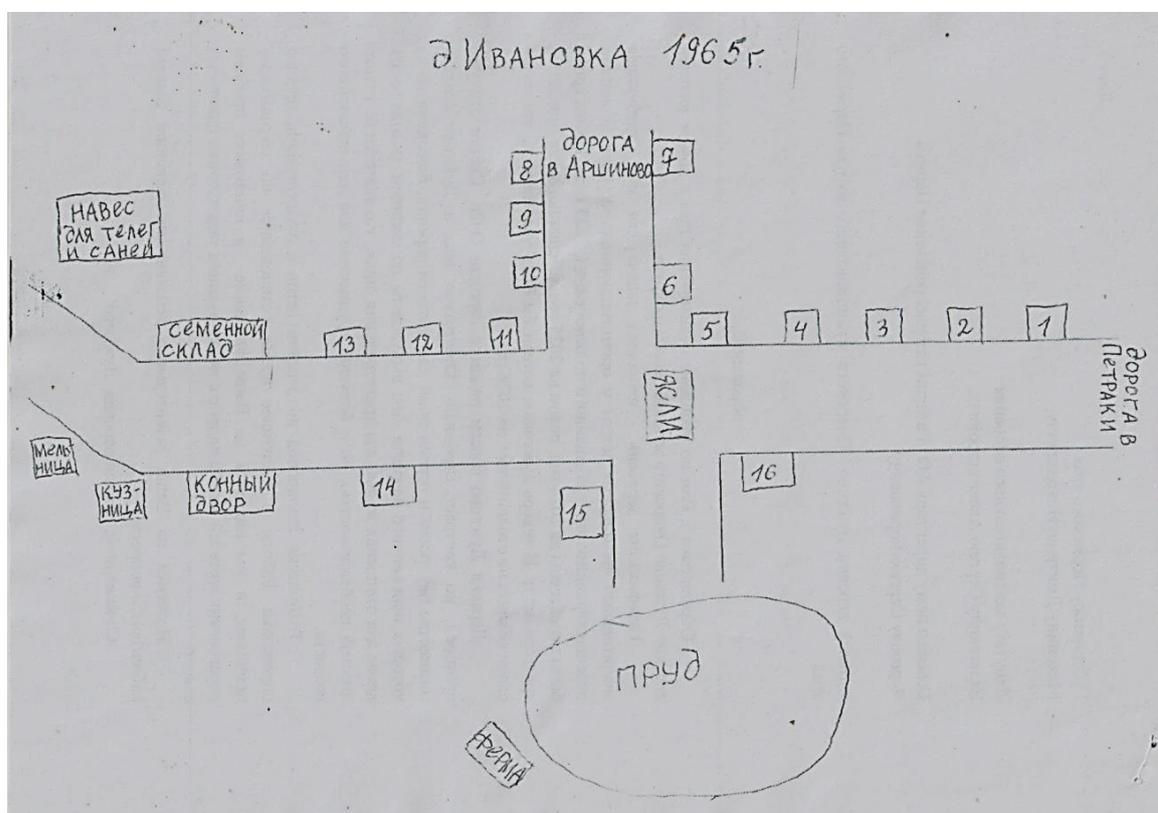

Схема д. Ивановки 1965 г. Помогли составить
Токарева Е.Е. и Карнаухова Ф.М. осенью 2021 г.

Из воспоминаний **Титовой (Щипицыной) Тамары Евсеевны**, 1946 г.р. (записано с её слов 27.07.2025 г.): «Деревня Ивановка была небольшая. Всего 30 дворов. Но работающих в колхозе людей казалось много. В деревне парней было больше, чем девочек. Невест сватали по другим сёлам и деревням. Создавали семьи, рожали детей.

Деревня жила полной жизнью. В Ивановке стояло двухэтажное здание: наверху контора, внизу пожарное отделение, где стояла ещё и лошадь. Школа находилась рядом с конторой. Это было здание на два крыльца – школа и детские ясли. В ясли деток приносили трёхмесячных – под потолком соорудили для малышек 7 люлек. В яслях какое-то время работала прачкой моя мама Ирина Фотеевна Щипицына. Контору и школу действующими я не застала. Видела только фотографию, где ученики стоят под окном школы. Очень запомнились дети с первого ряда на фото – некоторые из них были в лаптях. Какого года эта фотография и где она сейчас, я не знаю. Трудное было время. Дети из нашей деревни, когда закрылась школа, ходили учиться в д. Карнаухи в начальные классы, а в старшие – на станцию Кузьма. Ну, а мои ровесники ходили в начальную школу в д. Петраки, а в старшие классы – в с. Токари. Там мы жили в интернате. Воспитателем была Шильникова Мария Николаевна. В Петраках моими учителями были Шилова Анастасия Федотовна и Токарева Мария Сидоровна.

Летом мы, деревенские дети, работали в колхозе: возили копны на волокушах, силосовали. Когда поспевали зерновые, нас ставили на копнитель. На одной стороне копнителя девочка стояла, на другой – мальчик. Но было весело! Вечером успевали играть в лапту, в чижик, в волейбол. Не часто, но привозили фильмы в д. Аршиново. После фильма были танцы. Скамейки раздвигали вдоль стен помещения, и гармонист начинал играть. Очень популярна была пляска «Колхозная». Танцоры вставали парами, музыка была очень задорная – на месте не усидишь. В Аршиново собиралась молодёжь из ближних деревень: Ивановки, Шарунов, Карнаух (от Ивановки до Аршиново – 3 км, до Карнаух – 5 км, до Петраков – 3 км). В д. Петраки приезжали артисты очёрской

художественной самодеятельности. Мы ходили туда на концерты.

Ещё хорошо помню, как взрослые отмечали Троицу и через неделю Заговенье. На эти праздники все старались приехать, где бы ни жили. Гуляли шумно, весело. Могли зайти в любой дом без приглашения, где всех принимали и угощали.

На выборы ездили в д. Петраки. Там был организован избирательный участок. Ехали на лошадях, украшенных лентами, с песнями и гармошкой. Выборы – это праздник с концертами, песнями и плясками.

Постепенно людей в деревне становилось всё меньше. Пожилых забирали к себе дети. Молодые семьи уезжали в места, где были школы. Мои родители – Щипицын Евсей Илларионович и Ирина Фотеевна зимовали последнюю зиму одни в деревне. Весной, в мае, 1975 г. мы, дети, купили им дом в Татарстане и перевезли. Так закончилась история моей милой деревни Ивановка.

Дружила я с Валею Карнауховой. Её отец Тимофей Иванович работал мельником. В те дни, когда мололи черёмуху на муку, мы с ней любили прибегать на мельницу. Скручивали кулёчки из газет и с нетерпением ждали, когда Валин отец насыпет нам черёмуховой муки. В то время это было для нас необыкновенным лакомством!»

На фото справа налево: Тимофей Иванович Карнаухов, рядом его жена Евдокия. Дети: Николай, Александра, Елизавета, Татьяна, Любовь, Александр, Валентина. 1965 г. (Обе фотографии из альбома Титовой Т.Е.)

На фото крайняя слева Ирина Фотеевна, рядом муж Евсей Илларионович Щипицыны. Со стаканом Володя Щипицын, рядом присел сосед Карнаухов Александр. На заднем плане стоят супруги Бабиковы. Жену зовут Мария Кузьминична. Это троюродный брат Тамары Щипицыной с женой.

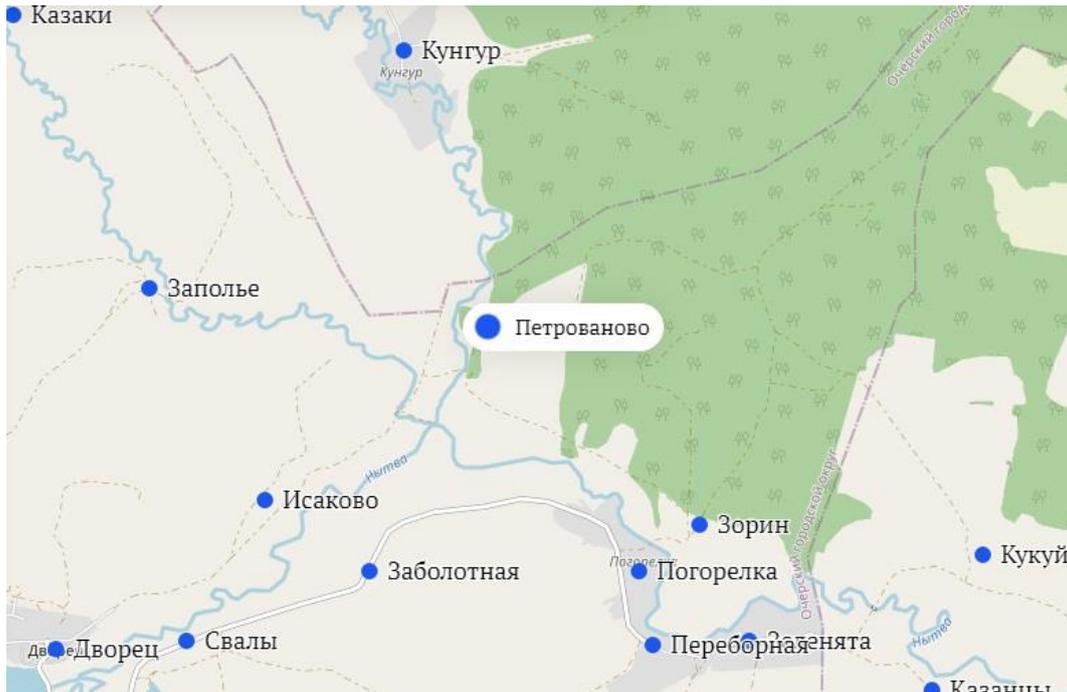
Из воспоминаний *Светланы Ивановны Завьяловой (Токаревой)* из комментария к публикации статьи об Ивановке в группе «Родные тропинки очёрской глубинки» от 26.02.2022 г.: «Со слов моей мамы Любови Михайловны Токаревой (Казымовой), а она все деревни в округе знала хорошо по долгу службы, работая в Петраковском медпункте. С середины 1950-х гг. д. Ивановка считалась молодёжной деревней. Молодёжь, молодые семьи стремились поселиться в ней. Деревня чистая, хозяйки чистоплотные. В детских яслях Ивановки было много деток. Я сама этому свидетель в 1961-1962 гг. и помню ивановские ясли.

Работающие, хозяйственные люди жили в д. Ивановке. Это было видно по тем бывшим жителям деревни, которых я знала лично. Они переехали в с.Токари. Фёдор Васильевич Токарев, участник Великой Отечественной войны, – серьёзный человек. Борис Тимофеевич Карнаухов работал в с.Токарях председателем сельского совета. Степан Марков – тракторист.

С Великой Отечественной войны в деревню не вернулось 10 человек. Вся работа во время войны легла на плечи женщин и детей. Дети начальных классов собирали ягоды, грибы, лекарственные травы. Собранные запасы отправлялись в районную заготконтору, а оттуда – на фронт. Осенью дети помогали убирать урожай, собирали колоски в поле. Зимой женщины и девочки вязали носки, варежки для бойцов. А ещё собирали деньги – с миру по нитке – на приобретение военной техники. (Об этом написано в районной газете «Сталинский ударник» в номерах военных лет).

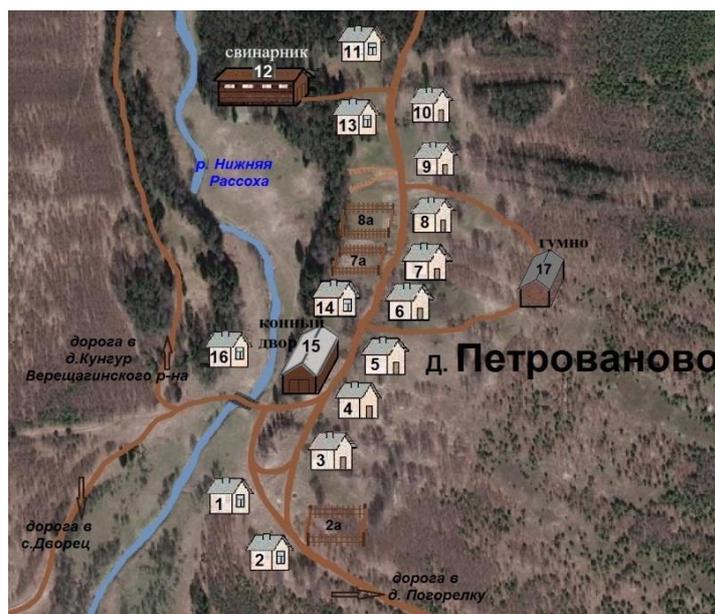
Автор статьи: Сальникова (Гладкова) Елена Мелентьевна.

Деревня Петрованово Дворецкого сельского совета

*д. Петрованово, Оханский уезд, Пермская губерния на 1859 г.,
из открытых источников*

Согласно Списку населенных мест Оханского уезда Пермской губернии за 1904 г., деревня Петрованово входила в Исаковское общество Дворецкой волости. В деревне проживали русские, бывшие государственные крестьяне. Всего 16 хозяйств – 80 жителей (40 мужчин, 40 женщин).

По сведениям Переписи населения 1926 г., в деревне Петрованово Дворецкого сельского совета – 18 дворов, 84 жителя (35 мужчин, 49 женщин). Водный источник – река Рассоха. Наиболее упоминаемые фамилии: Вшивков, Бородин, Азанов. В похозяйственной книге 1958-1959-1960 гг. – 9 хозяйств.

План-схема д. Петрованово, примерно 1950-х гг., составлен по воспоминаниям Азановой (Вшивковой) Валентины Николаевны.

- 1. Вшивкова Парасковья Васильевна, ее внучка Вшивкова Нина Васильевна.

- 2. Вшивковы: Николай Пименович, Елизавета Федосовна, сын Николай, дочь Валентина с дочерьми Галиной и Светланой, зять Азанов Борис Леонидович.

- 2а. Огород Вшивкова Николая Пименовича.

- 3. Вшивковы: Егор Наумович (в начале 1941 г. работал конюхом), Анна Зотеевна (телятница), дочь Лидия, сын Валентин.

- 4. Вшивков Платон Пименович (в начале 1941 г. – разнорабочий), дочь Александра с сыном Геннадием Михайловичем. В январе 1958 г. переехали в д. Зеленята.

- 5. Вшивковы: Семен (в начале 1941 г. – разнорабочий), Ульяна Пименовна.

- 6. Азанова (Гилева) Вера Дмитриевна (свинаркой работала).

- 7. Гилевы: Дмитрий Иванович, Александра Емельяновна, дочери: Нина, Зоя, Валентина, Вера живет в доме №6 (на схеме).

ВШИВКОВ
Платон Пименович

АЗАНОВА
Александра Платоновна

- 7а. Огород Гилева Дмитрия Ивановича.
- 8. Шиловы: Александр Алексеевич, Екатерина Ивановна, сын Василий, дочь Зинаида с дочерью Лидией Александровной.
- 8а. Огород Шилова Александра Алексеевича.
- 9. Вшивковы: Кондрат Николаевич (в начале 1941 г. работал конюхом), Евгения Васильевна; сыновья: Анатолий, Григорий (бригадир полеводческой бригады) с женой Верой Степановной; дочери: Валентина, Анна, Александра. В 1960 г. в доме №9 (на схеме) проживали Вшивкова Евгения Васильевна с сыном Анатолием Кондратьевичем, женатым на Фаине Федоровне, в девичестве Азановой, и их сыном Владимиром.
- 10. Бородина Дарья Михайловна, муж Бородин Андрей Петрович (погиб во время ВОВ). В семье Бородиных было 10 детей: пять сыновей: Дмитрий, Василий, Анатолий, Иван, Николай (погиб во время ВОВ); пять дочерей: Анна, Александра, Клавдия, Валентина, Зоя. *(Про семью Бородиных рассказано выше, в воспоминаниях Василия Андреевича Бородина – от редакции).*
- 11. Пентюхова Мария Матвеевна с сыновьями: Николаем Дмитриевичем, Василием Дмитриевичем; дочерью Анастасией Дмитриевной с детьми: Людмилой, Сергеем, Раисой, Татьяной. Переехали в д. Зеленята.
- 12. Свинарник.
- 13. Вшивкова Ксения Пахомовна с сыном Николаем Зотеевичем, дочерьми: Любовь Зотеевной, Антонидой Зотеевной (работала телятницей) с детьми: Сергеем и Галиной. В 1960 г. в доме №13 (на схеме) проживали Вшивкова Антонида Зотеевна с сыном Сергеем Ивановичем. Переехали в с. Дворец.
- 14. Азановы: Петр Матвеевич (заведующий МТФ), Мария Яковлевна (разнорабочая) с сыновьями: Николаем,

Леонидом (погиб в 1944 г. во время ВОВ); дочерьми: Анной, Александрой, Валентиной. В 1960 г. в доме №14 (на схеме) проживали Азанова Мария Яковлевна с дочерьми: Александрой Петровной, Бородиной (Азановой) Валентиной Петровной с зятем Бизяевым Владимиром Васильевичем; внучками: Азановой Ниной Сергеевной, Бородиной Людмилой Александровной.

- 15. Конный двор.

- 16. Шиловы: Иван Максимович, Мария Фотеевна с сыном Анатолием. Переехали жить в д. Погорелка.

- 17. Гумно (по данным Википедии, «гумно – это расчищенный, часто огороженный, утоптаный участок земли, на котором в крестьянских хозяйствах складывали скирды необмолоченного жита. На гумне иногда устанавливали навес, размещали овин. Часть гумна, предназначенная для обмолота, очистки и сортировки зерна, называется током»).

Я не краевед, просто неравнодушный житель, занимающийся сбором информации об исчезнувших деревнях и людях Дворецкой стороны, живших ранее и ныне живущих. Я тоже родом из деревни.

Хочу рассказать о том, что собрала о д. Петрованово и о её жителях.

Деревня Петрованово находилась в восточной части Очёрской территории на границе с Нытвенским районом. Расположена она по левому берегу реки Рассохи, в тихом уютном месте. Сразу за деревней, в гору, начинались поля Кучериха. В начале деревни, недалеко от дороги, росли тополя. Дорога из д. Петрованово в д. Погорелку проходила по Васинскому полю: нижнему, верхнему, – по краю поля вверх – Песьяный лог. В Петрованово работали конный двор, свиарник (впоследствии там держали телят), гумно. В каждом домохозяйстве были коровы, овцы, куры, гуси, свиньи.

Электричество в деревне появилось в начале 1960-х гг. Деревенские дети ходили учиться во Дворецкую школу. Ближайшие магазины работали в Погорелке и во Дворце. В 1930-е гг., когда началась коллективизация, д. Петрованово и ближайшие деревни (Зорино, Погорелка, Зеленья, Переборная, Чистогор, Давыдята, Камята) вошли в колхоз «Труженник». Население, в основном, занималось земледелием (основные культуры, которые выращивали: пшеница, рожь, ячмень, овес, гречиха, лен), животноводством, в том числе, коневодством, пчеловодством. Расстояние между населенными пунктами – от 1 до 5 км. Люди работали без зарплаты – за трудодни. По воспоминаниям Азановой (Вшивковой) Валентины Николаевны, в колхозе «Труженник» было три полеводческие бригады. В бригаду №2 входили жители деревень Петрованово и Зорино. Две одинаковых фотографии с разными надписями на обратной стороне («Найдите на фото меня!» – от автора): одна – из

*Жители деревень: Петрованово, Зорино – 2-я бригада колхоза «Труженник» Дворецкого сельсовета. Август 1959 г.
Фото из архива Павловского краеведческого музея*

фондов Павловского краеведческого музея (август 1959 г, 2-я бригада колхоза «Труженик» Дворецкого с/с, д. Зорино), вторая – была предоставлена Ириной Ивановной Азановой, внучкой жительницы д. Петрованово Гилевой Александры Емельяновны, – с надписью: «На память дочерям от мамы, коллектива колхозников».

Александра родилась в семье крестьян Вшивкова Емельяна Антоновича и Марфы Николаевны. Александра Емельяновна в браке с Гилевым Дмитрием Ивановичем, тоже коренным жителем д. Петрованово, воспитали четырех дочерей: Веру, Нину, Зою, Валентину. Всю свою жизнь супруги Гилёвы трудились разнорабочими в бригаде колхоза/совхоза (в зависимости от реорганизаций, происходящих в стране). Оба труженики тыла.

*д. Петрованово, 1950-е гг.
На стоге сена: Гилев Дмитрий Иванович.
Фото из альбома Азановой И.И.*

*д. Петрованово, конец 1950-х гг.
Гилева Александра Емельяновна с дочерьми:
Зоей и Валентиной. Фото из альбома Азановой И.И.*

Дочери семьи Гилёвых выросли и разъехались. Нина Дмитриевна уехала в г. Молотов (г. Пермь – от редакции), закончила авиационный техникум, работала на заводе «Протон». Зоя и Валентина тоже уехали, учились в Кунгурском лесном техникуме. По прошествии времени Валентина Дмитриевна жила и работала в г. Верещагино, а Зоя Дмитриевна – на станции Менделеево. Вера Дмитриевна вышла замуж в д. Гуслеево, но что-то не сложилось, и она вернулась обратно в д. Петрованово. Жила по соседству с родителями, работала свиноводом в д. Погорелке. (На фото из газеты «Ленинское знамя» – девушка в центре Вера Дмитриевна Азанова).

**„Вырастим и откормим всех поросят“, —
говарят эти девушки**

...Шел слет молодых животноводов района. На трибуну поднялась невысокая девушка и эмоционально произнесла:

— Беру обязательство в нынешнем году получить от каждой основной свиноматки по 11 и от разовой по пять поросят и всех их откормить. Вызываю на соревнование Галину

Путину из колхоза «Нива»...

Раздались дружные аплодисменты. Молодые животноводы рукоплескали свиноводке погорельской фермы колхоза «Дружба» Зинаиде Шиловой.

Вернувшись со слета, Зина рассказала подругам Вере и Валентине о принятом решении включиться в соревнование за увеличение производства сви-

ного мяса. Девушки поддержали ее.

— Будем и мы бороться за то, чтобы вырастить и откормить всех полученных поросят, — заявили они.

Старательно трудятся девушки на ферме. В свиноводстве у них всегда чистота и порядок. Не довольствуясь достигнутым, молодые свиноводки изучают опыт передовиков и

старается использовать его в своей работе. В свободное время они присаживаются к столу в красном уголке, читают сельскохозяйственные журналы и газеты.

— Учеба помогает нам лучше организовать уход за свиньями, — говорит Зина. — Особенно много нового дало мне посещение Всесоюз-

ной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Первомайский праздник весны и труда застал девушек на ответственном посту. Идут опоросы, и свиноводки целыми сутками не уходят с фермы.

НА СНИМКЕ: (слева направо) Зина Шилова, Вера Азанова и Валентина Азанова в красном уголке на ферме в свободное время.

Газета «Ленинское знамя», № 51 от 1 мая 1958 г.

Люди часто переезжали из одной деревни в другую. Сейчас мы можем только догадываться о причинах переездов (отсутствие школ, детских садов, магазинов, укрупнение населенных пунктов...). Так, и семья Гилевых-Азановых в начале 1960-х гг. уехала из д. Петрованово. Жили в Погорелке, Зорино, Зеленьях. Вера Дмитриевна работала конюхом, а затем телятницей на зеленятской ферме, откуда впоследствии вышла на пенсию.

Теперь расскажу о семье Шиловых, живших в д. Петрованово. Сюда они переехали из д. Чистогора (примерно, в 1938-1941 гг. — точных данных нет — от

автора). Шилов Александр Алексеевич, участник ВОВ, в начале 1941 г. работал конюхом; жена Екатерина Ивановна Шилова трудилась разнорабочей в д. Чистогор.

*Шилов Александр
Алексеевич.
Фото из альбома М.В.
Кокаревой (Шиловой)*

*Шилова Екатерина
Ивановна.
Фото из альбома М.В.
Кокаревой (Шиловой)*

*д. Петрованово примерно 1950-1955 гг.
Дом Гилева Дмитрия Ивановича и Александры Емельяновны.
На заднем плане дом Шиловых Александра Алексеевича и
Екатерины Ивановны. Этот дом ранее принадлежал купцу
Вишивкову Андрею Наумовичу.
Фото из альбома Азановой И.И.*

Есть интересная выписка из протокола №20 заседания президиума Дворецкого сельсовета, состоявшегося 2 ноября 1938 г.: *«Повестка дня: в том числе, слушали заявление колхозника из колхоза «Труженик» д. Чистогор Шилова Александра Алексеевича о покупке дома в д. Петрованово, принадлежащего сельскому совету, бывший дом купца Вишивкова Андрея Наумовича. Постановили: дом в д. Петрованово продать, а вместо того купить дом в д. Ваганы».*

Дети Шиловых: Зинаида, Василий. Зинаида Александровна в 1958 г. работала свиначкой (на фото из газеты «Ленинское знамя» – девушка слева Шилова Зинаида). Когда жители деревни стали разъезжаться, покидать деревню, Зинаида Александровна с мамой и детьми: Лидой и Вениамином – переехали жить в д. Зеленьята. По воспоминаниям Зинаиды Александровны, 1929 г. рождения: *«Начала работать рано. В войну трудилась наравне со взрослыми в полеводческой бригаде. На Зеленьятской ферме работала телятницей, дояркой. Первой получила надой от коровы – 3000 л молока, в среднем по группе. Всю жизнь, до выхода на пенсию работала в животноводстве».* Член КПСС. Награждена почетными грамотами, юбилейными медалями, имеет правительственные награды.

Брат Василий Александрович Шилов жил в д. Шумихе Нытвенского района, в 1989 г. его не стало.

*Шилов Василий
Александрович.
Фото из альбома М.В.
Кокаревой (Шиловой)*

Азанова (Вшивкова) Валентина Николаевна с мужем Борисом Леонидовичем и детьми: Галиной, Светланой и Людмилой. Фото из альбома Азановой В.Н.

Ещё хочу поделиться воспоминаниями милой и доброй женщины Азановой (Вшивковой) Валентины Николаевны, чья жизнь тоже связана с д. Петрованово. Сейчас Валентине Николаевне 88 лет, она живёт в г. Лысьве, но каждое лето приезжает в гости к младшей

Вшивковы Николай Пименович с женой Елизаветой Федосовной (Широглазовой).

Фото из сообщества «Родные тропинки очёрской глубинки» Азановой В.Н.

дочери Людмиле в д. Погорелка. Вот, и летом этого (2025) года гостила она здесь с правнуком (пойдет в 1-ый класс). Как говорит Валентина Николаевна, её родители – коренные жители д.

Петрованово. Отец Николай Пименович Вшивков родился и вырос в д. Петрованово, участник Первой мировой

войны, в 1922-м г. вернулся в деревню и женился на Елизавете Федосовне Широглазовой, уроженке д. Зеленят.

Отец Елизаветы Федосовны, дед Валентины Николаевны Федос Петрович Широглазов был глухонемым. В личном хозяйстве имел молотилку «очёрку».

Валентина Николаевна Азанова (Вишвкова) вспоминает: «В 1937 г. родители поехали искать счастье на стороне. Вырваться из деревни тогда было очень сложно, но другая жизнь манила. Мама (*Елизавета Федосовна – от редакции*) была на сносях, но отца (*Николая Пименовича – от редакции*) это не остановило, и они переехали на новое место жительства в пос. Ивдель Свердловской обл., где и родилась я – Валя. У меня были старший брат Александр и сестра Зоя. Наша семья, покочевав по Свердловской и Пермской областям, в 1947-м г. вернулась обратно в д. Петрованово. За это время мои родители потеряли сына Александра, который погиб на Великой Отечественной войне; умерла дочь Зоя, не выдержало здоровье.

А меня, говорят, «пичкали» лекарствами, да на соседской «подкормке» я выжила. Родители работали в колхозе разнорабочими. Дома были деревянные, одноэтажные, с надворными пристройками: сараем, конюшней. Погреб, куда весной метали снег, служил летом вместо холодильника (летом попить кваску из погреба *холодненькова...* – одно удовольствие). (*Сохранена орфография В.Н. Азановой – от редакции*). Папа ушел из жизни в 1952 г.

Вишвков Александр Николаевич (1922-1945). Фото начало 1940-х гг. из альбома Азановой В.Н.

Мама Елизавета Федосовна была хорошей швеёй, шила не только простую одежду, но и тулупы, полушубки, шубы из овчин. Шила всё руками – швейной машинки не было. Брат отца Платон Пименович Вшивков выделывал шкуры. Мы, дети, в те времена рано начинали помогать родителям по хозяйству и в поле. А меня в 10 лет отдали в няньки – садика в деревне не было – и я водилась летом с племянником, чтобы взрослые могли работать.

Основной тягловой силой были лошади. Государство стало снабжать колхозы техникой лишь в середине 1960-х гг. Жали жатками на лошадях, женщины вязали снопы, ставили бабки, клали клады, после высыхания молотили на «очёрках» – гоняли лошадей. Конечно, мы, дети, находили время и для игр: стряпали шаньги из глины, шили кукол из тряпок, качались на качелях...

Во все времена петь в деревне умели и любили. Хор из трех братьев Вшивковых – папа (Николай), дядя Платон, дядя Митя – и тетя Шура с мамой (Елизаветой) пели так, что керосиновая лампа гасла.

В деревне с особым почтением отмечали престольные праздники: Никола вешний – 22 мая, Никола зимний – 19 декабря. На праздник приглашали гостей (родственников, друзей). Готовиться к празднику начинали заранее: прибирались дома, варили пиво, пекли

*Строительство моста через р. Нытва
у д. Петрованово 1950-е гг.
(Петровановский мост).*

хлеб, стряпали пироги и шаньги. На заговенье собирались у Петровановского моста, где проходило гулянье с песнями и плясками».

Валентина Николаевна Вшивкова, окончив Дворецкую школу в 1953 г., пошла работать свиначкой. Условия труда были тяжелые: воду носили с речки и, чтобы нагреть ее, топили печку; в больших деревянных бочках заваривали корма; готовые корма из кормокухни носили в свиначник. Когда в д. Погорелке построили новый свиначник, то поголовье свиней из д. Петрованово перевели туда. Работать там было легче, хотя бы в том плане, что между кормокухней и свиначником была подвесная рельса на колесиках (называли ее подвесной дорожкой).

В 1960 г. Валентина Николаевна с мамой уехали из д. Петрованово в д. Долгая ближе к родственникам. На этом можно было бы поставить точку, но не могу. Очень кратенько, но всё-таки расскажу о дальнейшей судьбе Валентины Николаевны. Увидев в газете объявление, что в г. Глазове набирают желающих учиться на бухгалтеров, она, не раздумывая, уехала учиться и вернулась дипломированным специалистом. Работала бухгалтером в колхозе/совхозе, продавцом в магазине. Вышла замуж. Видимо, передались родительские гены, и Валентина Николаевна с мужем уехали в г. Лысьву (посмотреть жизнь за пределами деревни...). Работала бригадиром на заводе ЛТГЗ. Бригада под руководством Валентины Николаевны всегда держала первенство в соц. соревнованиях. Но сердцу не прикажешь, и через 13 лет наша героиня вернулась домой, в родные места, в с. Дворец, где и вышла на пенсию. Где бы ни трудилась Валентина Николаевна, ее труд всегда оценивался по достоинству, – имеет благодарности и почетные грамоты.

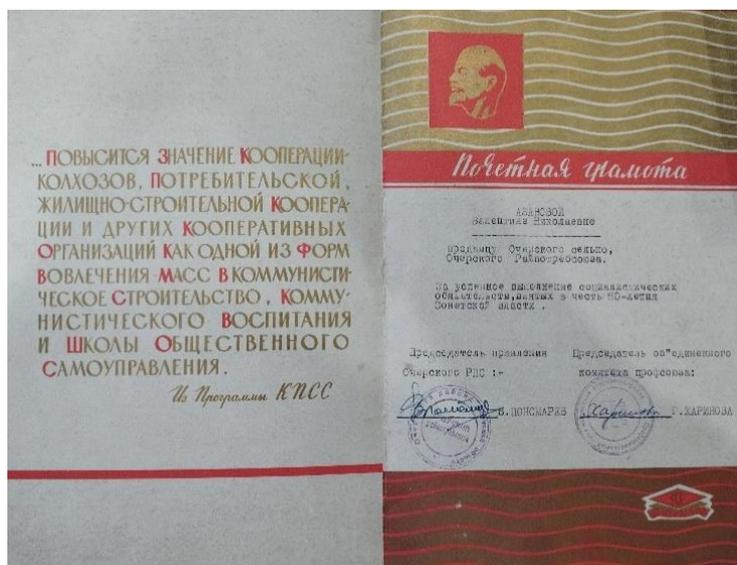
Они с мужем родили и воспитали трех дочерей: Галину, Светлану, Людмилу.

По данным земельно-шнуровой книги колхоза "Дружба", в конце 1960-х гг. деревня Петрованово перестала существовать. Однако, в газете «Знамя труда» от 01.02.1969 г. есть запись, где жители д. Петрованово приглашаются на избирательный участок. Последней жительницей д. Петрованово является Вшивкова Антонида Зотеевна.

В начале 1970-х гг. в д. Петрованово усадьбы пустовали, земельные участки были отданы жителям других деревень для заготовки сена для своих хозяйств. Семья Пентюхова Г.Н. из д. Погорелки заготавливала сено на участке Пентюховой Марии Матвеевны в д. Петрованово.

Даже если в силу разных обстоятельств человек покидает свою малую Родину, это место навсегда остается в его памяти и сердце. По всей России живут люди, чьи корни берут начало в деревушке с названием Петрованово.

При подготовке статьи использованы материалы из личной беседы автора с Азановой В.Н. и материалы из Дворецкой сельской библиотеки.

Почетная грамота Азановой
Валентины Николаевны

**Людмила Васильевна Адиатуллина (Бородина)
о своей семье**

д. Петрованово, 1936 г., семья Бородиных у своего дома. Первый ряд слева: Василий, Дарья Михайловна с Валею на коленях, Анатолий, Андрей Петрович с Иваном на коленях, Дмитрий. Второй ряд слева: Николай, Александра, Анна, Клавдия. Зоя родится в 1938 г.

Фото из альбома Адиатуллиной Л.В.

Деревня Петрованово ... Как часто я слышала рассказы моего отца Бородина Василия Андреевича (1926-2008 гг.) об этой деревеньке – он родился и вырос там. Семья у них была большая – отец, мать и десять детей. Со временем все дети разъехались в разные уголки нашей необъятной Родины.

Анна Андреевна с семьей жила неподалеку от родителей – в деревне Сороки, Клавдия Андреевна – в Менделеево, Анатолий Андреевич – в деревне Харичи, Александра Андреевна и Валентина Андреевна уехали в Молотов (г. Пермь), Дмитрий Андреевич освобождал Кенигсберг – там и остался жить и служить. В 2011 г. Дмитрий Андреевич Бородин лично участвовал в параде

Победы на Красной площади в Москве. Иван Андреевич поднимал целину, Зоя Андреевна уехала в Киров. Николай Андреевич Бородин пропал без вести в 1943 г. А мой отец Василий после войны и службы в армии уехал в г. Верещагино и начал свою трудовую деятельность кочегаром на паровозе, а закончил – машинистом электровоза уже в Перми. Был отличным плотником-столяром, делал наличники на окна.

Вся семья Бородиных была одарена музыкально. Сёстры очень красиво пели на разные голоса. Василий и Иван играли на гармошке. Были самоучками. У всех разные судьбы, но при любом удобном случае братья и сёстры всегда старались собраться вместе. Я слышала, с какой теплотой и трепетом они вспоминали свои детские и юношеские годы, прожитые в отчем доме в деревне Петрованово.

Мой дед Бородин Андрей Петрович (1894-1942 гг.), участник ВОВ, скончался от ран в госпитале г. Архангельска 30.06.1942 г. В феврале 1959 года не стало и бабушки Дарьи Михайловны Бородиной. Похоронена на кладбище г. Верещагино.

Да, Родина у нас одна – большая Россия, но для каждого человека самая значимая, самая дорогая – это Малая Родина! Для моих предков малая родина – маленькая деревушка, когда-то состоящая из 18 дворов, – деревня ПЕТРОВАНОВО Молотовской области Очёрского района Дворецкого сельсовета.

Текст подготовила Людмила Гвозденко по материалам личных записей Людмилы Васильевны Адиатуллиной и книги Владимира Романова «Бородины. Наследие» (книга памяти – 2021г.)

«Деревня Давыдыта (Нижний Чистогор) при колодцах (по другим данным по реке Березовой). Название образовано от личного имени Давид или от фамилии Давыдов. Имя было распространённым по верховьям Очёра. Суффикс «ят(а)» свидетельствует об отселении из хозяйства Давида. Топоним «Нижний Чистогор» образован из сочетания разговорного слова чистогор – расчищенное место на возвышенности и слово нижний, что выделяло эту деревню от одноименной Чистогоры». (Из книги Алексея Дубровина «Лики верхнего Очёра»).

План-схема д. Давыдыта (Нижний Чистогор), примерно 1960-х гг., составлен по воспоминаниям Азанова Сергея Ивановича и Пономаревой Фаины Яковлевны. Информацию по жителям составили согласно «Списку по учету населения по колхозу «Труженик» Дворецкого с/совета по состоянию на 1 марта 1941 г.».

Дополнительная информация взята из похозяйственных книг Очёрского р-на 1938-1939 гг. и 1958-1959-1960 гг. «К сожалению, мы не про всех жителей знаем, кто в каком доме проживал, но точно знаем: Шиловых было в деревне полно», – говорят старожилы.

1. №1 – кузница.

2. Дом №2. Шиловы: Николай Прокопьевич (плотник), жена Ксения Петровна, сыновья: Петр (погиб в 1942 г.), Николай (погиб в 1943 г.), Дмитрий (погиб в 1944 г.), Иван (пропал без вести в 1944 г.), Григорий, Афанасий; дочь Анна (счетовод колхоза). Жила с ними сестра Ксении Петровны Шилова Анфиса Петровна. В 1960 г. в доме №2 проживали Шиловы: Николай Прокопьевич с Ксенией Петровной, с дочерью Анной и зятем *Шиловым (точная фамилия не известна – от редакции)* Григорием Филипповичем. *Об этой семье ниже опубликован отдельный рассказ «Семья Шиловых» – от редакции.*

3. Дом №3. Шиловы: Евдокия Кузьмовна (в начале 1941 г. работала разнорабочей) с дочерью Натальей Кузьмовной. По сведениям похозяйственной книги 1958-1959-1960 гг., в доме №3 проживала Азанова Анна Кузьмовна.

4. Дом №4. Шилова Анастасия Кузьмовна с сыном Павлом Потаповичем (выбыл в г. Очёр в 1936 г.).

5. №14а – колодец, где брали воду для нужд овчарни. Из воспоминаний Пономаревой (Шиловой) Августы Александровны и дочери Фаины: *«Рядом с колодцем был домик (кормокухня), где грели воду для овец в большом чане, печку топили дровами и заваривали корма».*

6. Дом №5. Шиловы: Евдокия Андреевна (в разное время работала конюхом и в овчарне) с дочерьми: Августой, Марией, Анной (по отцу – Александровными). По сведениям похозяйственной книги 1958-1959-1960 гг.,

в доме №5 проживала Шилова Евдокия Андреевна, её дочь Пономарева Августа Александровна с мужем Пономаревым Яковом Егоровичем (Георгиевичем) и детьми: Владимиром и Фаиной. Дом находился ближе к дороге. *(Об этой семье рассказано ниже по воспоминаниям Фаины Яковлевны Пономаревой – от редакции).*

7. №14б – пригон для овец.

*Азанова Таисья
Андреевна. Фото
предоставил Пономарев
Геннадий Яковлевич*

8. Дом №6. Азановы: Андрей Иванович (в 1941 г. охранник), жена Евленья Филатовна. В семье родилось 14 детей: 10 из них умерли в младенчестве. Выросли дочери: Евдокия, Анастасия, Таисья – и сын Иван.

9. Дом №7. Овчинниковы: Анастасия Андреевна (в 1941 г. работала курятницей) с дочерью Александрой. В 1960 г. в доме №7 проживали Овчинникова Анастасия Андреевна с дочерью Александрой Михайловной Аликиной, её мужем Аликиным Дмитрием Павловичем и внучкой Анфисой.

10. Дом №? Шиловы: Мария Егоровна (в 1941 г. работала в овчарне) с сыном Николаем Власовичем (погиб в 1945 г.) и дочерьми: Зинаидой Власовной, Валентиной Власовной. *(Об этой семье опубликованы сведения по тексту ниже – от редакции).*

11. Дом №? По сведениям похозяйственной книги 1938-1939 гг., проживали Гилёвы: Дмитрий Тимофеевич с матерью Парасковьей Антоновной Гилёвой, женой Анной Яковлевной (в начале 1941 г. Дмитрий Тимофеевич и Анна Яковлевна работали в колхозе разнорабочими) и детьми: Николаем, Иваном, Тамарой, Анатолием, Яковом

– (Гилёв Яков Дмитриевич погиб в 1942 г.) и с женой Якова Серафимьей Евстафьевной, с внуком Геннадием.

12. Дом №? Азановы: Тит Гурьянович, жена Софья Андреевна (в начале 1941 г. работали в колхозе разнорабочими), сын Иван, дочь Валентина.

*Шилова (Коротаева)
Анастасия Степановна.
Фото из архива
Дворецкой сельской
библиотеки*

13. Дом №? Шиловы: Петр Николаевич, жена Анастасия Степановна (в начале 1941 г. работала в полеводческой бригаде разнорабочей). Петр Николаевич Шилов погиб в 1942-м г. Про жизнь Петра Николаевича написано ниже по тексту под заголовком «Семья Шиловых. История 1». А про его жену Анастасию Степановну рассказала её племянница Родионова Татьяна Петровна. По воспоминаниям Татьяны Петровны: *«Анастасия Степановна, в девичестве Коротаева, родом из д. Погорелка. Вышла замуж за Шилова Петра Николаевича, жителя д. Давыдят. Вся трудовая жизнь Анастасии Степановны связана с сельским хозяйством. Работала тетя Тася дояркой, пасла коров, ездила на лесозаготовки в г. Кудымкар (семь зим), возила на лошадях в Менделеево зерно (мешки нагружали по 75 кг). Проводив мужа в 1939 г. в армию, жила одна. Примерно в 1950-1951 гг. стала проживать гражданским браком с Безматерных Алексеем Федоровичем. В шестидесятых годах они переехали жить в д. Погорелку».* На вопрос автора: «Что еще помните о Нижнем Чистогоре?» – Татьяна Петровна ответила: «Красивых лошадей».

14. Дом №? Проживала Нечаева Мария Прокопьевна (охранник) с мамой Шиловой Евдокией Моисеевной.

Также в разное время в д. Давыдятах проживали Бородина Мария Кузьмовна, Азанова Татьяна Петровна, Швецова Анастасия Яковлевна, семья Соромотиных (Константина Емельяновича с женой Феклой Васильевной, сыном Леонидом (хозяйство Соромотиных выбыло в г. Очёр в 1949 г.)

№12. Покосы. После того, как скосят и уберут траву, отрастала отава. На ней пасли овец.

№13. Озеро – небольшой водоем. Из воспоминаний Фаины Яковлевны Пономаревой: «Когда они с братом были детьми, бегали на озерко купаться».

№14. Овчарник.

Когда стали образовывать колхозы, деревня Давыдята вошла в состав колхоза «Труженик». Полеводческая бригада №3 колхоза «Труженик» состояла из жителей деревень Чистогор и Давыдята, бригадиром был Азанов Гаврила Степанович. Занимались земледелием, животноводством, пчеловодством. Немалые площади засеивались овсом (шёл корм для лошадей). Как

Жители деревень Давыдята и Чистогор (бригада №3). Фото из фондов МАУК «Очёрский краеведческий музей им. А.В. Нецветаева»

колхознику без лошади? На лошадях пахали и боронили поля, косили траву, убирали и молотили хлеба, да и основным транспортом были лошади. Со временем трактора вытеснили

этих животных из сельского хозяйства. Эпоха лошадей прошла. В д. Давыдятах были

кузница, овчарня, а в д. Чистогоре – конный двор, пасека, овощная яма, склады. Дома, одноэтажные, с надворными

постройками: конюшней, погребом, сараем. В каждом хозяйстве держали коров, кур, овец, коз, свиней. В огородах сажали овощные культуры. Митяха Гилев (Дмитрий Тимофеевич), Николай Прокопьевич держали пчел. Школы в деревне не было. Учиться в школе ходили в с. Дворец – за 4 км. За покупками тоже отправлялись в с. Дворец или в д. Погорелку. Деревню Давыдята окружали поля и леса.

Средь леса, полей, да и маленьких гор
Была деревенька, а звать Чистогор.
Не первый стояла она уже век,
И жило-то в ней 45 человек.

Вблизи на пригорке стояли дома,
Лелеяла их тут природа сама.
Тут яркое солнце, и воздух так чист,
И рос тут народец здоров и плечист.

В.Д. Шилов

*Шилова Евдокия
Андреевна.
Фото из Книги
памяти, том № 3*

Как и во всех деревнях, в д. Давыдятах были свои умельцы: Шилова Евдокия Андреевна (*жительница дома №5 карты-схемы деревни – от редакции*) зимой ткала холст и шила мешки. Как вспоминает внучка Евдокии Фаина Яковлевна Пономарёва: «Бабушка была мастерица, все время что-то ткала, шила. Дома стоял ткацкий станок. Когда переезжали в д. Зорино, забрали его с собой. Кроме того, баба Дуся была певунья: прекрасно пела, куда бы ни шла-ехала – все с песней». Шилов Николай Прокопьевич был отличным плотником, строил дома. Пономарев Яков Егорович объезжал лошадей. Дочь Фаину тоже научил верховой езде. Азанов Тит Гурьянович – шорник (мастер

по изготовлению конской упряжи, сёдел, дорожной экипировки из кожи; занимался обивкой карет). В старину о значимости шорника говорили так: «Шорник – полковник, портной – майор».

Когда в СССР в 1959 г. началась политика ликвидации «неперспективных деревень», д. Давыдята попала в этот список. Жители деревни разъехались по окрестностям: в п. Павловский, г. Очёр, г. Верещагино, в деревни: Зеленята, Погорелка, Зорино. Из воспоминаний **Пономаревой Августы Александровны** (дочери Евдокии Андреевны Шиловой – от редакции): «Овец из д. Давыдят угнали в д. Заполье Дворецкого сельсовета, там был овчарник. Лошадей из д. Чистогоры угнали в с. Дворец и д. Погорелка. Только коня по кличке Моряк оставили в д. Давыдятах, в хозяйстве семьи Пономаревых, так как Моряк не давал запрягаться никому, кроме Якова Егоровича Пономарева». Из воспоминаний Фаины Яковлевны Пономаревой (дочери Августы Александровны

*Пономарева (Шилова)
Августа Александровна,
1929 г.р., д. Давыдята.
Фото 1958 г. из архива
Дворецкой сельской
библиотеки*

– от редакции): «Жеребец был статный, красивый, белоногий, и по мордочке тоже шла белая полоса». Впоследствии, когда семья Пономаревых переехала в д. Зорино, коня отвели на конный двор в д. Погорелка. Фаина Яковлевна продолжает: «Наш дом и бабушки Дуси из д. Давыдят перевезли в д. Зорино. Из двух домов построили один, большой, с двумя комнатами, и жили в нем».

Августа Александровна родилась и выросла в д. Давыдятах. Рядом, по соседству, жили её бабушка Евленья Филатовна и

дедушка Андрей Иванович Азановы. Дед 1874 г.р., в начале 1941 г. ещё работал охранником. Августа Александровна начала работать рано, когда училась в школе. В каникулы помогала маме Евдокии Андреевне и в овчарне, и дома. Окончив школу, сразу пошла работать. Как рассказала Августа Александровна, «пасла овец, на лошадях возила гравий на Верещагинский тракт, в 18 км из Лужково. В 1945 г. уехала на лесозаготовки и отработала 5 зим. Затем работала кладовщиком. Всю тяжелую работу по перевозке мешков делала сама. Готовили топливо для газогенераторного трактора и автомобиля: пилили березы на маленькие чурки, кололи и сушили. Купить нечего было, и денег не было, только работай да налоги и займы плати. Все говорили, что дело военное: деньги нужны на самолеты и танки. Всего я проработала 45 лет. В войну за труд награждали Почетными грамотами и подарки вручали: тюль, клеёнку, отрез на платье, кофту. Фотография моя была в Очёре на Доске Почета. В войну работала вместе с мамой Шиловой Евдокией Андреевной, 1907 г.р. За труд в войну мама была награждена медалью». За труд в военные годы Августа Александровна Пономарева награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Семья Шиловых. История 1.

*Шилов Петр
Николаевич. Фото из
Книги памяти, том I*

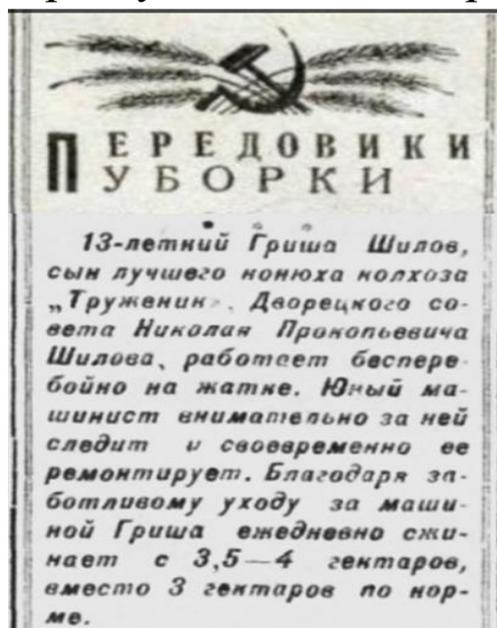
*Шилова Ксения
Петровна. Фото из
газеты «Звезда» от
16.07.1994 г.*

«Старший сын Петр, 1915 г.р., Шиловых Николая Прокопьевича и Ксении Петровны, до войны, на курсах при Очёрской МТС получил специальность тракториста. Работал на единственном тогда в районе мощном гусеничном тракторе С-100. В 1939 г. призван на действительную службу. Уходил в армию вместе с трактором. На станции Верещагино погрузили трактор на железнодорожную платформу и – к западной границе. Прибыл Петр в распоряжение 236-й особой инженерно-строительной бригады. В этой части и застала его война. Бригада возводила оборонительные рубежи на южных подступах к Ленинграду и отбивала вражеские атаки. Трактор воевал вместе с хозяином» (газета «Звезда», автор Б. Бурдин).

В марте 1942 г. Петр Николаевич Шилов погиб. До призыва в армию он был женат. С женой Анастасий Степановной жили своим хозяйством (об Анастасии Степановне написано выше по тексту – п.13 – от

редакции). В начале 1941 г. родители Петра, Николай Прокопьевич и Ксения Петровна Шиловы, работали разнорабочими в полеводческой бригаде (дом №2 карты-схемы деревни – от редакции). В военные годы Николай Прокопьевич трудился конюхом. Труженики тыла Шиловы всю свою жизнь работали в сельском хозяйстве.

Николай Прокопьевич и Ксения Петровна за время Великой Отечественной войны потеряли пятерых сыновей. Четверо погибли на фронтах. Пятый сын – Григорий, 1927 г. р., был не призывного еще возраста. Учился во Дворецкой школе, летом работал в колхозе: и в поле, и на сенокосе. Как писали в газете «Сталинский ударник» в 1942 г.: «Гриша Шилов, вступив в боевое соревнование с лучшим комбайнером Очёрского района В.П. Кошелевым, работает бесперебойно на жатке. Он ежедневно выполняет и перевыполняет нормы взрослого человека». Окончив курсы тракториста при Очёрской МТС, Григорий работал на тракторе. Зимой 1944-1945 гг. ремонтировал трактор в очёрских мастерских, где и простудился. Не справившись с болезнью, в 18 лет

Газета «Сталинский ударник» № 81 от 04.09.1942 г.

Григорий Шилов ушел из жизни.

Последний, шестой сын Шиловых, Афанасий Николаевич работал на Павловском машиностроительном заводе заместителем главного технолога. Дочь Шиловых Анна Николаевна в середине 1940-х гг. работала счетоводом в колхозе «Труженик» Дворецкого сельсовета. В 1960-х гг. Ксения Петровна и Николай Прокопьевич Шиловы переехали жить в п. Павловский.

Семья Шиловых. История 2.

В мае 2025 г. я познакомилась с замечательной женщиной **Валентиной Николаевной Пугиной** (в девичестве Черновой), дочерью Зинаиды Власовны Шиловой, уроженки д. Давыдята. Свели нас всё те же исчезнувшие деревни. Как приятно, когда люди так бережно хранят историю своей семьи. Валентина

*г. Верещагино, фото 1952 г.
Слева Чернова (Шилова)
Зинаида Власовна с мужем
Николаем Ильичом, сестрой
Валентиной Власовной, мамой
Шиловой Марией Егоровной и
дочкой Валентиной. Фото из
альбома Пугиной В.Н.*

Николаевна родилась и выросла в г. Верещагино. Сейчас проживает в п. Павловском.

Её мама Чернова (Шилова) Зинаида Власовна родилась и выросла в д. Давыдятах (Нижнем Чистогоре) – *п.10 карты-схемы – от редакции*. Мария Егоровна Шилова, бабушка Валентины Николаевны, в начале 1941 г. работала в овчарне – всю свою жизнь была занята в животноводстве – сельском хозяйстве; труженица тыла – за это награждена медалью. Мария Егоровна одна воспитала троих детей. Муж (так бывает) ушел в другую семью. Сын

Марии Егоровны Николай Власович Шилов погиб в январе 1945 г. в Германии. Дочери: Зинаида и Валентина – окончив Дворецкую школу, уехали жить и работать в г. Верещагино.

Зинаида Власовна, труженица тыла, в военные годы работала на лесозаготовках. После войны работала на

Верещагинской трикотажной фабрике в швейном цехе №1. Как вспоминает дочь Валентина Николаевна Пугина, «у мамы был очень красивый голос, и она пела в хоре клуба «Октябрьской революции».

Сестра Зинаиды Валентина Власовна работала в г. Верещагино на молокозаводе. Когда началось расселение «неперспективных деревень», Мария Егоровна Шилова переехала жить в г. Верещагино к младшей дочери Валентине. Там она прожила все оставшиеся годы жизни. Дом из деревни Нижний Чистогор перевезли в г. Верещагино и пристроили к дому Валентины Власовны.

Последние жители д. Давыдят (Нижний Чистогор) – семья Пономарёвых.

Что еще примечательного о д. Давыдятах, так это название. Его практически не использовали в обиходе, а деревню называли Нижний Чистогор или просто Чистогор. Так, две деревни: одна Давыдята (Нижний Чистогор), другая – Чистогор (Верхний Чистогор) – составили одно целое. Хотя на самом деле это две разные деревни, чьи истории тесно переплелись. Судьба и история этих деревень тесно связана друг с другом.

*Шилов Николай
Власович.
Фото из альбома
В. Пугиной*

*Свидетельство № 18 от
21.08.1937 г. об
окончании Дворецкой
начальной школы
Шиловым Николаем
Власовичем.
Предоставила
Пугина В.Н.*

Была деревня. Нет деревни.
Нет ни кола и ни двора...
Здесь только старые деревья
Встречают нынче вечера...

Крестьянский быт ушёл отсюда
По плану укрупнения сёл.
Все ближние деревни в грудю,
Как будто вихрь могучий, смёл.

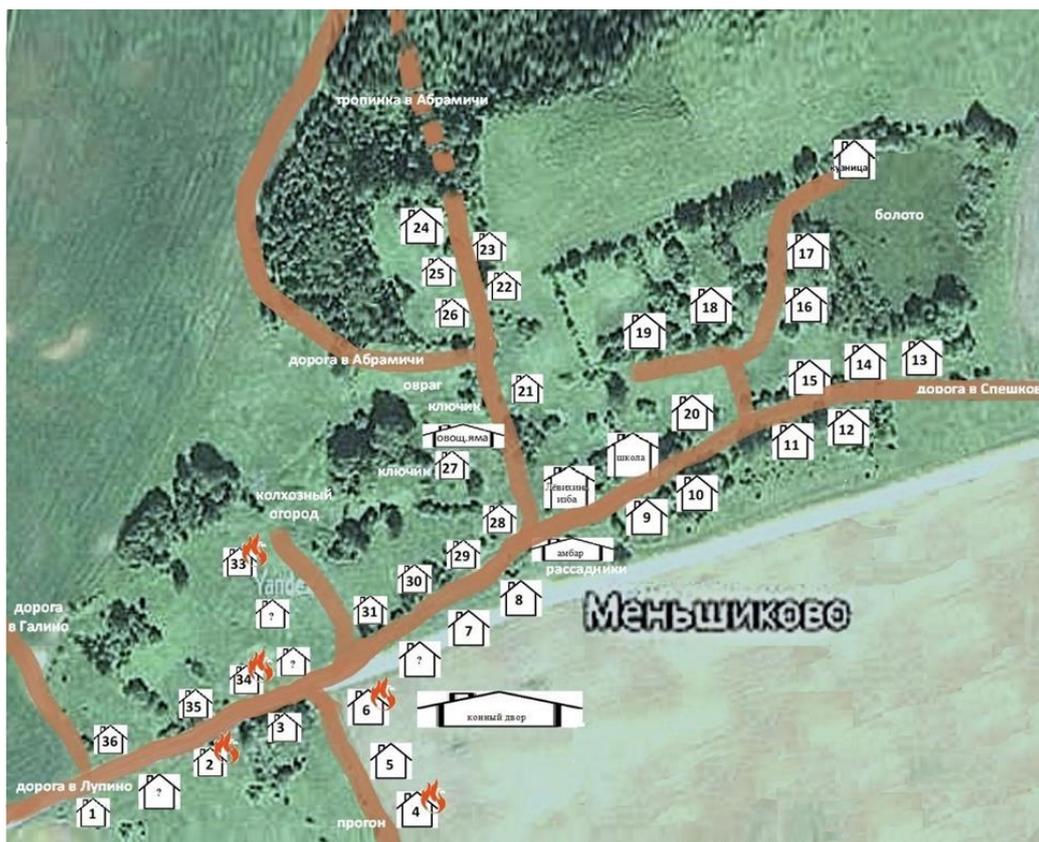
И здесь осталось только эхо
Былых надежд, тревог, бесед,
Страданий, песен, плясок, смеха.
Остался свет. Разящий свет...

В. Шапошников.

Помощь в составлении списка жителей из
похозяйственных книг оказала Ирина Ивановна Азанова.

Автор статьи: Гвозденко Людмила Николаевна.

Деревня Меньшиково Спешковского сельского совета

Дом 1. Мокрушины: Гурий (Гурьян?) Ермолаевич и Татьяна Григорьевна (Гуриха), дети: Сергей, Елена, Олимпиада, Евгений, Николай, Анна.

Дом 2 сгорел ещё до колхозов.

Дом 3. Мокрушины: Иван Минеевич и Анисья Лазаревна, сын Евгений.

Дом 4 – последняя усадьба по прогону сгорела.

Дом 5. Мокрушины: Сафон (Софон?) Данилович и Ирина Петровна, дети: Онисья (Анисья?), Василий, Савелий, Петро, Дарья, Евдокия, Маргарита.

Дом 6 сгорел ещё до колхозов.

Дом 7/1 – Феня.

Дом 7. Мокрушины: Александр и Федосья (Саниха), дети: сын и дочь.

Дом 8. Мокрушин Тит (Титушко) с женой и детьми (данные об их именах пока не найдены – от редакции).

Дом 9. Агеевы: Кузьма Лазаревич и Татьяна Иосифовна, дочь Людмила.

Дома 10, 11. *(Данные о жильцах пока не найдены – от редакции).*

Дом 12. Мокрушины: Ипполит с женой, из детей помнится Евдокия (Душа).

Дом 13. Мокрушин Кондратий Семёнович и Парасковья Илларионовна с детьми. Братья Кондратия Семёновича: Иван, Сысой, Артемий, Агап Мокрушины погибли в ВОВ. Сёстры Кондратия Семёновича: Екатерина, Лукерья, Агафья жили в Меньшиково.

Дом 14. Федосья Фёдоровна.

Дом 15. Вдова Анна Семёновна Шистерова с сыновьями: Николаем, Владимиром.

Дом 16. *(Данные о жильцах пока не найдены – от редакции).*

Дом 17. Мокрушины: Миней Павлович (его братья: Андрей, Поликарп, Алексей, Егор – жили неподалёку) и Настасья Семёновна, дети: Иван, Анна, Мария, Никита, Ермолай (Ермоха).

Дом 18. Мокрушин Поликарп Павлович жил с женой и дочерью Анной Михалевой с её детьми: Валентиной, Вассой – и правнуками от Вассы: Валерием, Светланой, Степанидой.

Дом 19. Мокрушины: Георгий Фомич и Аксинья Леонтьевна (Левонтьевна?) – без детей.

Дом 20. Фетинья.

Дом 21. Агеевы: Филарет Лазаревич и Настасья Максимовна, дети: старший сын погиб подростком, Аркадий, Любовь, Николай.

Дом 22. Шистеровы: Иван Семёнович и Анна Егоровна, дети: Августа, Галина, Геннадий, Виктор, Светлана, Валентина, Александр, Екатерина, Татьяна.

Дом 23. Мокрушины: вдова Маруся (Зотиха) с дочерью Антонидой Егоровной.

Дом 24. Мокрушины: Мокей Андреевич и Мария Лазаревна, детей нет.

Дом 25. Тимоха.

Дом 26 («дом на взвозе»). Мокрушины; одна из девочек Тамара (дети были у деда под опекой).

Дом 27. На этой усадьбе рос кедр. Агеевы: Лазарь Петрович и Александра Васильевна (Ивановна – по родному отцу), дети: Филарет, Пелагея, Мария, Марфа, Анисья, Кузьма, Леонид, Никон. *(Об этой семье подробнее в тексте ниже – от редакции).*

Дом 28. Мокрушина (Аксёнова) Мария Минеевна с сыном Верещагиным Василием.

Дом 29. Мокрушина Аграфена Андреевна, сестра Мокея Андреевича *(из дома 24 – от редакции)*, старая дева.

Дом 30. Улита Фёдоровна (дочь «неум»).

Дом 31. Аксинья Ивановна.

Дом 32. Шистерова Ксения Ивановна (муж умер, 2-й муж Иван Семёнович), 6 детей.

Дом 33. Александра Ивановна.

Дом 34. Мокрушины: Михаил и Александра Лаврентьевна (Мишиха), дети: Петро и Дмитрий.

Дом 35. Мокрушины: Ермолай Ефимович и Ермолаиха, дети: Фёдор, Александра (Шура).

Дом 36. Агафья (Афониха) с детьми.

*1960-е гг. Меньшиковский угор
(вид от д. Подгорно)*

Очень часто снится родная деревня, которой уже нет. Знаю и помню её по рассказам старших и своим собственным впечатлениям из детства и юности, проведённых с сёстрами Любовью и Надеждой под крышей дома деда Мокрушина Ивана Минеевича и бабушки Мокрушиной (Агеевой) Анисьи Лазаревны.

Дата основания (упоминания) деревни в разных источниках разная, но с уверенностью можно сказать, что деревне более двухсот лет. Меньшиково (Меньшикова, Меньщиково, Меньшики, починок Меньшиков или Меньщиковский) – забытая, исчезнувшая с географической карты деревня, но в моей памяти она жива со своими звуками и запахами, событиями и лицами... Сколько жителей, столько непростых судеб. У деревни, как и у людей, её населявших, не было простых времён: царские, революционные, советские...

Про основателя деревни все источники едины: Меньшиково основал младший из братьев-раскольников.

Братьев было то ли трое, то ли пятеро... «В царствование Петра Великого случайно последовал новый прилив людей в Очёрскую вотчину Строгановых, не важной числом прибыльных душ, но важный влиянием своим на умы местных жителей. То были раскольники, скрывшиеся от первой народной переписи 1719 г.». (Серебренников П.П.).

«Деревня на речке Боровая. По рассказам старожилов существует уже более 200 лет. Основали её выходцы из Московской губернии: Игнат, Вахрамей и Фёдор, по прозвищу Меньшóй». Эти устные предания не противоречат историческим документам, согласно которым деревня известна с 1785 г. как починок Менщиковский (Е. Шумилова. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки). «При выселении помещиком на очёрские земли Мокрушиных один из 5-ти братьев по прозвищу Меньшóй образовал деревню Меньшики, в которой впоследствии проживали его потомки Мокрушины. Деревню Ипатово основал Ипат Мокрушин, у которого было прозвище “Ипат бесшубный, в коробу привёз детей”. Его брат Вахруня основал деревню Вахруши, третий брат Меньшóй – деревню Меньшики.

1930 г. Деревенская молодежь

Брат Абрам – деревню Подгорную (Абрамичи), пятый брат основал деревню Мокрушино» (Из записей Тиунова Филипа Парамоновича, хранимых его сыном Владимиром в г. Очёре).

Деревня была центром Меньшиковского общества Спешковской волости Оханского уезда. На памяти моей бабушки в дореволюционные времена в

деревне проживало более двухсот человек. В 1831 г. были отмечены 18 семей Мокрушиных, две семьи Шистеровых и крестьянин по фамилии Леушканов. В 1834 г. топонимы: “Подгорный”, “Абрамичи” и “деревня Меньшикова” – входили в конгломерат деревень, и 8-й переписью все жители были показаны по “деревне Меньшиковой” (Дубровин А.А. Лики верхнего Очёра). По сведениям 1869 г., в реестре населённых пунктов деревня стоит под №4593, при речке Боровой, от уездного города Оханск – 74 км, число дворов – 34, мужчин – 105 и женщин – 132. В 1909 г. – 32 двора и 176 жителей. В 1926 г. – 40 дворов и 185 жителей, крестьяне “бывшие помещичьи”, православные и старообрядцы, русские. В 1939 г. на территории колхоза “1 Мая” в Абрамичах проживало 35 человек, Лупино – 8, Меньшиково – 88, Подгорной - 48. В 1995 г. в деревне осталось только 8 жителей. По многим объективным и субъективным причинам деревня постепенно становилась меньше и меньше, и сейчас нет ни одной сохранившейся постройки.

А во времена домостроя и натурального хозяйствования деревня жила справно и зажиточно, правда, бабушка Анисья добавляла: «Если не лодырничали». Занимались земледелием, скотоводством, пчелами, сеяли лён, ткали и шили одежду, делали катанки и валенки, и многое что ещё. Работали до седьмого пота.

Сентябрь 1933 г. Деревенская молодежь.

С раннего возраста у каждого были обязанности по дому и хозяйству. «Изнадцеженными» называла бабушка Анисья Лазаревна своих сестёр: Пелагею и Марию, – которые после непосильного труда в детстве не могли иметь детей. Да и у ещё одной сестры Марфы Лазаревны,

1937 г. Славик.
Фото А.В. Нецветаева

как и у моей бабушки, был только один сын – Славик, симпатичный кудрявый мальчик, как с открытки, которого заметил и запечатлел на фото А.В. Нецветаев, очёрский краевед. Каждая семья владела землёй. Чем многочисленнее семья, тем больше поле и лесной надел, причём землю выделяли только на мальчиков, а девочки с рождения готовились к замужеству. По имени моего прадеда люди до сих пор

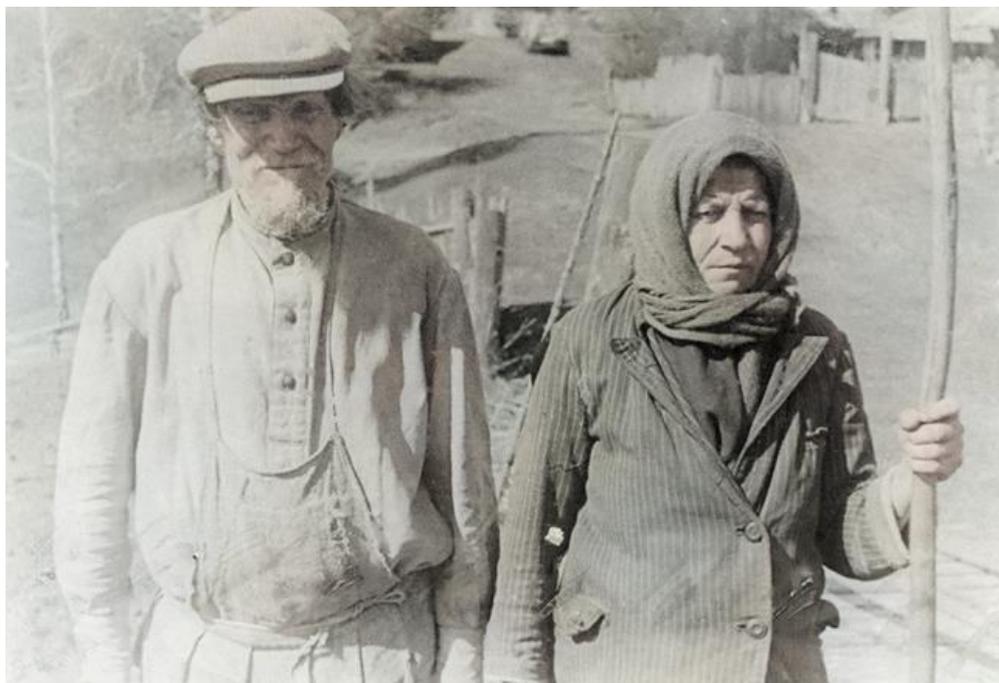
называют сколок по дороге в д. Спешково Лазаревским.

У прадеда Агеева Лазаря Петровича было 12 детей, восемь из них выжили в болезнях и лишениях: 4 сына и 4 дочери. Все сыновья воевали, двое погибли. Хозяйство прадеда было культурно-богатым, и, если население в те времена большей частью было безграмотным, то Лазарь, прослуживший в царской армии 18 лет денщиком у московского генерала и между делом выучившийся там грамоте, там же приобретший массу совсем недеревенских привычек, активно интересовался общественной жизнью и вопросами ведения сельского хозяйства, выписывал специальные журналы, возил своих племенных животных в Очёр на выставку, был членом Пермского сельскохозяйственного общества. Своей супруге Александре Васильевне, которую он с огромным

трудом высватал в своё время из мещанской семьи в Очёре, он выписывал каталоги мод!

По всем правилам советской действительности начала 20 века прадеда Лазаря Петровича должны были непременно раскулачить, но к тому времени он был уже стар, хозяйство не таким крепким, а сыновья и зятья активно поддержали красное движение. Когда бои между красными и белыми шли у села Дворец, отряды от тех и других рыскали по окрестностям в поисках продовольствия и коней. Лазарь прятал племенного жеребца в погребной яме, обман вскрылся, и его чуть не расстреляли – уже заставили раздеться до портков и поставили к стенке за баней, но в последний момент помиловали, хотя коня забрали. Гражданская тема в семье обсуждалась всегда горячо, и политические предпочтения были порой прямо противоположными.

В семье Агеевых супруги обращались друг к другу ласково: Лася и Саня – даже если разговор шёл на повышенных тонах.

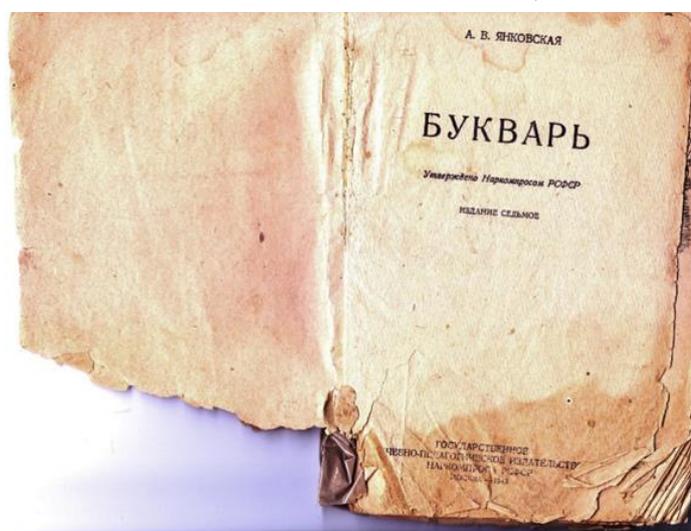
*1944 г. Агеевы Лазарь Петрович
и Александра Васильевна*

Среди жителей деревни и в округе были широко распространены прозвища. К примеру, изба Души́ – это хозяйство Евдокии, а поскольку Евдокий было несколько, то появилось прозвище Душа́.

Женщин могли называть по имени мужа: например, муж Иван, значит, жена – Ва́ниха. Напротив дедова дома жила Мишиха (Мокрушина Александра Лаврентьевна), вдова фронтовика; ниже – Гуриха (Мокрушина Татьяна Григорьевна). Моей первой няней была убогая Пры́га, у которой одна нога была короче другой. Годы спустя она погибла от удара молнии, когда в поисках подаяния шла от одной деревни до другой, и гроза застала её в чистом поле. Водилась со мной и соседка Саниха (Мокрушина Федосья Фёдоровна).

Большинство жителей деревни носили фамилию Мокрушины. У происхождения фамилии много версий, но будем опираться на научную. «Фамилия Мокрушин принадлежит к числу древнейших семейных именовании и представляет собой уникальный памятник славянского имяслова. Родовое имя Мокрушиных относится к интереснейшей группе фамилий, произошедших от «мирских» имён. Исследуемая фамилия была образована от личного именовании предка Мокруша (Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён).

Деревня на у́го́ре жила одной большой семьей. В центре – начальная малокомплектная школа (1–4 классы), филиал Кипринской школы (или Спешковской?), куда я до шести лет бегала к

учительнице Мокрушиной Анне Георгиевне. Рядом магазин-ларёк, где и продукты, и промтовары, и детские игрушки – всё вместе, с бессменным продавцом Агеевой Татьяной Осиповной. Ларёк размещался в середине большого просторного дома раскулаченной семьи (в деревне этот дом называли Лёвихиной избой). Здесь же, в другой половине дома, обосновалась колхозная контора с чудом техники – телефоном. Чтобы поговорить, нужно было энергично крутить ручку сбоку телефона и громко кричать в аппарат.

В разное время в Лёвихиной избе был птичник, место для просмотра фильмов, общежитие для рабочих из города, которые направлялись осенью в колхозы для помощи в уборке урожая; сельский клуб с подшивками журнала «Крокодил». В левой половине дома длинными зимними вечерами собирались местные мужики за широким столом: играли в домино, травили байки и нещадно курили самосад – до синевы под потолком – «хоть топор вешай». А летом после управы за скотиной на широкую лавку-завалинку перед домом подтягивались женщины.

На южной стороне деревни располагались постройки конного двора с племенным жеребцом орловской породы, серым в яблоках Фёрдом, в свои лучшие годы непременно участником колхозных конных бегов. Как-то после очередных соревнований коня по недогляду напоили холодной водой, у него стали распухать суставы, и вольготная жизнь закончилась. Мужики пробовали приспособить коня к сельхозработам, но Форд вставал на дыбы, рвал упряжь, ломал оглобли. В конце концов беднягу отправили в Верещагино на мясокомбинат.

Трактора и разные сельхозмашины, и приспособления располагались под длинным навесом, а порой и просто под открытым небом. К машинам ребятне

строго запрещалось подходить. Однажды мой отец Евгений Иванович Мокрушин, будучи ещё маленьким мальчиком, сунул палец в зубчатую передачу, палец остался с расплющенной подушечкой, что не мешало ему в дальнейшем лихо играть на баяне.

И моё босоное поколение, несмотря на запреты взрослых, именно там и собиралось, когда взрослые уходили на работу. Занимали себя сами, и это было золотое время никем и ничем неограниченного творчества: мастерили игрушки из подручного материала. Устраивали «клетки» в прогоне у дома Мокрушиной Анны Поликарповны – около длинного амбара с правой стороны, в яме с хорошим песком, – а также во дворах домов девчонок, если разрешали взрослые. Передвигались ватагой по окрестностям деревни. На угóре за усадьбой Мокрушина Сафона Даниловича собирали землянику и лазили в огороженный длинными жердями сад за яблоками, лепили пирожки с земляникой в зелёных листьях. В поле за усадьбой Мокрушина Гурьяна Ермолаевича с колодцем-журавлём собирали молодые кукурузные початки и мастерили из них кукол «с волосами». Пáлькались на одном из обустроенных ключей, которые обильно били из-под земли с северной стороны деревни.

Ниже ключа с колодой и бревенчатым мостом на длиннющих грядках колхозного огорода высаживались капуста, морковь, турнепс – ещё один объект наших набегов. Играли под крышей большого овощехранилища около дома моего прадеда Агеева Лазаря Петровича. Бабушка рассказывала, когда строили овощехранилище, было выкопано множество человеческих костей – об этом захоронении никто в деревне не догадывался. К слову сказать, ниже усадьбы Мокрушина Мокея Андреевича для меня и сейчас остаётся загадкой Челпáшик – поросший

лесом, округлой формы островок среди поля. Что там? На восточной окраине деревни, у болота, помню кузницу (кузню) и кузнеца Мокрушина Феоктиста Прокопьевича, жившего в д. Подгорно, с длинной, красно-жёлтой от огня бородой, которую он привязывал верёвочкой к поле пиджака, чтобы не сжечь совсем. А на болоте летом пацаны сооружали плот из подручных материалов, ныряли с него в прозрачную стоячую воду. На этом болоте осенью останавливались перелетные птицы – незабываемое зрелище.

В центре деревни, напротив Лёвихиной избы, стоял внушительных размеров колхозный амбар с пятами (от автора: «пятами в нашей деревне называли настил из полубрёвен или толстых жердей вдоль амбара под большим взвесом – навесом крыши»). В него прямо с телег разгружали мешки с зерном. На углу этой постройки висела железная болванка с биллом, около неё после очередного пожара организовывалось ночное дежурство, потом все забывалось до новой беды. Сразу за амбаром располагались длинные рассадники из бревенчатых срубов в несколько рядов, сверху они закрывались застеклёнными рамами, и ребятню оттуда гонял лично

бригадир Шистеров Иван Семёнович. Между амбаром и домом Агеева Кузьмы Лазаревича когда-то наверняка было ещё чьё-то хозяйство, но в 1950-1960-е гг. тут было место встречи деревенской молодёжи. Между двумя столбами

1934 г. Марфа Лазаревна на курсах сливочных отделенщиков

натягивали волейбольную сетку, по сторонам стояли грубо сколоченные лавочки или лежали брёвна вместо лавок. Сетка и мяч хранились у Кузьмы, он выдавал их прямо из окна, громко комментировал игру, одалживал парням махорку собственного производства. К слову, Кузьма курил нещадно, махоркой в доме пахло всё: одежда, мебель, посуда и даже коза.

Главная российская беда – дороги. По деревне и окрест они были настолько плохи, что когда надо было встречать с пастбища коров, и мы, ребята, отправлялись босиком к месту выпаса деревенского стада, то в особо глубоких колеях с прозрачной, тёплой, отстоявшейся дождевой водой мы умудрялись купаться. И обидно до слёз, что хорошую гравийную дорогу мимо заброшенных домов построили тогда, когда в деревне не осталось жителей.

Не обошли деревню стороной и социальные беды. Как минимум, три семьи были раскулачены в Меньшиково. Люди снимались с нажитых мест целыми семьями и бежали от преследования властей. Также бежали от непосильных налогов, потом за паспортами в город... Парни не возвращались домой, в деревню, после службы в армии. А девушки, лет 16-18-ти, чтобы не оставаться в деревне, нанимались в няньки к кому-нибудь из городских родственников.

Помню также, что электричество пришло в Меньшиково много позднее «лампочки Ильича», где-то в начале 1960-х гг. Раскулачивание, создание колхозов, объединение колхозов в совхозы, закрытие школ, медпунктов, магазинчиков... Большая кровавая беда – война – ополовинила деревню. Голодные послевоенные годы... Бедная деревня – как много горя перенесла она!

*1942 г. Семья Агеевых. Филарет пришел на
побывку после ранения*

За труд колхозникам начислялись трудодни, на которые выдавались не деньги, а продукты. Чтобы заработать копеечку, нужно было заморить скотинку, продать на рынке. А ещё жгли уголь, возили его в коробах на очёрский завод. Каждый двор облагался большим налогом. Бабушка Мокрушина Анисья Лазаревна просыпалась рано, часов в 5 утра, – печку истопить, хлеб испечь, со скотиной управиться, накормить «семеЙщиков зАвтрИком». Помню полоску льна в огороде – от садка с ульями до бани в конце участка. Лён нужно было вовремя надрать, помять, почистить от кострицы, выпрясть нитки для ткачества половиков, полотенец. Перед тем, как что-то соткать, нужно было сначала собрать крósна, знать название каждой деревянной детальки... Ко крósнам прилагались бабiны, нiтенки, навóй и другой инвентарь. Почти каждая женщина в деревне умела ткать белое, пéстрядь и половики.

Ниже Меньшиково по деревням Подгорно и Лупино и сейчас течёт речка Боровая. Речка подмывает сельское кладбище с южной стороны, погост активно пополняется новыми «жителями» и по сей день. Минеичи –

родственники по дедушкиной линии – похоронены на одной стороне кладбища, а Лазаревичи – родственники по бабушкиной линии – на другом конце. В подобном разделении изначально был свой смысл. С годами всё перемешалось. Но мои предки со стороны Минеичей были беглыми стрельцами, а со стороны Лазаревичей – староверами-беспоповцами. Дедушка с бабушкой соединили гены беглых стрельцов и староверов – гремучая смесь ухарей, уральских казаков, у которых "шашка на голó", и просвещённых старообрядцев, мучимых поиском смысла жизни.

Знакомство их произошло так. Минеичи жили победнее, а Лазаревичи очень даже зажиточно. Выглядел дед бабушку на кругах, а поближе они познакомились, когда вместе жгли уголь на Печках. Влюблённые сразу же столкнулись с трудностями. По неписаным законам домострою, ранее старших сестёр замуж идти было нельзя. Но для особо проворных, чтобы не остаться до конца жизни в девках, существовал способ – убёг. Анисья, младшая из сестёр, и Иван, вернувшийся с армейской службы, решились на убёг зимой. В условленный день Анисья сказалась домашним, будто скотину досматривать пошла, а сама надела новые валенки, шаль, забрала узелок с приданым из большого сундука в сенях и бегом к жениху в проулок. Иван приготовил тулуп для любимой, в него закутал, в Агеевскую церковь увёз, чтобы повенчаться. Возвращали сбежавшую невесту шумно: Лазарь с сыновьями вооружились палками, прабабушка голосила на всю деревню! На тот момент бабушке Анисье было 16 лет, а деду Ивану – 32 года. Официально они оформили свой брак только в 1975 г., прожив вместе 50 лет. Бабушка всю жизнь «прихохуривалась» – старалась казаться старше своих лет. Тем не менее, до последней

минуты звала деда Иванушком, любя всем сердцем, и умер он у неё на руках.

*1944 г. Бригада №1 колхоза «1 Мая»,
бригадир Мокрушин Иван Минеевич*

Моя родная деревня была центральной колхозной усадьбой, здесь собирались на разнарядку, проходили колхозные собрания и отмечались колхозные праздники. Запредельные нагрузки ложились на плечи вдов, стариков, подростков и калек, кому посчастливилось вернуться с войны живыми. Председателем колхоза был брат бабушки Агеев Кузьма Лазаревич. Он пришёл с фронта с онемевшей, высохшей левой рукой.

Колхоз был маленьким, а государственные задания – большими и разнообразными. Общественные заботы были на первом плане. Если кто-то бросил деталь или плохо выкосил постать на сенокосе, то на собраниях открыто обсуждался каждый промах. Мой дед в то время был бригадиром меньшеиковской бригады. За случай с женщиной, выпекавшей хлеб для бригады, которая плохо вымыла бадью из-под квашни, дед «загремел» на лесоповал – за превышение власти: помял ее шибко, пока

волок на собрание, девка «опозорилась», а родственники её пожаловались, что «никто теперь замуж не возьмёт»...

В военные годы деревня входила в колхоз «1 Мая», объединивший четыре ближайšie деревни: Подгорно, Лупичи (Лупино), Абрамичи и Меньшиково. Колхозные работы того времени: летом – доить коров, возить собранное по деревням молоко в с. Токари на молокозавод, косить, сушить и грести сено, вязать снопы; зимой – отправлялись на лесозаготовки. На острове Очёрского пруда рубили сосны, изготавливали санитарные носилки на фронт. Должности в колхозе: бригадир, счетовод, кладовщик, заведующий фермой, пасечник и помощник пасечника, ездая конного двора...

В войну ученики в школе писали на старых газетах чернилами из свекольного сока. Роскошью считалось, если есть химический карандаш. О крайнем напряжении физических сил в тылу говорят заголовки районной газеты «Сталинский ударник»: 29.06.1941 г. – «Женщины, к станкам!», 06.07.1941 г. – «Поможем взрослым крепить тыл!», 08.02.1942 г. – «В фонд обороны», 06.05.1943 г. –

*1969 г. дом деда
Мокрушина Ивана Минеевича*

«Из зала суда» (колхозника из д. Белобородово, не сдавшего положенные 265 л молока в 1942 г. и забившего телёнка для своей семьи, приговорили к 2 годам лишения свободы), 21.05.1944 г. – «Лучший пахарь» («...у Вахрамеева Феди, 13-ти лет, 4 брата на фронте. Он на слабых лошадях выработал 0,16 га, а сейчас

вспахивает по 0,90 га...»).

В газете "Сталинский ударник" 1942 г. отмечают меньшековцев: «Хорошо трудятся на уборке, перевыполняют ежедневно нормы Мокрушина Матрёна Ермолаевна, Мокрушина Матрёна Филипповна, Агеева Анастасия Максимовна, Мокрушина Акси́нья Леонтьевна, Агеев Филарет Лазаревич, инвалид Отечественной войны, в сенокос работал по заправке литовок и кос, обслуживал 18 человек, вместо 6 по норме. Теперь работает машинистом на жатке, а его жена Анастасия Максимовна направляет жатку» (август 1942 г.). «Мокрушин Кондратий Семёнович, возчик, руководит транспортной бригадой из шести человек при сдаче хлеба государству. Мокрушин Иван Минеевич, 1894 г.р., бригадир, и Мокрушина Матрена Филипповна отличились на уборке» (октябрь 1942 г.).

Меньшековцы, участники Великой Отечественной войны, никак особенно не выделялись среди остальных колхозников, награды не носили, да и сам День Победы, я не помню, чтобы отмечали, – весенние полевые работы нельзя было отложить. В Книге памяти Очёрского района отмечены не все мои земляки, только те, чьи родственники успели передать информацию, когда готовилось издание книги: это Агеев Кузьма Лазаревич (25.10.1911-05.12.1973), Агеев Леонид Лазаревич (18.02.1915-15.12.1974), Агеев Никон Лазаревич (04.04.1918-1941), Агеев Филарет Лазаревич (21.10.1900-05.1945), Мокрушин Андрей Тимофеевич, 1920 г.р., Мокрушин Василий Фомич, 1923 г.р., Мокрушин Гурий (Гурьян?) Ермолаевич (07.07.1911-04.12.1981), Мокрушин Григорий Федотович, 1918 г.р., Мокрушин Дмитрий Иванович, 1925 г.р., Мокрушин Иван Евстигнеевич, 1926 г.р., Мокрушин Иван Ипполитович, 15.08.1918 г.р., Мокрушин Илья Тимофеевич, 1923 г.р., Мокрушин

Кондратий Семёнович, 1923 г.р., Мокрушин Ларион Семенович, 1913 г.р., Мокрушин Михаил Яковлевич, 1904 г.р., Мокрушин Никита Минеевич, 1905 г.р., Мокрушин Павел Тимофеевич, 1911 г.р., Мокрушин Пётр Андрианович, 12.10.1924 г.р., Мокрушин Проф. (Порфилий?) Поликарпович, 1915 г.р., Мокрушин Сафон Ипполитович, 1910 г.р., Мокрушин Степан Семёнович, 1919 г.р., Мокрушин Сысой Семёнович, 1919 г.р., Мокрушин Тит Андреевич, 1907 г.р., Мокрушин Фёдор Харитонович, 21.11.1926 г.р., Мокрушин Феомент (Феопонт?) Андреевич, 1911 г.р., Мокрушин Федот Федотович, 1909 г.р., Шистеров Иван Семёнович, 1914 г.р.

В послевоенные годы и в период разных переустройств в государстве жизнь в деревне оставалась по-прежнему тяжёлой, бедной. В 1964 г. Кузьма стал совхозным бригадиром: в «амбарной» книге учёта он перечислил трудоспособных деревенских жителей: «Колхозники д. Меньшики – Мокрушина Ирина Им.,

*1970-е гг. Мокрушины Иван Минеевич
и Анисья Лазаревна*

Зайцева Евдокия Валовш., Шистерова Анастасия Ив., Михалева Анна Поликарповна, Мокрушин Сафон Данилович, Мокрушин Георгий Фомич, Мокрушина Матрёна Ермолаевна, Мокрушина Александра Ивановна, Мокрушина Александра Лаврентьевна, Мокрушина Агафья Иосифовна, Мокрушин Гурий Ермолаевич, Мокрушин Иван Минеевич, Мокрушина Федосья Ивановна, Аксёнова Мария Минеевна, Агеев Кузьма Лазаревич, Шистеров Иван Семёнович, Мокрушина Мария Александровна; рабочие – Мокрушина Мария Лазаревна, Мокрушин Мокей Андреевич».

Мужских рук явно не хватало, и покалеченные войной мужики не почивали на лаврах победителей, тянули крестьянскую лямку на равных со всеми.

1989 г., июнь. Мокрушина (Агеева) Мария Лазаревна с козами.

Деревня окончательно опустела в 1996 г., после ухода из жизни последней жительницы Мокрушиной Марии Лазаревны, бабушкиной сестры. Оставшиеся дома разрушали вандалы, некоторые дома были проданы на дрова.

Сегодня только липы-берёзы-черёмухи вокруг бывших усадеб воскрешают память о родной деревне...

Деревни нет, но душа её ещё живет в столетнем кедре, посаженном прадедом. Кедр стоит на «намоленном» месте, потому что половина дома Лазаря в свое время была домовою церковью для беспоповцев. В наши дни во вторую субботу августа под меньшеиковским кедром собираются жители Меньшиково, Подгорно, Лупино, Абрамичи на День деревни, чтобы поклониться малой

родине, вспомнить с благодарностью отцов-дедов-прадедов, прислониться к могучему стволу кедра в два обхвата – и душа светлеет...

Февраль 1972 г. У кедра. На заднем плане через проулок – Левихина изба

Автор статьи: Холопова (Мокрушина) Валентина Евгеньевна.

Деревня Спирята Нововознесенского сельского совета

Воспоминания о деревне Спирята Нововознесенского сельского совета Очёрского района Молотовской области на конец 1940-х и начало 1950-х гг. записала Еловикова (Токарева) Ольга Михайловна, уроженка этой деревни.

Ольга Михайловна родилась 22 июня 1940 г. в семье Токаревых: тракториста Михаила Николаевича и доярки Таисьи Сергеевны. *(Токарев М.Н., 1913 г.р., призван Очёрским РВК. Рядовой. 112 сд 22 А. Пропал без вести в период между 22.06.1941 и 01.09.1941 г. Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 112 сд с 22.06. по 01.09.1941 г., №3116 – сайт Память народа. В Книге памяти Очерского района – октябрь 1941 г. В.П.).*

Воспоминания О.М. Еловиковой о своем детстве: «Спирята расположились за деревней Забегалово, на речке Сосновке, входили в состав колхоза «1-е Мая» вместе с деревней Шитики, которая стояла вниз по речке. Здесь была в то время мельница по размолу зерна. В речке водились голавли, налимы, пескари, марига и мальки, позже появились окуни. Мы, детвора, ловили рыбешку недотками, бутылками, мордами из ивовых прутьев, чтобы хоть как-то прокормиться. Денег в колхозе не платили, да и магазина не было.

Я пошла в школу в 1948 г., в 7 лет. Зимой-то мне не в чем было идти в школу через всю деревню, так как мы жили у бабушки Вассы Ивановны Токаревой при въезде в Спирята, а школа стояла на другом конце деревни. Здесь, на въезде, рос большой тополь; на него были повешены полевые ворота, которые закрывались, чтобы скотина не могла уйти в поле, когда её вечером пригоняли с пастбища и пока хозяева не пришли с работы.

Мне эти ворота служили каруселью. Я каталась на них, открывая и закрывая, и зарабатывала пряник или конфетку, когда люди ехали из Очёра.

Рядом с нами жила почтальонка Акси́нья Сидоровна, к которой во время большой перемены я носила письма моей любимой учительницы Куминовой Антони́ды Гавриловны. Она писала жениху в армию. Вспоминая, сколько же домов в деревне, насчитала 42 дома. Это расстояние я пробегала за 15 минут туда и обратно бегом, чтобы успеть на урок, чем была очень горда, потому что мне доверяли.

В школе обучались в четырех классах: 1-й и 3-й класс – у Алевтины Васильевны, 2-й и 4-й класс – у Верещагиной Людмилы Георгиевны. Когда я пошла в первый класс, учителя жили при школе в двух комнатах. Школа была кирпичная, высокая, с большими окнами, коридором, печным отоплением и теплым туалетом в здании. При школе был огород, где мы с учителями выращивали овощи для супа, который холодными зимами варила уборщица Наберухина Александра Семёновна с мамой Людмилы Георгиевны Вылегжаниной Таисьей Александровной. Бабушка (*потому что старенькая уже – от редакции*) Александра Семёновна пекла нам печенье на праздники: Новый год, 7-е ноября и при окончании школы. Летом мы ходили полоть овощи в школьный огород.

Ниже здания школы была кузница, где работали кузнецами Вдовин Михаил Кондратьевич и Наберухин Роман Андреевич – оба пчеловоды.

Михаил Кондратьевич был на все руки мастер: у него было два дома: летний и зимний. В общих для обоих домов сенях стоял домик для пчел на зиму. Вдовин М.К. держал корову и сам её доил. Двор у дома был крытый. Под крышей смастерил хозяин *качелю*, на которой мы

качались в Пасху с песнями. У Вдовиных было 8 или 9 детей, но я знаю только самую младшую – Галину. Старшие уже к тому времени разъехались. Еще у Вдовиных была большая ступа. Ею пользовались жители – из ячменя делали крупу перловку, очищали ячмень от шелухи. Пест в ступу надо было поднимать и опускать обеими руками изо всех сил.

Крестили всю мелюзгу деревни тоже у Михаила Кондратьевича Вдовина. Происходило это в летней избе, где стоял большой чан, вокруг которого нас водили хороводом, а попа Лазаря привозили из деревни Лужково.

Еще был пчеловод Чиннов Миней Ефимович, который жил от нас наискосок. Когда к нему приезжала внучка Нина, то она звала меня к ним в гости. Мы ели мед, когда его качали.

На горе жил пчеловод Офтан Павлович, у которого я иногда покупала мед, но очень боялась к нему ходить, потому что в его хозяйстве, на сеновале, стоял гроб – на запас. Когда Офтан Павлович умер, мы, школьники начальных классов, пошли к ним в дом на поминки, чтобы поесть медовые кусочки. На обед подали кашу из гречи, но она была постная и холодная, потому что пока очередь хлебать дошла до младших, каша уже остыла. (Гречу не ем до сих пор). А на другой день нас построили в коридоре школы и спросили каждого по очереди: «Пойдешь еще на моление?». Все отвечали, что нет. Только третьеклассница Таня Овчинникова сказала: «Да». Всех отпустили на уроки, а она стояла, одна-одинёшенька, в коридоре весь учебный день за честность.

В нашей школе учились дети из д. Шитиков, Большого Заурала и Афоничей – все ходили пешком зимой и летом. Нас было 48 человек.

Когда-то в деревне были мельница и мост, но он уже был худой, и ездить по нему стало нельзя. Ездили ниже

моста, через речку, бродом, даже зимой на санях, хотя речка там не замерзала. Потом построили новый мост. За ним была зерносушилка старого образца – на ней сушили зерно, как на русской печке, только на железе, переворачивая лопатой. В начале 1950-х гг. построили новую зерносушилку по системе Гоголева, которую так и звали «Гоголь». Она тоже работала на дровах. Зерно в неё сыпалось сверху вниз по принципу эскалатора. Когда зерно высыхало, то открывали заслонки.

На горе была ферма для коров, телятник, где работала наша соседка Овчинникова Акси́нья Прокопьевна. Однажды рано утром она принесла в запоне зверька, белого, и сказала: «Наконец-то поймала, кто кур ворует».

На молочной ферме доярками работали моя мама Таисья Сергеевна Токарева и ещё одна соседка Овчинникова Александра Абрамовна. Для дойки они на веревки подвешивали коров за животы, чтобы выдоить. Коровы были голодные, надои низкие. До весны коровам на ферме не хватало кормов, ведь все делалось в то время вручную и на лошадях. Весной колхозных коров кормили соломой, содранной с крыш. Осенью снова крыши крыли ржаной соломой. Так было до тех пор, пока не построили новый коровник в 1950-х гг.

На горе была и овечья ферма, где работала моя тетья Пустосмехова Зоя Николаевна (сестра папы Токарева Михаила Николаевича), пока однажды не обнаружили, что половину овец перерезали волки. Остатки овечьего стада перевели в Нововознесенск, а тетья Зоя уехала жить в д. Киприно, куда позже забрали и мою бабушку Токареву Вассу Ивановну. Вместо овец на ту ферму привезли свиней, на которых тоже через какое-то время напали волки, потому что свинарник стоял почти в лесу, без сторожа. Свиней опять переселили в Нововознесенск на место

когда-то переведённых овец, которых к тому времени уже на ферме и не было.

В Спирятах остались только коровы и кони. На конном дворе очень долгое время работала конюхом Токарева Анастасия Ивановна. В конюховке бригадир проводил разрядку, то есть распределял работу колхозникам. Там же хранилась конная сбруя (упряжь): хомуты, вожжи, седла, черезседельники и прочее. Был на конном дворе и племенной жеребец по кличке Гайдамак, серой масти, который неоднократно завоевывал призы на районных соревнованиях.

Однажды дали мне кобылу, рыжую, норовистую, – Волгой звали. Нужно было возить копны сена к стогам. С обеда Волга решила не ходить в поле, а захотела она в поскотину к жеребяткам, которые там паслись. Встала кобыла на дыбы и сбросила меня со спины... А у меня в руках были повод и грабли ещё, чтобы подгрести сено после копен. Я упала удачно – на граблевище – и не сильно ушиблась. Снова поймала рыжую Волгу – с огорода оседлала её – и поехала работать в поле. Было мне тогда лет десять.

В то время все дети, по своим возможностям, работали летом вместе со взрослыми: кто-то полонил овощные грядки с бабушками, кто-то возил на трясогозках навоз с фермы или с конного двора. В сенокос дети ворошили сено двусторонними граблями или вилами, возили копны сена на берёзовых волокушах к стогам. Подъехать к стогу нужно было так точно, чтобы метальщикам было удобно подавать сено на стог.

Долгое время стога ставила моя мама Таисья Сергеевна, потому что работа тяжёлая, и люди отказывались. Нужно было принять навильник сена от двух мужиков с одной стороны стога, разложить траву, утоптать и быстро принять сено с другой стороны стога,

чтобы стог был ровный и не упал. Выходных в сенокос не было: работали с утра до позднего вечера, пока не упадёт роса. Тогда была у нас поговорка: «Маленький дождишко – колхознику отдышка». В дождливую погоду топили баню, стирали бельё, ходили по грибы, работали в огороде, ходили в магазин в Нововознесенск. Покупали вещи первой необходимости: соль, спички, сахар, керосин, – ведь света в Спирятах не было до октября 1959г.

В стаи и на ферму ходили с фонарём – в домах же стряпали с лучиной, которую щипали из берёзовых чурок. Керосин и спички экономили. По причине экономии в декабре 1953 г. сгорел дом Вдовина Николая Павловича.

Дело было так. К Вдовиным в гости приехал внук Владимир. Бабушка Дарья Ефремовна, как водится, встала рано, чтобы постряпать, пошла в чулан с лучиной и уронила кусочек горячей щепки. Потом снова легла спать, когда отстряпалась. Проснулись... Всё горит. Выскочили в окно в чём попало. Что на себя надел, уезжая на службу, внук-моряк, не знаю. А старики перешли жить в дом сына Вдовина Андрея Николаевича, который вернулся с войны офицером, жил в Кленовке. Младшая дочь Вдовиных Фая осталась жить у бабушки и училась в 5-м классе со мной, но она пожар не видела, потому что осталась после школы у Артемьевой (Шистеровой?) Зои Васильевны, где мы вместе квартировали зимой, в холода, в деревне Забегалово. Фая Вдовина после семилетки уехала жить в Кленовку. Дед, Вдовин Николай Павлович, больше пчёлами не занимался, только лапти плёл и продавал их – по пятёрке за пару.

Мама мне тоже купила пару лаптей, чтобы ходить в 6-й класс школы. Из Очёра, где я тогда работала няней годовалой девочки, сбежала, потому что хотела учиться, а меня не отпускали в вечернюю школу.

Летом, после окончания 6 класса, я уже стояла на копнителе комбайна и откидывала солому вилами, чтобы копна была ровная - её нажатием педали нужно было выкинуть и поставить в ряд с другими копнами. Копны потом метали в стог, и зимой возили коням и коровам на корм.

В какой-то год кто-то придумал (не у нас) убирать хлеба отдельным способом, то есть сначала скашивать незрелую ниву для сушки, а потом обмолачивать комбайном. Скосили рожь, и пошёл дождь – всё поле проросло и позеленело. Пришлось сгребать проросшие колосья и возить на корм коровам и коням. На моей памяти – больше так не косили, а убирали хлеб сразу.

Зерно из бункера комбайна насыпалось в мешки. Когда я отбрасывала заслонку, нужно было быстро и аккуратно завязать мешок и спихнуть его на телегу, которую везла лошадь рядом с площадкой комбайна. Всё это делалось на ходу, а сил у нас с напарницей не хватало. Чтобы спихнуть мешок точно на телегу и не уронить, помогали себе изо всех сил *коленком* и грудью. По вечерам бежали на речку мыться от пыли и зерновой шелухи, иначе не могли уснуть от колючек под платьем. Спецодежды тогда не было да и не давали. Проверять трудодни, сколько отмечал бригадир, у нас и в мыслях не было: работали на энтузиазме и наперегонки.

На трудодни осенью выдавали по 50 гр. ржи, овса или ячменя на посыпку скоту, сколько-то пшеницы, но зерно надо было ещё высушить на русской печке да съездить в Шитики на мельницу смолоть, с трудом выпросив лошадь у бригадира! Да упросить мельника! Чтобы испечь хлеб, женщине приходилось с вечера замесить квашню, а утром, в 5 часов, затопить русскую печь и испечь хлеб. Всё это нужно было сделать до утренней разнарядки – до 8 утра. Вот так доставался хлеб

насущенный колхознику! Всем колхозникам того времени нужно было дать Героя труда, а их презирали за плохую одежду и неухоженные руки. Очень обидно за тех женщин, особенно за вдов, выживших в войну.

Днём бабы работали в полях, на фермах, а ночами везли зерно обозом, на лошадях, на станцию Бородулино, чтобы погрузить в вагоны поезда. Спали по очереди прямо на мешках, а лошади шли и ели овёс на ходу из торбы, которую привязывали к мордам животных. На другой день бабы снова шли на работу вместе со всеми.

Кто был первым комбайнером, не помню, но какое-то время работал Немтинов Анатолий из д. Киприно, которого прислали нам в помощь. Я работала день на копнителе, день на зерне.

Первый грузовик-полуполторку помню хорошо и водителя Колю Неграмотного тоже. Он был на самом деле неграмотный, но отличный водитель, вернувшийся с войны.

Однажды был такой случай. Я шла в магазин Нововознесенска и увидела, что Колю бьёт солдатским ремнём какой-то здоровенный мужик. Я бегом в магазин и обратно бегом домой. По дороге, за деревней Забегалово, увидела Колин грузовик под горой. Сам Николай лежал на животе и ревел во всё горло. Рубаха на спине у него была вся в крови от ударов солдатской пряжки, прилипла к телу. Я испугалась так, что меня дрожь взяла...

Вторым водителем у нас был Сапегин Михаил Иванович. Позднее он работал заведующим фермой, когда я пришла на ферму дояркой в 1958 г., сменила Наберухину Ульяну Терентьевну, которая вышла на пенсию. В то время на ферме работали 8 доярок, две из них были предпенсионного возраста: Сальникова Дарья Петровна и Меновщикова Евдокия Петровна. А нам с Сальниковой Лидией Васильевной было по 18 лет.

Работали ещё 4 доярки среднего возраста: Подаруева Елена Ивановна, Сальникова Лидия Кирилловна, Сальникова Антонида Александровна и Овчинникова Валентина Даниловна. В группах у доярок – по 11 коров, которых доили вручную. Корм животным носили и раздавали вилами, а летом ещё приходилось самим косить зелёную подкормку. Также в летнее время вместе с двумя пастухами каждый восьмой день ходили пасти коров в поле. Зимой по очереди топили титан в избушке, чтобы нагреть воду для стирки халатов и мытья посуды. Дрова для титана пилили и кололи сами доярки. Из современного на ферме были только автопоилки.

Зоотехником в то время работал инвалид ВОВ Чечкин Поликарп Викулович. Он пришёл с войны без кисти одной руки, но ловко управлялся с лошадью. Зимой ездил с фермы на ферму в кошёвке, а летом – в тарантасе из д. Чечки.

Работали на ферме без выходных, с 5 утра и до 10 вечера, - коровы-то едят всё время. Выходной был один раз в году у того, кто ехал на районный День животновода в Очёр, и кто-то подменял уехавшего на этот день.

Руки у старых доярок были сильно натружены, и пальцы узловатые от тяжелой работы. Кожа на руках доярок не трескалась, потому что перед дойкой соски коровам смазывали солидолом, как

*Валя, Фая, Паня, Тася, Оля. 1957 г.
д. Спирята*

детали в тракторе. Был способ, когда носили из дома сметану для смазывания вымени коров, но летом соски коров так кусали оводы, что шла кровь и образовывались коросты.

От тяжелейшей колхозной жизни и работы вся молодёжь после войны стала уезжать из Спирят. Парни после армии ехали работать в город, в шахты, а девчонки шли в училища, на какие-то курсы и в няньки. Поэтому деревня стала хиреть, да ещё начали свозить жителей на центральную усадьбу в Нововознесенск, укрупняя центральные усадьбы колхозов.

Воспоминания о праздниках.

Главный праздник в то время – 7-е ноября. Заканчивались все полевые работы, и колхозники могли отдохнуть в этот день. Собирались обычно в центре деревни, приносили пиво и брагу, а кто-то и самогон. Ставили всё, что есть, на общий стол с едой, который приносили также, из дома. Пели и плясали под свои песни и частушки, играя на заслонке от русской печи. После войны гармонистов в деревне, как и мужиков, и женихов не было. Частушки пели на злободневные темы:

Девушки вы, матушки,
До чего вы дожили.
Которо место берегли,
На то налог наложили.

Я работала в колхозе,
Заработала пятак.
Пятаком прикрылась сзади,
А перёд остался так.

В то время налог был на бездетных, незамужних и замужних. А ещё платили продналог аж до 1953 г. Каждое хозяйство сдавало государству мясо, яйца, шерсть, масло

или молоко вместо масла. Хоть есть, хоть нет, сдай! Сдал всё это колхозник, и остался «скелет». Поэтому ходил такой анекдот про колхозника: «Каждое утро ехал молоковоз на телеге, с флягой и молокомером, забирать молоко, а хозяйки выносили и сливали из подойников без остатка».

Помню ещё один праздник. В июне у фермы, где росли треугольником три берёзки, был день Святой Троицы. Взрослые пели песни, водили хоровод, а мы плели венки из цветочков, заламывали веточки берёз.

Новый год праздновали только в школе: родители с детьми, где мы читали стихи и пели песенки. Очень хорошо помню празднование Нового 1950-го года, потому что младший брат Вася, четырёх лет от роду, читал очень большой стих «Генерал Топтыгин». Брат его выучил, пока я учила стих к уроку. На голове у брата был надет конус из красной бумаги с белой цифрой 1950, и ему сильно хлопали в ладоши.

День Победы не праздновали, потому что в это время была посевная – самая горячая пора в колхозной работе. Жили по поговорке - весенний день год кормит – нужно было успеть всё посеять и посадить.

Был только один выходной, когда объявили Победу. Все были возбуждённые: кто плакал, кто радовался. Мы с мамой пошли по пистики, и это стало нашей традицией: собирать пистики и стряпать пироги, делать запеканку с яйцом и молоком. Ещё собирали в лесу еловые ягоды – сосновые крупянки – первые витамины.

Весной среди деревенской еды был популярен корень хрена, который выкапывали, как только появлялся первый листочек. Хрен мыли, тёрли на тёрке и заливали картофельный студень. Во время войны в пищу употребляли всё, что было съедобно: летом – кислицу, борщевик шершавый, дикорастущую морковь, траву анис, гондыри, горькую редьку. Овощи с огорода не ели, экономили на зиму. Зимой пекли пироги и шаньги с капустой, калегой, морковью, свёклой, картошкой, редькой, горохом и бобами. Ещё пекли пироги сладкие, с сушёной малиной, калиной, черёмухой, а также несладкие: с грибами, солёными и сушёными. Грибы в то время не мариновали – не было такой моды, да и банки в деревне негде взять. Варенье тоже не варили из-за отсутствия банок и денег на сахар, а огурцы и помидоры солили в деревянных бочонках или в глиняных корчагах. Капусту рубили и солили в деревянных бочках. Её делали столько, чтобы хватало до весны – делать окрошку вместо супа.

В хозяйстве весной нужно было успеть наметать снег в яму, пока не растаял, чтобы хранить летом запасы продуктов. Ведь холодильников тогда не было. Молоко и сметану ставили в крынках, под деревянными крышками-кружочками, прямо на снег, чтобы не прокисали летом от

жары, а на крышки клали гальки. Квас держали в доме, потому что пить квас со снега опасно, – можно в жару простыть и заболеть.

Молоко кипятили в кринках в русской печке. Мама рассказывала историю, что какой-то парень пришёл летом с вечерки разгорячённым, выпил кринку молока со снега и тут же умер.

Наша семья снег в яму никогда не метала, потому что весной у нас там стояла талая вода, – еле успевали картошку достать. Вода в яме появлялась и снизу, видно, жила была водяная. И у нашей соседки в огороде всё лето бежала вода.

Бочонок с солёными рыжиками всё лето стоял просто в погребе. Зимой мама рубила грибы сечкой, чтобы поесть. Ягоды малины и клубники сушили, а зимой пекли с ними пироги. Черёмуху бруснили, сушили, мололи и пекли пироги. Компоты в то время не варили, пили квас ржаной или овсяную брагу. Делали так: рожь или овёс замачивали, проращивали, заваривали кипятком, затем сушили, мололи, опять заваривали, цедили, заквашивали и через два дня пили, когда укиснет.

Осенью красную рябину просто ломали, складывали в мешки и зимой ели. Это витамины. Или пекли из мороженой рябины пироги. Яблонь в деревне не было. Одно дерево росло в бывшей деревне Малый Заурал. Но яблоки на нем не успевали созревать, – мы их съедали, когда ходили за земляникой мимо яблони. Чернику собирали у деревни Заболотово Большесосновского района. Ходили с одним взрослым, чтобы не заблудиться в лесу, когда нам было лет по десять-двенадцать.

Дрова рубить нам выписывали в деревне Мартино – в Спирятах, дома, не разрешали этого делать. Рубить лес на дрова можно было только зимой, летом – работа. Зимой собирали помочь в несколько человек с лошадьми,

двуручными пилами и топорами. Дрова были сырыми – плохо горели, сильно дымили, а заготовленных впрок не было.

Помню, что одну зиму мы даже жили в конторе, так как дров не хватило. Рано утром мама Таисья Сергеевна топила печь в колхозной конторе, уходила на работу, вечером мыла там пол. Маленькая, я целый день сидела на полатах, – ясли зимой не работали. Моя бабушка (мамина мама Подаруева Федосья Мокеевна) уже умерла к тому времени. Летом я собирала сухие сучья ивняка, чтобы на берегу сварить похлёбку или пожарить рыбу, которую ловила бутылкой или удочкой на ужин.

В 1945 г. с войны вернулись два брата (не мои) Сальниковы: Михаил и Иван Авдеевичи, – да Вдовин Андрей Николаевич. Он вскоре уехал жить в село Кленовка Большесосновского района. А братья Сальниковы жили в деревне и работали трактористами. Когда появились дизельные трактора, братья-трактористы вспахали все спирятские и шитиковские поля для посева зерновых и картофеля.

Комбайны для уборки зерновых появились позже, поэтому зерновые культуры косили конными жатками. Женщины вязали снопы и ставили сушить в суслоны. Осенью их свозили на ток под крытый сарай, где молотили «Очёркой». Молотилку «Очёрку» крутили кони, прицепленные в ваге двумя постромками из верёвки. В течение всего дня коней по кругу гоняли подростки. От хождения по кругу у животных кружилась голова, и коням глаза завешивали тряпкой. Зерно веяли ручными веялками, затем в мешках везли на сушилку. После этого также в мешках везли на склад хранить на весенний посев. Плохое же зерно отправляли на посыпку скоту.

Арбузов Василий Павлович, 1962-1963 гг., д. Спирята

Помню ещё одно лето, когда посреди деревни вырос лён и расцвёл, как синее озеро. Осенью лён выдергали вручную, связали в снопы и свезли сушить к моей бабушке Токаревой Вассе Ивановне в баню, потому что у неё в предбаннике была льномялка. Она состояла из стола на ножках и двух ребристых длинных валиков – один над другим, соединённых ручкой вращения. Лён подавался со стола между валиками, а костица (отходы от соломки) сыпалась под стол. Волокно потом чесали, трепали, пряли, ткали, чтобы получить полотно и сшить мешки для зерна и картошки. Всё делали вручную, а бабушке за это насчитали трудодни, наверное. Помогала ей соседка Надежда Максимовна, живущая напротив. Под окошками её дома, примерно в марте, на снегу расстилали холсты для отбеливания. Качество полотна зависело от толщины нити, поэтому на штаны и рубахи нить пряли тонкую. Это делали настоящие мастерицы.

В 1947 г. вернулся с войны Наберухин Николай Семёнович (они потом с мамой жили вместе), – после двух лет лагерей и фашистского плена в Германии.

Николай Семёнович был предан молчаливому презрению за то, что был в плену. Он не считался участником войны и не получал никаких льгот. Не то, что некоторые, которые кичатся, что были узниками концлагерей фашизма.

Николай Семёнович Наберухин рассказал нам, что был в лагере около небольшого шахтёрского городка, где узники работали в шахте по 12 часов вместе с пленными французами и другими – со всей Европы. Кормили их баландой из гнилой капусты и картофельных очисток, поэтому люди умирали каждый день. Выжили самые крепкие и сильные духом. В лагере было 18 тысяч узников, включая немцев, которых считали предателями Германии. В мае 1945 г. лагерь освободили американцы, то есть наши союзники, ставшие таковыми в конце войны. Пленных из Советского Союза было приказано гнать пешком, в жару, для погрузки в эшелон поезда, который увезет их через всю страну строить город Биробиджан. За несколько дней дороги, пока шли до железнодорожной станции, падали и умирали от изнеможения ещё сотни людей, через которых перешагивали и шли дальше те, кто был покрепче. На руке, ниже локтя, у Николая Семёновича был выжжен пятизначный номер узника. Я сама видела номер, но говорить об этом было запрещено.

Наберухин Н.С. прожил в деревне Спирята до 78 лет, пока мы с братом не перевезли мою мать Таисью Сергеевну вместе с Николаем Семёновичем в город Очёр, где они купили дом.

*Наберухин Николай Семенович
1970 г., д. Спирята.*

В деревне Спирята он поставил три дома: первый дом построил со второй женой Курочкиной Анной в «чёрной» улице; второй дом поставил с Палашей, от которой ушёл к моей матери. Перевезя сруб из д. Меновщики в 1962 г., они построили третий дом на седьмом уже его десятке, а в 60 лет Николай Семёнович стал отцом сына Максима, когда моей матери было уже 40 лет. (!)

Помню ещё, как в деревне проводили противопожарные сборы. Около зерноскладов ставили телегу с пожарной помпой и брезентовыми длинными рукавами, а рядом – двухколёсную телегу с ведром и деревянной бочкой, всегда полной воды, на всякий пожарный случай. На углу зерносклада висел кусок рельсы, в который били, а звучал он громко, как набат, собирая народ всей деревни на учения или на собрания решать какие-то проблемы. «Пожарная» лошадь всегда стояла на конном дворе, чтобы не искать её и не ловить в поскотине. У каждого жителя на воротах был нарисован предмет, с которым, на случай пожара, надо явиться на учения или на пожар: у кого багор, у кого топор, у кого лопата. На стене зерносклада тоже висели топор, багор, лопата и ведро. Летом жители деревни по очереди ходили дежурить с деревянными колотушками и стучали всю ночь по всей деревне.

Водовоз был постоянный – Наберухин Прокопий Андреевич. Он возил воду для колхозников и коней на дальние покосы.

Когда умерла соседка Крестина, у неё в доме поселилась Копеечкина Валентина с тремя малыми детьми: Витей, Сашей и Галей – откуда они пришли, не знаю. Прожила Валентина несколько лет и родила от разных отцов ещё двух дочек: Лину и Анну. Всех детей подняла благодаря ремеслу – кружевам, которые она вязала для деревенских женщин. Валентина вязала

занавески, шторы, кружева для женских сорочек, покрывала на кровати и узоры к простыням. За работу ей платили продуктами: яйцами, картошкой, молоком, мукой и прочим. Органы опеки тогда никого не отбирали и не проверяли. Да никто и не знал совсем, что это такое. Пишу про это потому, что всегда можно найти работу, чтобы прокормить себя и семью, если захотеть, и не ныть, а приложить руки, ведь страна у нас большая и земли много. Земля всегда прокормит, стоит только захотеть. Нам, молодым, давали только по 4 сотки в общественных садах в 1970-ых гг.!

Пишу эти строки в назидание молодым, так как имею право! И посвящаю жителям деревни Спирята:

Ах, родная деревня Спирята,
Спиридон, видно, был твой отец!
Жили люди-трудяги когда-то,
Да приходит деревне конец.
Снится тихая речка Сосновка,
В ней плескались мальки, голавли,
Но исчезла и рыба куда-то,
Вниз с водой в Логины уплыли.
В школе нашей гудели когда-то,
И дрались, и учились мы все,
Но разъехались в армию наши ребята,
А с войны той вернулись не все!
Были кони в деревне и овцы,
Были свиньи. Коровы у речки паслись.
Всё исчезло тихонько. Когда-то
Ведь и куры колхозные яйца несли.
Весной пахали трактора,
Комбайны осенью гудели,
И сенокосная пора!
Работа круглый год кипела.
Была и кузница своя, -
Михайло там коней «ковал»,

А в сенокосную страду
Литовки бабам отбивал.
Сушилki даже две стояли –
Зерно с токов потоком шло,
Но всю деревню развалили,
Как будто ветром унесло.
Остался лес, поля да речка.
Бурьян в деревне царь теперь.
Не верю, что умрёт деревня,
А будет жить здесь только зверь.
Плачет сердце о родине малой,
Косогор и Булдыгу я вижу во сне.
Воротиться туда бы обратно,
Только вот не судьба уже мне!

Не судите строго – написала коряво, торопливо перед поездкой на День деревни, но от всей души.

Теперь напишу список жителей д. Спирят по домам, если идти из д. Забегалово. Наверное, так неправильно, но мне это лучше, по памяти. Нужно было бы писать по течению речки, и тогда школа будет №1, но ведь сначала строилась деревня, а потом была построена школа.

Итак, на левой стороне:

Дом №1 – Токарева (Звездина) Васса Ивановна (моя бабушка по линии отца), уроженка д. Юрково Большесосновского района.

Дом №2 – Акси́нья Сидоровна (почтальон).

Дом №3 – Пименовна (костоправ).

Дом №4 – Копеечкина Елизавета Гавриловна с дочерью Антони́дой Александровной и её сожителем Токаревым Николаем Игнатьевичем, из д. Старики Большесосновского района (это мой дед, 1885 г.р.). За домом была плотина, мост – речка здесь течёт налево. За речкой, на подъёме в гору, стояли две сушилki для зерна, на горе, налево, были курятник и телятник, а направо от

дороги – коровник и теплушка с кирпичной печкой и вмазанным чаном для горячей воды. Слева направо идёт дорога из д. Шитиков в д. Спирята до следующего дома и вниз.

Дом №5 – Наберухина Пелагея Митрофановна, 1898 г.р., её сестра Желватых Екатерина Митрофановна, 1905 г.р., с сыном Желватых Владимиром Егоровичем, 1937 г.р., его женой Лидией Васильевной, 1940 г.р., и их сыном Юрием, 1961 г.р.

Дом №6 – Наберухин Пётр Трифонович (Терентьевич?), 1893 г.р., с женой Анной Егоровной, 1892 г.р., с сыном Александром и снохой Жуковой Ниной. Они впоследствии уехали в Очёр. Позже в этом доме жил Курочкин Иван Николаевич, 1930 г.р., его жена Агафья Тихоновна, 1918 г.р., их дочери: Людмила, 1948 г.р., и Нина, 1951 г.р., - и сын Александр, 1953 г.р.

Дом №7 – Спехова Александра Ефимовна, 1914 г.р., с сыновьями: Спеховым Николаем Ивановичем, 1936 г.р., и Спеховым Фёдором Николаевичем, 1945 г.р., - жили они в доме по «чёрной» улице, прозванной так после пожара в 1929 г. Дальше, в конце улицы, была стоянка сельхозтехники: плуги конные, сеялки и косилки, а позже и трактора с горюче-смазочными материалами стояли под открытым небом.

Дом №8 – Курочкина Анна Ивановна, 1889 г.р., из д. Даси, – мать Курочкина Ивана Николаевича, усыновлённого Наберухиным Николаем Степановичем.

Дом №9 – Чиннов Степан (Минеевич?) уехал в Казахстан с Наберухиной Зинаидой Андреевной и её сыном Виктором в 1951 г.

Дом №10 – Чиннов Миней Ефимович, 1878 г.р., его жена Настасья Ивановна, 1879 г.р. Пчеловоды. Позже, после смерти Чинновых, примерно с 1950 г., в доме жила доярка Меновщикова Евдокия Петровна.

Дом №11 – Овчинникова Александра Абрамовна, её дочери: Зинаида Даниловна, 1928 г.р., Татьяна Даниловна (Абрамова), 1936 г.р., Валентина Даниловна с сыном Овчинниковым Петром Николаевичем.

Дом №12 – Овчинникова Аксинья (Прокопьевна?), её сын Овчинников Агафон Петрович, 1931 г.р., (жил в доме 12а) с женой Валентиной Александровной (Шелгуновой) из д. Афоничи и её сыном Шелгуновым Виктором Фирсоновичем, 1945 г.р.; с общими детьми: Анной, 1952 г.р., и Алексеем, 1959 г.р.

Дом №13 – Наберухин Прокопий Андреевич, 1886 г.р., с женой Ксенией Ефимовной, 1886 г.р., и сыном Наберухиным Андреем Прокопьевичем.

Дом №14 – Никифорова Татьяна Христофоровна с сыном Никифоровым Никифором Михайловичем, 1926 г.р., его женой Евдокией Петровной, 1928 г.р., и их детьми: Надеждой, 1950 г.р., Ниной, 1952 г.р., Сашей, 1955 г.р., Руфиной, 1957 г.р., Павлом, 1962 г.р. От их дома дорога шла в д. Шамары Большесосновского района.

Дом №15 – Сальникова Наталья Андреевна, 1905 г.р., с дочерьми: Прасковьей Кирилловной и внучками от неё: Сальниковой Татьяной, 1951 г.р. (отец Сапегин Василий), и Сальниковой Ольгой, 1957 г.р. (отец Наберухин Борис Григорьевич); Лидией (Кирилловной?), 1930 г.р., и внуками от неё: Алевтиной Владимировной, 1957 г.р., Михаилом Ивановичем, 1944 г.р., Егором (Ивановичем?) 1948 г.р.

Дом №16 – Луканиха (не помню имени).

Дом №17 – Наберухин Иван Терентьевич, 1893 г.р., – бригадир нашей деревни долгое время, его жена Анна Лукияновна, 1898 г.р., и дети: Василий, 1925 г.р., Мария, 1927 г.р., Степанида, 1931 г.р., Татьяна, 1938 г.р., Виктор, 1940 г.р., Анна, 1922 г.р. – все дети уехали в Пермь, кроме Василия, – он жил в Очёре.

Дом №18 – старая контора колхоза «1 Мая», когда колхоз состоял из двух деревень Шитиков и Спирят. Позже в этом доме были дет-ясли в летнее время, а зимой изредка показывали кино. Зимой 1944-1945 гг. мы жили в этой конторе: мама оставляла нас в тепле, а сама шла на работу в бригаду (*Об этой зиме рассказано выше по тексту – от редакции*).

Дом №19 – домик при конюшне – конюховка. Сколь лошадей было на конном дворе, не знаю. Во дворе вырыт колодец, из которого поили коней. Позже в конюховку провели телефон, но в каком году, не помню.

Дом №20 – Сапегина Анна Евстафьевна, 1904 г.р., с детьми: Григорием, 1926 г.р., Николаем, 1927 г.р., Анастасией, 1929 г.р., Михаилом, 1936 г.р., - и его семьёй: женой Любовью Степановной, 1940 г.р., детьми: Валентиной, 1960 г.р., Александром, 1961 г.р., и Василием, 1966 г.р.

Дом №21 – Наберухина Пелагея Андреевна, 1904 г.р., дочь Валентина (Михайловна?), 1928 г.р. с мужем Чечкиным Пётром Геннадьевичем, 1928 г.р., и детьми: Наберухиной Ираидой Петровной, 1949 г.р., Любовью, 1957 г.р., Николаем, 1956 г.р., Марией, 1959 г.р., Владимиром, 1960 г.р., Павлом, 1962 г.р., Алексеем, 1964 г.р. Позже семья Пелагеи Андреевны жила в нашем доме, когда мы с братом перевезли маму в Очёр (примерно в 1978 г.).

Дом №22 – Вдовина Анна Давыдовна, 1901 г.р., дочери: Фаина Артемьевна, Александра Артемьевна – ? (жила в г. Верещагино), Людмила, 1940 г.р. (живёт в Перми).

Дом №23 – Елымиха (имени не знаю). После неё жил Вдовин Степан Михайлович, 1916 г.р., когда вернулся после службы в армии с женой-хохлушкой Марией и сыном Николаем, 1945 г.р.

Дом №24 – начальная четырёхклассная школа. В школе жила учительница Верещагина Людмила Георгиевна, 1919 г.р., с матерью Вылегжаниной Таисьей Александровной, 1896 г.р., и дочерью Верещагиной Ольгой Леонидовной, 1940 г.р. В 1948 г. там жила учительница Алевтина Васильевна из д. Пурга (она меня учила в первом классе). А в 1949 г. приехала Куминова Антонида Гавриловна из д. Мартино, которая нас выпустила после 4-ого класса. Не помню, где жила уборщица школы Наберухина Александра Семёнова.

Ниже школы, через дорогу в д. Афоничи, была кузница, а за ней текла речка Сосновка – со стороны д. Афоничи, мимо нашей деревни и по Спирытам в сторону деревень: Шитики Логины. Сразу от кузницы по обоим берегам речки была загорожена поскотина для жеребят и телят колхозников. Поскотина, шириной метров 8-10, тянулась вдоль всей деревни до нашего огорода, до речки. Между нашим огородом и огородом Надежды Матвеевны были «заворки», через которые заводили и выводили скот. Жерди двигались, образуя проход в изгороди на такую ширину, чтобы могла проехать лошадь с телегой. Через «заворки» люди ходили полоскать бельё на речку или набрать воды из речки на полив. Непосредственно на берег р. Сосновки выходил только наш огород и огород соседки Крестины.

Дом №25 – кузница, за ней лесок, куда мы бегали в большую перемену за еловой серой, чтобы жевать её.

Дом №26 – Наберухин Роман Андреевич, 1903 г.р., жена Пермякова Валентина Александровна, 1928 г.р., с сыном Пермяковым Александром Васильевичем, 1952 г.р. От этого дома шли «заворки» в поскотину.

Дом №27 – Чиннова Таисья Григорьевна, 1910 г.р., со своими детьми: Петром, Александром, Валентиной Алексеевичами – и сестрой Наберухиной Клавдией

Григорьевной, 1920 г.р., с её детьми: Виктором Степановичем, 1945 г.р., Людмилой Анатольевной, 1944 г.р.

Дом №28 – Наберухина Акси́нья Константиновна, дочь – Терентьевна, 1916 г.р., доярка.

Дом №29 – Вдовин Андрей Николаевич с детьми: Владимиром, Аркадием, Ниной и Фаиной, 1941 г.р.

Дом №30 – Вдовин Николай Павлович, 1869 г.р., жена Дарья Ефремовна, 1868 г.р. *(о пожаре в этом доме рассказано выше по тексту – от редакции)*.

Дом №31 – Токарева Настасья Ивановна, 1904 г.р., конюх, жила с детьми: Евгением Вячеславовичем, 1910 г.р. (?), Валентиной, 1936 г.р., Александрой, 1941 г.р. – став взрослыми, дети уехали в Очёр.

Дом №32 – Сапегина Татьяна Афонасьевна, 1894 г.р., с сыном Василием Ивановичем, 1938 г.р. Дом был напротив конюховки, а в огороде ключик бежал через поскотину в речку Сосновку.

Дом №33 – Вдовин Михаил Кондратьевич, 1889 г.р., пчеловод, кузнец, многодетный отец и очень работающий и отзывчивый человек. Его жена Анисья Аксёновна, 1890 г.р., их дети: Степан, 1916 г.р. (?), Галина, 1937 г.р. После армии Степан прожил несколько лет в д. Спирятах, а потом переехал в Нововознесенск. Сыновья Михаила Кондратьевича: Иван, Алексей и Яков – разъехались раньше, поэтому я их не знала. Ещё была дочь Екатерина, которая жила в д. Заболотово. Анисья Аксёновна часто ездила к детям в гости, а Михаил Кондратьевич вёл всё хозяйство сам. Дом 33а – это летний дом Вдовина М.К. *(подробнее о нём выше по тексту – от редакции)*.

Дом №34 – Токарева Акси́нья Ивановна, 1898 г.р. Её сын Токарев Пётр Иванович, 1927 г.р., был директором Очёрского маслозавода. В доме Акси́ньи Ивановны в конце 1940-х гг. были ясли-сад, где летом я иногда учила

детей писать буквы – палочкой на земле в огороде. Позже в этом доме жил с семьёй Овчинников Василий Петрович, 1929 г.р., женой Клавдией Александровной, (Илларионовной?), 1932 г.р., из Очёра, и детьми: Ольгой, 1955 г.р., Сергеем, 1958 г.р., Татьяной, 1961 г.р., Виктором, 1964 г.р., Андреем, 1965 г.р.

Дом №35 – Наберухина Надежда Матвеевна (?), наша соседка, у которой в огороде бил ключ, бежавший в речку. После смерти хозяйки в этом доме несколько лет был магазин.

Дом №36 – новая колхозная контора, которая почему-то была построена в нашем огороде. Впоследствии из-за этого было много неприятностей. В сторону нашего огорода пристроили к зданию туалет для приезжающих на сенокос и уборку зерновых рабочих из Перми. Они готовили себе пищу на кухне, а все банки и отходы кидали к нам в огород. Каждую осень моей маме приходилось всё после них убирать.

В новой колхозной конторе показывали кино, а на полянке, около дома, организовывали вечёрки с танцами под баян Желватых Владимира, когда в конце 1950-х гг. он вернулся из г. Оханска после окончания музыкального училища.

Дом №37 – Подаруева Федосья Мокеевна, её дочь – моя мама Токарева Таисья Сергеевна, 1918 г.р., со мной – дочерью, Ольгой Михайловной (автором строк), сыном Арбузовым Василием Павловичем, 1946 г.р., сыном Наберухиным Максимом Николаевичем, 1958 г.р., и сожителем Наберухиным Николаем Семёновичем, 1898 г.р. После переезда в Очёр в 1978 г. совхоз купил наш дом для семьи Чечкиных.

Дом №38 – Крестина, 1889 г.р.(?). После её смерти в конце 1940-х гг. лет пять жила в доме Копеечкина Валентина с пятью детьми (*подробнее о семье выше по*

тексту – от редакции). Они выехали в Очёр. Дочь Валентины Галина работала диспетчером на «Автобазе» до пенсии.

С начала 1950-х гг. в этом доме жил тракторист Сальников Иван Авдеевич, 1927 г.р. с женой Антонидой Александровной, 1925 г.р. Сразу за их огородом был колхозный «огуречник», где сажали овощи для детских яслей и приезжих рабочих. Огуречник был между речкой и зерноскладом, тянулся до самого моста, а напротив зерносклада, через дорогу, была колхозная овощная яма, где хранили картофель, иногда, и турнепс для скота. Яма была в горе. С этой горы по дороге мы зимой катались на санках и кучей – на колхозных санях. Однажды Люся Вдовина упала с саней и сломала себе руку (или ногу?).

Дом №39, на горе, – Офтан Павлович, пчеловод, фамилию не помню, хотя мёдом его угощалась.

Дом №40 – Пашка «Маршин» – так его звали в деревне, небольшого роста, одинокий старичок.

Дом №41 – Сальников Михаил Авдеевич, старший брат Ивана Авдеевича, оба брата – механизаторы, участники ВОВ(?). Сразу за этим домом был старый коровник, и дорога шла вниз, на мост, к сушилке. Слева от плотины был «капустник», где выращивали капусту, морковь и свёклу, кормовую свёклу и турнепс для коров, а осенью мы, когда учились в начальной школе, убирали эти овощи.

Дом №42 – Вдовин Степан Васильевич (?), жена Мария Фёдоровна (?). Степан был парализован и лежал, не вставая, а за ним ухаживала жена и бывшая подруга Татьяна Наумовна. Мужик-то был высокий, крупного телосложения. В помощь им я пасла коров в их очередь.

Дом №43 – Пустосмехов Иван Васильевич, 1907 г.р., тракторист, родом из д. Старики. Жена Зоя Николаевна (папина сестра, в девичестве Токарева), 1907 г.р. Их дети:

Николай, 1927 г.р., Павел, 1926 г.р., Евдокия, 1939 г.р., и младший сын Юрий. Сведения я собирала из разных источников – они могут быть неточными. Николай Иванович Пустосмехов женился на девушке из д. Старики – я помню их скромную свадьбу с бобовыми шаньгами на столе (хотя на войне ни один мужик из этой семьи не был). Они жили на косогоре, а огород был на склоне. Семья уехала в д. Киприно в начале 1950-х. После Пустосмеховых поселилась в их доме Наберухина Александра Минеевна, 1912 г.р. и два её сына: Владимир Григорьевич, 1932 г.р., и Борис Григорьевич, 1938 г.р. После службы в армии они сразу уехали на Донбасс работать в шахты. Из д. Шитики пришёл в этот дом к Александре Минеевне жить Подаруев Иван Андреевич. Они родили двух детей: Леонида, 1947 г.р., и Людмилу, 1949 г.р. Когда выросли, дети уехали в п. Павловский.

Дом №44 – Наберухина Татьяна Наумовна, 1890 г.р. Детей у неё вроде бы не было, или я не помню.

Дом №45 – Чиннов Пётр Тимофеевич(?). Его дочь Вера Петровна жила в Очёре. Позже в этом доме жил Вдовин Самсон Филимонович из д. Чечки с Сальниковой Лидией Кирилловной, дояркой. А позднее в доме жила после «отсидки» за убийство Амдулатова Нина Иосифовна с дочерью Тамарой.

Дом №46 – Наберухина Надежда Максимовна. Про её детей я не знаю, хотя жила она напротив моей бабушки. Дом, за рекой, последний, если идти в д. Забегалово из д. Спирята, по левой стороне. Потом в этом доме жила Наберухина Настасья Филимоновна с сыном Мишей, моим одноклассником.

Автор статьи: Еловикова Ольга Михайловна.

Деревня Боронники Сталинского сельского совета

Я хочу рассказать о деревне Боронники – её уже нет на карте Пермского края. Для кого-то она была местом рождения, малой родиной, кто-то приехал сюда уже взрослым человеком, но у каждого, кто жил здесь, этот уголок земли остался в сердце. В деревне Боронники проживали мои бабушка с дедом: Каменских Евгения Ивановна и Фёдор Петрович. Как они оказались в Боронниках, я не знаю. Бабушка рассказывала, что её отец Федосеев Иван был мельником на Боронниковской мельнице, которая стояла ниже по течению реки Татарки, у Городища (это место в Оханском районе). Девчушкой она рыбачила на «пруду». Прудовище – так и называли то углубление на реке, большой площади. Когда мы ходили прямушкой из Боронников в д. Мыльники, бабушка мне показывала местность и рассказывала о своём детстве. В исторических документах упоминается та мельница. В начале века в тех местах проживало 6 человек.

Деревня Боронники мне близка. Остались мои детские воспоминания о ней. Я помню многих людей, жителей деревни. Любимые окрестные места: Роща, Езово болото, Савва большошарая, Белая, Белая глина и многие другие. А на деревенских угорах с местными ребятами мы облазили каждый кустик, собирая грибы и ягоды, играя в свои детские игры. Купалась я и в холодной воде речки Татарки. Что это была деревня, кто в ней жил, решила исследовать подробнее.

«Топоним образован от фамилии Боронников, достаточно распространённой по Верхнему Очёру. Фамилия Боронников образована от прозвища Боронник. Оно ведёт свое начало от аналогичного нарицательного со значением «дрязг, сорная трава и коренья, которые вязнут в борону во время вспахивания поля». Вероятно, прозвище относится к числу «профессиональных»

именований, содержащих указание на деятельность основателя фамилии: он мог быть крестьянином-земледельцем. Боронник, со временем получил фамилию Боронников».

«Фамилия встречается в Оханском и Очёрском районах. Её основатель Васка Семёнов – сын Боронников, живший в 1623-1624 гг. с сыном Ивашком в Очёрском острожке. Боронник – мастер по изготовлению борон»././ Шумилов Е.Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки.- Пермь, 1991.- С. 182

Катание с Боронниковской горы

«В 1834 г. в починке Базаринском над речкой Татаркой проживал Александр Новиков Боронников, 26 лет, переведённый в 1827 году из села Очёрский острожек. Относимость фамилии к месту расположения селения на реке Татарке даёт основания предполагать, что этим крестьянином или его детьми и была основана деревня». // А. А. Дубровин «Лики верхнего Очёра». – С. 53.

«В конце 18 века на карте Плана генерального межевания Оханского уезда Пермской губернии деревня

Боронники не встречается. Указан починок Базаринский на речке Татарке. В списке населённых мест Пермской губернии 1869 г. деревня Боронники также не встречается. На карте Оханского уезда 1880-х гг. данный починок есть.

По данным на 1904 г., в Списке населённых мест Пермской губернии в починке Боронников было 33 двора, 180 жителей, 89 женского полу и 91 мужского. Проживают русские, бывшие помещичьи крестьяне. Починок входит в состав Верецагинского общества Павловской волости. В Списке населённых мест Пермской губернии 1909 г. в деревне Боронниковой – 35 дворов и 207 жителей (103 мужчины и 104 женщины). Вероисповедание православное. Старообрядцев по селению не отмечено. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., деревня Боронники относилась к Ромашовскому с/с, насчитывала 40 хозяйств, имела 205 жителей, 112 женского и 93 мужского полу, русских, православных. В 1939 г. д. Боронники входила в состав колхоза «Единый труд», насчитывала 31 двор, 127 жителей». По данным 1999 г. деревня Боронники не упоминается. // *Справка из МАУК «Очёрский краеведческий музей им. А.В. Нецветаева».*

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что деревня была основана в 70-80-е годы 19 века, а в 1975 г. из деревни выехали последние жители, и она перестала существовать. Жила она, в среднем, около 100 лет. Располагалась по течению реки Татарки. Если идти из Павловского, то с правой стороны, одной улицей, длинной, наверное, около 2-х км. Входила в состав колхоза «Единый труд», потом «Дружба», в дальнейшем – совхоз «Очёрский».

На уборке картофеля слева направо – Зоя Костицына, Анастасия Шилова, Пономарёва Мария, Августа Шилова.

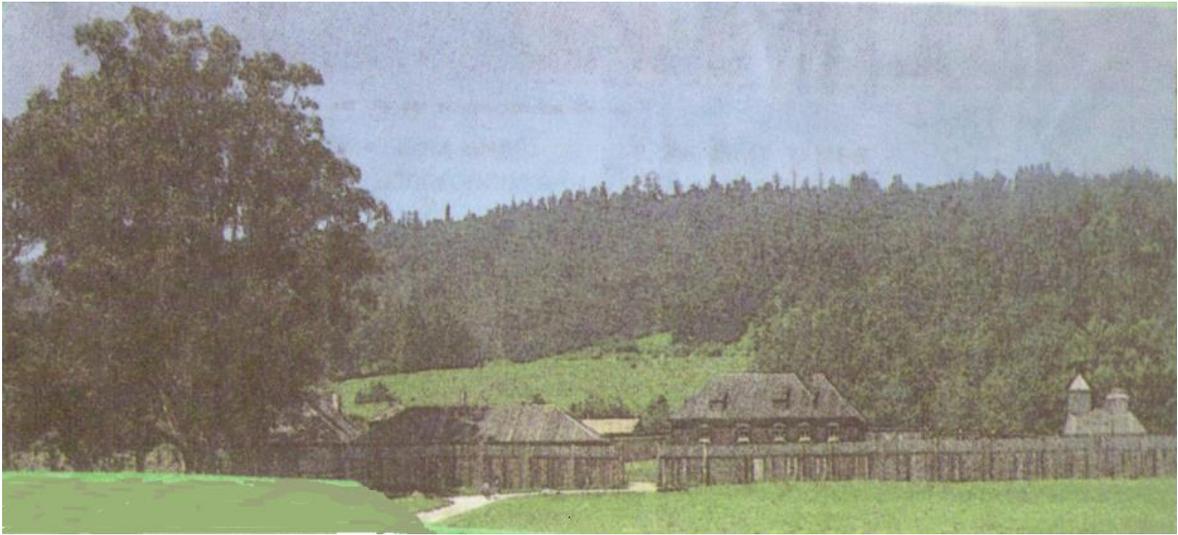
На сенокосе. 1962 г.

Пономарева Юлия Александровна, Бакилина Юлия Яковлевна, Пономарёва Мария Николаевна, Шилова Анастасия, Ончукова Саломея, 2 женщины из деревни Базарино, Федосеев Степан Иванович.

В книге А.А. Дубровина «Лики верхнего Очёра» написано, что «в починок Базаринский переведены лица... по воспоминаниям старых жителей некоторые из них жили в деревне Боронники: Дорофей Фёдоров Бакилин переведён из д. Верещагинской в 1820 г., а также Александр Николин Боронников, г.р. 1808; его сын Степан, г.р. 1832; Пётр Михайлов Болотов, г.р. 1786; Григорий Гаврилов Косых, г.р. 1783».

По опросам бывших жителей Боронников, коренным жителем являлся Александр Егорович Бакилин (Сано Егоров). И большинство жителей деревни носили фамилию Бакилины, также были Шиловы и Каменских. Обнаружено несколько жителей с фамилией Боронников (по Книгам Памяти), место рождения которых д. Боронники Сталинского с/с: Боронников Александр Яковлевич, г.р. 1872, печник, плотник 1941-1944 гг.; Боронникова Устинья Трофимовна, г.р. 1877; Боронникова Анастасия Александровна, г.р. 1920; Боронникова Анна Георгиевна, г.р. 1905; Боронникова Галина Семёновна, г.р. 1928.

Где именно они проживали в деревне, из бывших жителей Боронников никто не знает. Изучив рассказы старожилов деревни и основываясь на собственных воспоминаниях, пишу то, что получилось.

Вид на деревню

Жители деревень Боронники и Базарино

Пономарёв Александр Николаевич долгое время был бригадиром на 2 деревни, проживал в д. Базарино, вёл свои записи. В одной из них нашла такие сведения: «умерших с 1915 по 1985 гг. жителей деревни Боронники мужчин – 106, женщин – 70». По данным на 01.09.1985 г., после того, как деревни перестали существовать, он по привычке вёл записи для воспоминаний. В 1988 г. людей, проживавших в деревнях Боронники и Базарино, осталось 32 человека: 12 мужчин и 20 женщин.

Жители

При въезде в деревню, справа, жила Евдокия Ивановна Кычкина, г.р. 1899, с мужем Алексеем Михайловичем, г.р. 1903, и сыновьями: Иваном, г.р. 1924, и Николаем 18.05.1925 г.р. Родители трудились разнорабочими в колхозе «Единый труд» Сталинского с/с. Когда они приехали в деревню, неизвестно. Кычкины родились в с. Задольное Оханского района. После них этот дом купил Геннадий Александрович Бакилин (Гена-маленький) с женой Анной, детьми: Михаилом и Людмилой.

В начале деревни, слева, жил отец Геннадия – Бакилин Александр Егорович, г.р. 1884. Работал конюхом в колхозе «Единый труд» Сталинского с/с. Его жена Анастасия Александровна, г.р. 1895, и дети: Михаил, Анна, Геннадий.

После Бакилиных хозяевами дома стала семья Осотовых: мать Алевтина, сын Иван с женой Шурой и дочерью Леной.

Напротив них жил Бакилин Григорий (Андреевич?) с женой Анной и сыновьями: Михаилом и Василием. У Михаила Григорьевича родились дети: дочери: Зинаида, Раиса – и сын. Вшивкова (Бакилина) Зинаида Михайловна работала в ОКСе строителем. У неё родились 2-е дочки: Надежда и Нина. Старшая из дочерей Нина Ивановна Вшивкова вышла замуж за Пономарёва Владимира Алексеевича. У них есть дочь Светлана и внуки Юлия и Андрей.

Рядом стоял дом Бакилина Фёдора Егоровича, г.р. 1873, и Ольги Ивановны, г.р. 1874. Они были

*Бакилин Геннадий
Александрович,
фотография 1964 г.
Прозвище «Гена
маленький»*

разнорабочими в колхозе «Единый труд». Их дети: Александр, Илья, Михаил, Иван, Фёдор, Яков, Екатерина, Анастасия, Клавдия. Дом достался младшему сыну Якову.

*Слева направо Иван Фёдорович и Анна Бакилины,
Виктор и Клавдия Фёдоровна,
Дмитрий и Анастасия Фёдоровна Саутины*

Далее, слева, стоял дом Косковых: Степана и Вассы. У них был сын Николай. Потом они переехали в д. Грязново, где в семье родились ещё дети: Валерий и Алевтина. Позднее этот дом купила семья Белобородовых: мать Анна с дочерью Валею. Валентина вышла замуж за деревенского парня Сашу Ончукова.

Подальше проживала семья Шиловых Василия Павловича и Екатерины Фёдоровны с четырьмя дочками: Александрой, Анной, Верой, Зоей.

Дочь Фёдора Егоровича Екатерина Фёдоровна с мужем Шиловым Василием Павловичем и дочерью Зоей Васильевной и 2 зятьями.

Эта семья жила неподалёку от дома Фёдора Егоровича Бакилина (о нём написано выше по тексту – от редакции).

Соромотина Устинья Николаевна

Напротив дома Фёдора Егоровича жили две сестры Василия Павловича Шилова: Ольга и Дуняша. Их дом как-то ночью сгорел дотла.

Слева стояла небольшая избушка, в которой ютилась Устинья Николаевна Соромотина (умерла 16.01.1973 г.) с

дочкой Зоей Петровной Костицыной и внуками: Аркадием и Валентиной. Когда Зоя вышла замуж за Якова Егоровича Бакилина, то они переехали. И в домике стали жить Худяковы: мама с дочками: Нелей и Лидой.

*Бакилин Николай
Александрович,
внук Фёдора Егоровича
от сына
Александра и Елизаветы.*

Далее в деревне проживал Бакилин Александр Фёдорович с женой Елизаветой и детьми: Валентиной, Николаем, Антониной. Александр Фёдорович Бакилин погиб в плену во время ВОВ.

Потом этот дом купил Федосеев Степан Иванович и его жена Мария. Затем этот дом купила Гурьяновна.

В следующем доме жила семья Смирнова Николая Григорьевича, г.р. 1926, и Бакилиной Екатерины (Елизаветы – по документам) Яковлевны, 01.12.1923 г.р., с детьми: Верой, 1952 г.р., Людмилой, 1955 г.р., и Надеждой, 1957 г.р. Смирнов Николай утонул у Верещагинской мельницы, когда ездил молотить муку, может быть, утопили. Дети почти его не помнили. В доме была фотография, где Екатерина стоит у Верещагинской мельницы в момент опознания тела. Видимо, потерялась.

Бакилина Е.Я.

У Бакилиной Екатерины Яковлевны были братья и сёстры: Николай Яковлевич, 1930 г.р., Шистерова Зинаида Яковлевна, 13.10.1920 г.р.

Бакилина Е.Я. с дочками.

*Бакилин Фёдор Фёдорович с племянниками-детьми
Якова Фёдоровича.*

В следующем доме проживал ещё один брат Екатерины Яковлевны – Бакилин Яков Егорович. Он женился на Костициной Зое Петровне (*об этом выше по тексту – от редакции*).

Далее по улице, с правой стороны, стоял дом сына Фёдора Егоровича – Бакилина Ильи Фёдоровича, 1905 г.р., женатого на Наталье, 1905 г.р. У них родились дети: Иван, Михаил, Анна. Илья Фёдорович Бакилин пропал без вести на войне. В дальнейшем, в доме проживал его сын Иван с женой Любой и детьми: Александром, Николаем, Сергеем, Павлом, Андреем, Натальей и Любой (?).

Дальше по деревне, где река Татарка делала поворот, стоял дом Болотова Ивана Фёдоровича, 1893 г.р. Он работал в колхозе «Единый труд» председателем, бригадиром. Его жена Маремьяна Николаевна была сестрой Устиньи Николаевны и Александра Николаевича Пономарёвых (умерла 15.02.1971 г.). Иван Фёдорович Болотов погиб на ВОВ. Маремьяна жила одна, детей у них не было.

*Болотовы Иван
и Маремьяна*

Далее проживали мои дедушка с бабушкой: Каменских Фёдор Петрович (1896-1974 гг.) и Евгения (Евленья) Ивановна (1896-1984 гг.) с детьми: Александром, Таисией и Петром (моим папой). У Таисии Фёдоровны детей не было.

*Александр Фёдорович
Каменских*

*Тaisia Фёдоровна
Каменских*

Далее стоял дом, в котором располагались детские ясли.

Вид на пожарную каланчу

Все сельскохозяйственные постройки колхоза находились посередине деревни: кузница, конный двор, конюховка, сараи для конской упряжи. Напротив них были семенные амбары, пожарная.

Справа располагались овощехранилище, овин. На моей памяти других строений уже не было – остались две ямы от каких-то сельхоз построек. В деревне был трансформатор. В грозу часто сгорали предохранители, и жители сидели без света. Еще правее, в лес, располагался полевой стан, используемый во время сева и уборочной кампании.

Следуем далее по деревне. Здесь находилась откормочная ферма крупного рогатого скота. Справа домов не было. Слева жила Шилова Анастасия Фёдоровна (в деревне её звали Таська Лукишнина). У неё была дочь Зинаида.

Рядом стоял дом Косых. Дети у них были Александр, Екатерина, Иван, Тамара. Об Александре Ивановиче Косых есть статья в газете: *Косых А. И., Бурдин Б. П. Трагедия под Харьковом // Книга Памяти 1941-1945, Очёрский район, том 2. – Пермское книжное издательство, 2005.-с. 227-228.*

Потом в доме Косых жила Екатерина с мужем Иваном, который был в то время в деревне бригадиром. Иван трагически погиб: залез на столб, чтобы обрезать провода, и упал, т.к. столб был гнилой. Умер в больнице.

Жил в деревне Чеботнов Николай Васильевич со своей матерью.

Далее проживал Каменских Игорь Кузьмич (Игорь безногий) с Марией Александровной, сестрой Василия Александровича Каменских из д. Верещагино. Ногу потерял на войне. Его мать Анна Николаевна, сестра Александра Николаевича Пономарёва (Саны Николина) из Базарино. У него был брат Гурий (Гурьян).

Далее стоял дом Шиловых:

*Шестакова
(Шилова) Августа
Афанасьевна, 1964 г.*

Афанасия Андреевича с женой Анастасией, их дети: Сергей, Алевтина, Августа. Афанасий Андреевич был пчеловодом колхоза и для себя держал пчёл – мы часто покупали у него мёд.

Дом Бояршиновых

Продолжаем путь по деревне. Там стоит дом Бояршиновых: Павла и Натальи Васильевны с детьми: Александром, Василием, Клавдией, Анной и др.

Напротив дома стояли амбары. Говорят: жили Бояршиновы зажиточно – у них было две мельницы.

Направо, в лес, стояла овчарня. Я помню, как стригли овец. Приводили животных партиями к конному двору и там, в амбаре, стригли механической машинкой.

Затем большой промежуток, вероятно, из-за ложка, по которому текла вода по весне из леса. Весной и после ливня ходили по переходам – так же было и около конного двора.

Справа, после лога, жила Сана Большеголовая, – так её звали в деревне. С ней жил прадед Гусева Николая Петровича.

Потом дом купила большая семья Звездиных. Хозяина дома убил тогдашний бригадир из деревни Базарино – Степан Галкин, которого надолго посадили в тюрьму.

Слева стояла небольшая избушка. В ней жила Татьяна – гармонистка. Затем она уехала жить в п. Павловский. Фамилия её сына Ильин.

Сана Большеголовая

Далее, слева, проживал Каменских Павел Яковлевич, жена у него была русская Саломея. Далее проживала Ончукова Саломея с мужем и детьми: Александром и Ираидой.

Далее проживала старушка Марфа.

Справа, после дома Саны Большоголовой проживали два брата Палкиных: Пётр и Фёдор. У одного из них была жена Галина и двое детей: сын и дочь Нина. У второго брата – жена Елена, детей у них не было.

Затем стоял заброшенный дом.

В последнем доме, по правую сторону, жил Ощепков Дмитрий Иванович с женой Анной и детьми: Владимиром Валентиновичем, Зинаидой, Николаем, Геннадием, Сергеем. Именно этот дом как-то связан с жителями по фамилии Боронниковы. Вроде бы как они купили у Ощепковых дом.

В деревне Боронники родилась Ончукова Александра Петровна, 15.12.1925 г.р. Юной девчушкой она работала на Павловском заводе в термосном цехе. Трудилась, засыпая у станка. Брат в 20 лет погиб на фронте, отец умер ещё до войны. Стаж работы Александры Петровны на заводе – 34 года. Она награждена тремя медалями. В каком доме они жили в Боронниках, не известно.

Жители деревень Боронники и Базарино – соседи и Дни деревни отмечали вместе.

*Ончукова Ираида,
1971 г.*

Праздник деревень, 1993 г.

Благодарю бывших жителей деревни Боронники, предоставивших воспоминания и фотографии из личных архивов: Соромотину (Бакилину) Юлию Яковлевну, Попова Владимира Валентиновича, Пономарёву (Вшивкову) Нину Ивановну, Костицина Аркадия Владимировича, Бояршинову (Бакилину) Людмилу Николаевну, Бендрат (Пономарёву) Юлию Александровну, жительницу деревни Базарино, предоставившую материалы из семейного архива.

Автор статьи: Пирожкова Тамара Петровна.

Деревня Пономари Сталинского сельского совета

(описание деревни в 1990-е, начало 2000-х,
из воспоминаний Морозовой О. А. и Морозовой Л.Н.)

Многие из Вас знают только оханские Пономари, но есть Пономари и в Очёрском районе. Находится она в 5 километрах от Павловского в сторону деревни Ромаши. Деревня эта расположена по двум берегам реки Татарки. На сегодняшний день насчитывается один жилой дом, где проживает семья Вшивковых, но так было не всегда.

Если вернуться в 1970 г., то мы застанем деревню с ее постоянными жителями, домашним хозяйством, большими семьями, бытом.

Были в деревне кузница, где подковывали лошадей, мельница, клуб, где показывали фильмы. Деревня насчитывала тогда около 40 жилых домов.

Я родилась в 1990 г., когда в деревне уже было только 12 жилых домов. Но и с ними Пономари казались оживленными.

Зимой, по вечерам, около каждого дома горели фонари. Свет от них освещал дорогу и был будто маяком для каждого домика. А летом.... Летом деревенские дома наполнялись гостями: внуками, дорогими

родственниками. Все вместе трудились: садили, косили, ездили на покосы.

Деревня Пономари в летнее время запомнилась мне ароматом полевых цветов и трав, чистым лесным воздухом, песчаной полевой дорогой, идущей через всю деревню, по которой мы бегали босыми ногами всё своё детство.

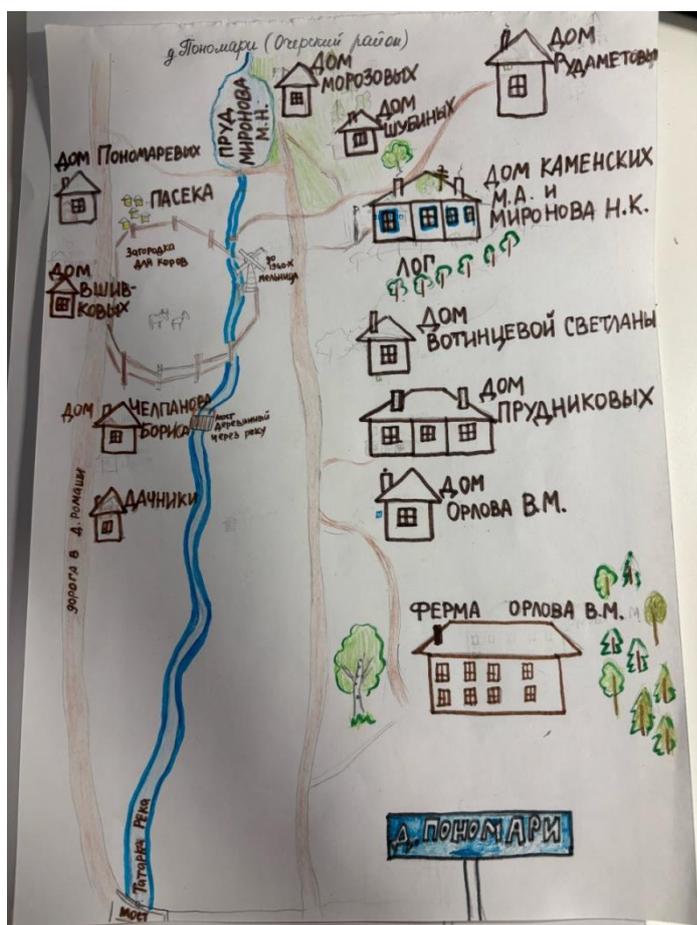
Если пройтись по Пономарям моего детства, то в начале деревни нас встретит большая кирпичная двухэтажная ферма Орлова Владимира Максимовича, который здесь вел хозяйство: держал коров, овец, двух лошадей, разводил кроликов. Чуть дальше по дороге стоял его деревянный дом, там он жил. А напротив дома долгое время стояла настоящая баня по-черному. Когда ее топили, то, как и полагается, дым шел прямо из-под крыши, так как трубы в ней не было.

Рядом было выкопано два маленьких прудика, в которых разводили рыбу.

Жители и дети звали фермера просто по отчеству – Максимыч. Он всегда был добрым и дружелюбным.

Идем дальше и видим большой дом Прудниковых: тети Нины и дяди Сережи. Перед их домом был огород.

В соседях с ними

жила теть Света Вотинцева, которая также держала корову. Напротив ее дома, через реку, был дом дачников, они приезжали только в летнее время. Рядом с ними стоял дом дяди Бори Челпанова, почти у самой дороги, которая вела в д. Ромаши. Однажды нам удалось побывать в его доме. В одной половине – мастерская, посредине которой стоял мотоцикл. В мастерской были идеальная чистота и порядок. В детстве меня это поразило, что каждый болтик и инструмент лежали аккуратно на своих местах.

Вернемся на главную улицу деревни. После дома тети Светы был небольшой покос, а за ним лог. Часто, по весне, овраг наполнялся талой водой, она разливалась рекой, затапливая дорогу. Проехать дальше в такое время было невозможно. Поэтому добраться к своему дому было настоящим приключением.

Около лога начинался большой огород моих бабушки Каменских Маргариты Александровны и дедушки Миронова Николая Кузьмича. На этой усадьбе я провела свои детство и юность.

Дом – на 2 половины, с летней комнатой. Сруб был привезен из деревни Комендаты в 1970-е гг., когда жители малых деревень переезжали в Очёр и Соснову. Затем дедушка сам собирал

дом в Пономарях.
Хозяйство держали

*Дом Каменских
Маргариты Александровны*

большое: коровы, овцы, куры, свиньи, две лошади. В 1960-х гг. около нашего дома стояла мельница. После ее разрушили, а в том месте, где она была, на реке

образовался небольшой водопад, в который мы любили забираться в детстве.

В соседях с нами, высоко на горе, жили Рудометовы: Мария Ивановна с семьёй сына Александра, снохой Тамарой и внуками: Николаем и Леной.

Большим трудом для семьи было носить воду из реки каждый день. Речную воду мы пили. Вода в р. Татарке была ключевая, летом никогда не становилась теплой. И глубины в речке не было, даже детям она была по колено.

Дальше по улице жили Шубины: дядя Вова и тетя Ида. Ну, а далее стоял дом, где жила семья Морозовых.

Рядом с нашим домом начинался лес, который мы называли Наша Гора, потому что лес стоял на возвышенности, а ниже были участки, где каждый год косили сено.

У дома через речку построен деревянный мост – он был из бревен, и по нему проезжали на технике. За мостом – пасека, она есть и по сей день.

В 1970-е гг. рядом была кузница, где работал кузнец Антропов. Также недалеко находился клуб, где показывали фильмы. Сейчас на этом месте красуется большой пруд, который из года в год, на протяжении десяти лет, строил мой дядя Миронов Михаил Николаевич. Пруд в деревне был мечтой нашего детства, которую дядя воплотил в жизнь. Теперь это память о нем и главное украшение Пономарей.

Напротив, с другой стороны реки, у дороги в д. Ромаши было еще два дома: Вшивковых и Пономарёвых.

Каждая из этих усадеб вырастила несколько поколений людей, от всего сердца полюбивших просторы Пономарей, их воздух, вечера, свет зимних фонарей. В моей душе и памяти навсегда останутся живы добрые жители Пономарей, которые по вечерам зажигают у своих домов фонари, как маячки.

*Около дома Пономаревых:
тети Лены и дяди Васи.*

*Дорога в д. Пономари возле дома
Каменских М.А.*

Около дома Вишневых

*В деревне Пономари,
семья Каменских М.А.*

Автор статьи: Морозова Ольга Андреевна.

Деревня Годовалово Наберухинского сельского совета

По историческим данным краеведа А.В. Нецветаева, первое поселение в нашем крае было в деревне Годовалово, около большой сосны, стоящей посреди деревни.

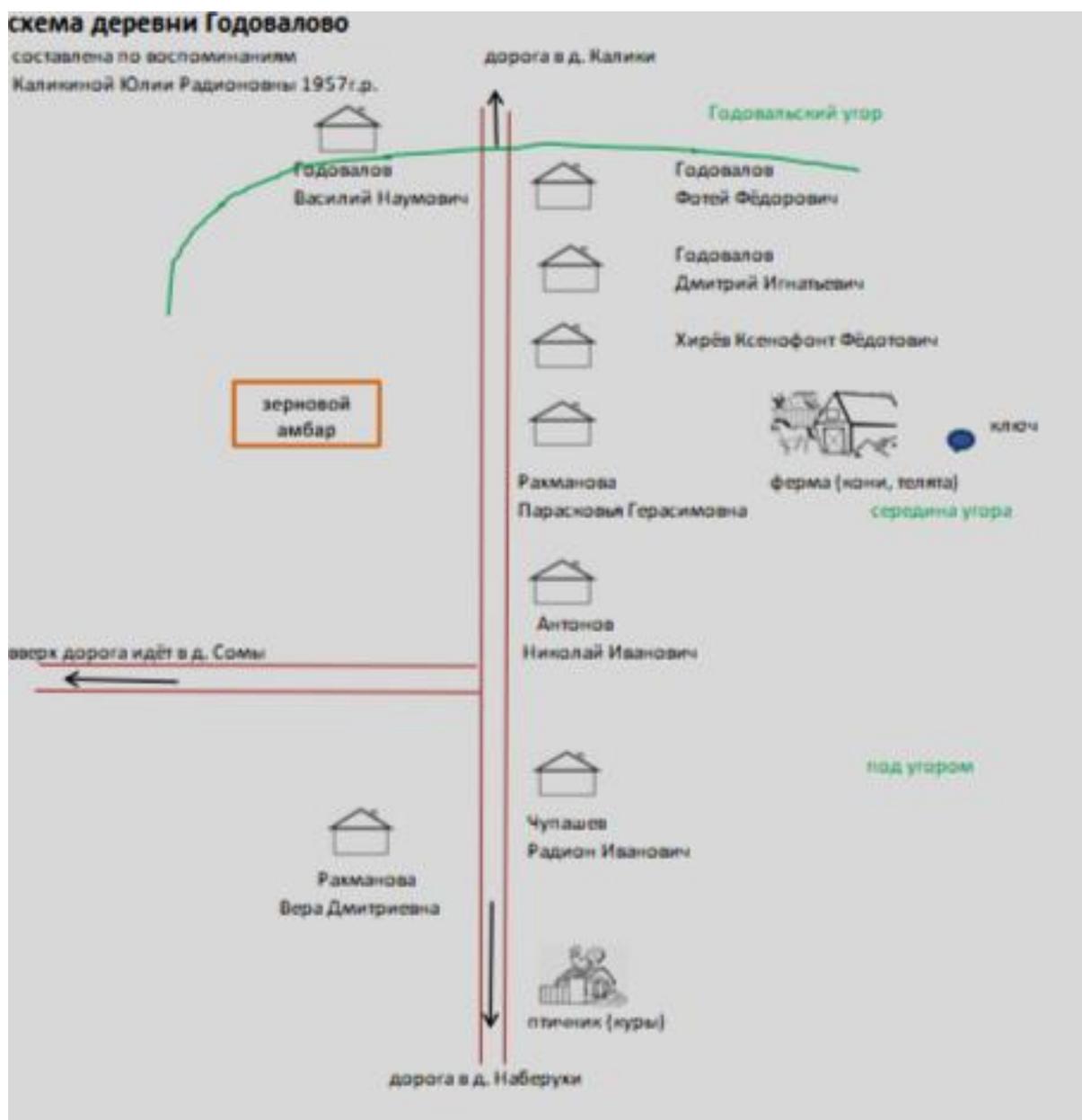
Согласно данным Центрального статистического комитета МВД России 1872 г., раскол церкви 1666 г. привёл к переселению из центральной России больших масс народа, не согласных с реформами патриарха Никона. Часть бежавших осела, судя по дневнику старовера Коротаева, в 1698 г. в Прикамье: на Сабанце, Лысьве, у Годовал возле Очёра.

В метрической книге Васильевской церкви села Сосновского в 1807 г. записано, что в «починке Годовал» проживали крестьяне Сергей Агапов, Карп Егоров, Михаил Потапов. Фамилии не указывались по правилам ведения старинных метрик.

Согласно Переписи населения 1926 г., «деревня Годовалова (-в) при колодцах» Наберухинского сельского совета Очёрского района насчитывала 25 дворов при 86 жителях.

(Дубровин А.А. Лики верхнего Очёра. Пермь, 2008)

В похозяйственных книгах деревни Годовалово на 01.01.1967 г. отмечено два хозяйства, на 1 июля 1969 г. проживало 4 чел.

Воспоминания Каликиной (Чупашевой) Юлии Радионовны, 1957 г.р., д. Нововознесенск:

«Я родилась и выросла в многодетной семье Чупашевых в деревне Годовалово, где родились 11 детей: Клава, Ваня (1941 г.р., умер в раннем детстве), Люба, Паша, Тоня, Саша, Надя, Костя, Юля (автор строк), Гриша, Лена.

Семья Чупашевых.

Слева направо: бабушка Хирева Елена Леонтъевна, 1885 г.р., внучка Антонина, 1947 г.р., сын Радион Иванович (отец семейства), 1914 г.р., сноха Парасковья Петровна (мама), 1919 г.р., внуки: Павел, 1945 г.р., Александр, 1949 г.р., впереди Надежда, 1952 г.р., Юлия (автор строк), 1957 г.р., Григорий, 1960 г.р. д. Годовалово, примерно 1963 г.

Фото из семейного альбома Чупашевой Ю.Р.

*Мои сёстры Чупашевы:
Люба с Клавой – в саду.
д. Годовалово, 1957 г.*

*Мой брат Чупашев
Константин Родионович,
1955 г.р. д. Годовалово,
примерно 1963 г.*

Деревня была небольшая – всего одна улица. Мы жили внизу Годовальского угора. С ранней весны бегали по нему, собирали и ели пистики, щавель и другую зелень. На Годовальском угоре когда-то стояла ветряная мельница, но я её не застала. Запомнила, как с отцом ездили молотить зерно на мельницу в деревню Шихири.

На середине нашего угора стояла ферма, в ней содержали коней, телят. За фермой бил ключ. В деревне Годовалово речки не было, зато у каждого дома был свой колодец. У нашей семьи колодец был выкопан рядом с домом, прямо под мостом.

Мои старшие сёстры и братья ходили учиться в Пастуховскую начальную школу через деревню Сомы (3 км).

В 1964 г. мы переехали жить в Наберухи. Сюда переехала из Годовалово и Рычкова Афонася Алексеевна (1913 г.р.) с двумя сыновьями. С младшим её сыном Мишей я училась в первом классе.

Школа располагалась в двухкомнатном деревянном доме, разделённом перегородкой, с печным отоплением, коридора не было. Я пошла здесь в первый класс, а брат Костя – в третий. Мы с ним учились в одной комнате, а в другой – Гриша и Лена, 1962 г.р., самая младшая, учились во втором и четвёртом классах. Преподавали два учителя: Вера Максимовна (1920 г.р.) и Кожевникова Александра Илларионовна (1923 г.р.). Зимой в школе было холодно заниматься – дети сидели в валенках. Питьевую воду приносили из колодца. Техничка варила суп на печке и во время большой перемены кормила нас, но без хлеба. Хлеб мы приносили с собой из дома.

В Наберухинскую школу ходили учиться дети из соседних деревень: Шихири, Годовалово, Пастухи. С пятого класса я уже училась в Нововознесенской школе. Здесь дети жили в пришкольном интернате.

По понедельникам из деревень родители отправляли учеников в школу в санях, на лошадях или на тракторах. По субботам обратно домой шли пешком или добирались на попутном транспорте. В интернате нас кормили хорошо, но тоже без хлеба. Хлеб ребята привозили из дома. Мама нам пекла каждому по караваю на всю неделю, однако, его часто не хватало. Бывало, что уже в пятницу хлеб съедали. Я помню очень вкусные пончики, которые готовил нам повар. Позже в Нововознесенске, примерно в 1970-м г., построили пекарню, и тогда в школьной столовой для детей появился хлеб.

Жители деревни Годовалово

*Чупашев Радион
Иванович и Годовалов
Фотей Фёдорович,
1896 г.р.*

*Жители деревни на уборке зерновых.
Слева Чупашев Павел Радионович.
Фото из семейного альбома
Чупашевой Ю.Р.*

*Из воспоминаний Анны Зотеевны Овчинниковой
(Годоваловой),
газета «Очёрский край», 7 мая 2021 г.
Статья Ларисы Сосуновой
«Вину не признал», газета «Очёрский край»,
29 октября 2021 г.*

*Годовалов Зотей
Никитович, 1906 г.р.*

Мой отец Зотей Никитович Годовалов, 1906 г.р., родился в д. Годовалово Наберухинского сельсовета. Он прошел три войны, сначала воевал с японцами на Халхин-Голе в 1939 г., потом с финнами – в 1940-м, на третью войну – Великую Отечественную – отец ушёл летом 1941 г.

Оставил нашу маму Ирину Дмитриевну (1909 г.р.) с шестью детьми и свою маму — Евгению Савиновну (1884 г.р.). Еще на полатях лежала другая бабушка — мамина мама Дарья Кадочникова, она была больная и не ходила. В 1942 г., получив извещение, что ее единственный сын Кадочников Иван Дмитриевич пропал без вести под Киевом, она от горя умерла.

Как мы выжили... Во многом благодаря нашей бабушке, маленькой, худенькой. Мы не видели, чтобы мама с бабушкой сами ели.

Один братик – Петя умер маленьким, а пятеро выжили. В голоде, холоде, никогда не видели врачей. Нас кормил Годовальский угор рядом с деревней. Ранней весной, сразу из-под снега появлялись пистики, мы ели их и сырыми, и вареными. Потом появлялись всякие травы, поспевали ягоды и грибы. Вместе с бабушкой на угоре собирали головки клевера. Она их сушила и толкла в муку. Ели горькую редьку, а когда у нее появлялись семена, их сушили, мололи и – опять еда.

Рядом с нашей усадьбой жили дед с бабкой. Были еще в силе, держали много скота, а какая пшеница у них росла! Мама один раз зашла к ним в огород, увидела, что там под черёмухой пиканы растут. Дед увидел, закричал:

«У себя в огороде всю траву сожрали, так в мой огород залезла!». Мама от стыда бросила пиканы и убежала.

Зимой, в особенно тяжелое время, мама часто повторяла: «Вот возьму всех в кучу и замерзнем все вместе». Но бабушка ее ругала: «Не смей руки на себя наложить — великий грех!».

Самый старший брат подрос, стал маме помощником. В 12 лет дрова помогал колоть, носить домой, а потом работал на тракторе прицепщиком.

Подрастали и младшие: надеть на себя было нечего, денег не было, работали за трудодни. У нас не было дедушек — оба умерли молодыми от какой-то болезни, что тогда ходила. Не было тетушек, только тетя Маруся, но у нее самой 10 детей было. Её муж — дядя Коля был глухой, помогал иногда маме огород пахать. Сейчас в Очере живут Антоновы — их дети.

Когда мы с сестрой были маленькие, часто играли на подоконнике с открытым окном. Проходил мимо старичок, не помню, как его звали, жил от нас через дорогу. Он всё нас за ноги ловил: «Вот я вас сейчас поймаю!» Один раз я ему в ответ: «Фигу тебе — не поймаешь». Он обиделся: «Фигу так фигу». А через день пришёл с куском белого хлеба, намазанного мёдом, ест перед нами и говорит: «Фигу тебе». Мне было лет пять, а сестре – три года. Я эту «фигу» с собой ношу всю жизнь.

Учительница Вера Максимовна (1920 г.р.) – дочь председателя колхоза, на место которого назначили отца, оставила на второй год без объяснений и меня (1939 г.р.), ученицу 2-го класса, и старшую сестру – четвероклассницу Зину (1935 г.р.). Педагог! Мстила детям.

Мы — дети войны, мы работали еще совсем маленькими. Помню: гоняла лошадей, они крутили привод, чтобы сортировка работала на току. Босиком –

устану, присяду, а нам уже кричат: «Почему лошади стоят?». Так целый день, без отдыха – пожую зернышек — и вся еда, а завтра опять лошадей гонять. Или на току мешки насыпать зерном – их вечером повезут в Верещагино на элеватор. Ничего нам не платили.

Меня еще заставляли почту носить в Наберухи – заменяла взрослого человека. Я боялась, смотрела по сторонам: всё ждала, что самолеты полетят. Взрослые говорили: война идет, самолеты летают. И я бегом, босиком, бежала 2 км – мне казалось, что это очень далеко. А в Наберухах здание 2-этажное, лестница вела на 2-й этаж. Я положу почту и обратно.

В 1945 г. вернулся с войны отец. Мы с сестрой пололи морковь, видим: с Годовальского угора спускается какой-то солдат и прямо к нам в огород, подошел к колодцу, почерпнул воды и пьет из ведра. Я была постарше, поняла, что это наш отец. А сестра Мария (1941 г.р.) как завизжит... Он смеется: «Это я, ваш тятя!» – поймал нас и высоко-высоко подбрасывал.

Я пошла в школу в д. Пастухи, что в 3-х км. Ходила босиком, простудила ноги – пошли болячки, бабушка чем-то их мазала. Учительница была такая молодая, из Ленинграда, работала только год после училища. Ее звали Ева Васильевна (1930 г.р.). Когда началась война, её отец Василий Рахманов вывез её вместе с матерью Анной Степановной (1901 г.р.) в деревню Шихири. Василий Рахманов был офицер, погиб в бою.

Мы все любили учительницу Еву Васильевну. Она очень красиво говорила, по-ленинградски, мы слушали ее, открыв рты. На всю жизнь я запомнила ее голос: «Дети, внимание!». К сожалению, она умерла очень рано. Её дочь тоже звали Евой (Козоногова (Рахманова) Ева Михайловна, 1948 г.р.).

Отец Зотей Никитович работал в Годовалово председателем колхоза «Красная Звезда». Началось объединение, и его направили в Наберухи председателем колхоза «Красный боец». Он не соглашался, мама ревела – не отпускала. А отец говорил: «Я перед боем вступил в партию, я коммунист». Партия его не спросила, перевела на новое место работы и всё.

В 1947 г. мы переехали в Наберухи. Колхоз маленький: в деревне было всего 10 домов, работать некому. Предыдущий председатель был неумелым хозяйственником, развалил хозяйство, а нашему отцу пришлось отвечать. Работал Зотей Никитович с утра до ночи, но выправить ситуацию не смог. Жалел колхозников, старался им помочь, за что потом и поплатился.

В 1948 г. его вызвали в милицию. Встали рано, поехали в Очёр. Отец сказал маме: «Не знаю, зачем меня вызвали... Пока я в милиции, купи мне курева, а то мне совсем нечего курить». Мама купила, вернулась, долго ждала у милиции, постучалась. У нее грубо спросили: «Чего надо?» На ее слова, что муж ее здесь, ответили, что она его больше не увидит, и швырнули обратно рукавицы, которые она просила ему передать. Больше его никто не видел – ни родные, ни чужие...

Нашего отца арестовали, не было в Очере ни суда, ни следствия. Он ничего не украл, никого не убил. До сих пор нам неизвестно, что с ним случилось. У нас нет свидетельства о смерти. Через несколько лет пришло письмо от незнакомого человека, который сообщил, что находился в лагере вместе с З.Н. Годоваловым, и что он умер 1 мая 1951 г.

И вот, через 70 лет, в 2021 г. по запросу Очёрского районного суда из архива Главного управления Министерства внутренних дел РФ по Пермскому краю

получила я копии документов архивного дела Годовалова З.Н. и его фотографии. Из приговора Молотовского областного суда следует, что судили двоих: председателя колхоза З.Н. Годовалова и И.В. Рахманова, заведующего животноводческой фермой. Судили по ст.109 УК. Обвинение утверждало, что подсудимые злоупотребляли служебным положением. Председателю ставили в вину разбазаривание колхозных сенокосных угодий (выделил покосные участки колхозникам, которые потом против его свидетельствовали), невыполнение плана по заготовке кормов, в результате чего начался массовый падеж скота. Действительно кормов не хватало, коровы были худые и грязные, но павших коров ни я, ни сёстры, ни мама не видели, хотя наш дом находился рядом с фермой.

22 августа 1950 г. Молотовский областной суд приговорил не признавших вину З.Н. Годовалова и И.В. Рахманова к лишению свободы на 3 года.

В акте о смерти заключённого сказано, что заключённый Годовалов, находясь на лечении в стационаре МСЧ ИТК-11 с 14 апреля 1951 г., умер 30 апреля 1951 г. в 24.00 от декомпенсированного порока сердца.

Зотей Никитович Годовалов не является жертвой политических репрессий, но он жертва системы – холодной, бездушной, бесчеловечной. Сердце его не выдержало позора и предательства. Он прошел три войны, защищая свою Родину, а Родина его забыла, не защитила. Царствие тебе небесное, наш родной отец. Мы тебя всю жизнь помним и любим.

Мы – дети войны. Наше детство – это голод, холод и тяжелейший труд, за который ничего не платили. Старшего брата уже нет в живых, а последней, младшей сестре Марии в августе 2021 г. исполнилось 80 лет.

Автор статьи: Савина Ольга Николаевна.

Жизнь посвятил родному району

Наш отец Василий Георгиевич (Егорович) Дудин, был старшим из 11 детей в бедной крестьянской семье, проживавшей в д. Верхние Налимы. Из всех детей выжили только пятеро, остальные умерли от голода и болезней.

Его образование составляло 2 или 3 класса церковно-приходской школы. При этом он читал запоем книги в свободное время, а став взрослым, собрал большую библиотеку русской и зарубежной классики. Иногда читал вслух нам, своим детям. Дарил мне репродукции картин известных художников и подбадривал, когда я начинала рисовать. Отец написал повесть и рассказы о первых годах советской власти, Сепычёвском кулацком восстании. Они хранятся в семейном архиве, не опубликованы, да отец этого и не добивался, писал для души и для нас, потомков.

После Октябрьской революции Василий Георгиевич Дудин был избран в состав первого исполкома Спешковской волости (то есть первого сельсовета), затем ушёл добровольцем в Красную Армию. В 1926 г. стал коммунистом. В период коллективизации по заданию партии провел коллективизацию окрестных деревень и был избран председателем созданного им первого колхоза «Красный Урал». Много лет он работал колхозным председателем. Более шести лет с декабря 1939 г. по апрель 1946 г. беспрерывно избирался председателем Очёрского райисполкома и руководил районом в тяжёлые военные годы.

В Великую Отечественную войну погибли родные и двоюродный братья отца: Николай Егорович Дудин, рядовой, погиб в июле 1942 г; Александр Егорович Дудин, рядовой 359-й стрелковой дивизии, погиб в бою 1 ноября 1944 г., в Чехословакии; Устин Егорович Дудин, двоюродной брат, лейтенант 3-го батальона 15-й механизированной бригады, погиб 23 февраля 1943 г., с. Матвеев Курган Ростовской области.

Вся жизнь отца связана с работой в деревне, с сельским хозяйством. Он прошёл пешком почти по всем деревням района. Есть карта Очёрского района, нарисованная его рукой.

Когда отец по состоянию здоровья уже ушёл с руководящих постов, оставались востребованными его опыт и ум. Он принимал активное участие в общественной жизни, избирался секретарём партийной организации, передавал свой опыт молодым коммунистам, руководителям.

Мы жили в Спешково, были ещё детьми и многого не понимали, но часто видели, как к отцу обращались за помощью и советами люди не только из нашего села, но и приезжали и приходили из других деревень и из Очёра.

Ушёл из жизни отец 28 июня 1982 г. Некролог его памяти, опубликованный в районной газете «Знамя труда», подписали такие известные и достойные люди, как Ю.А. Котельников, М.А. Вяткин, В.К. Носов, В.И. Крамарев, Е.П. Пепеляев и другие.

Авторы статьи: дочери В.Г. Дудина: Светлана Ямалитдинова (Балашова), Вера Печёнкина (Балашова).
Газета «Очёрский край» от 8 мая 2015 г.

Одно поколение людей сменяется другим, но остается память. Она передается через года, память тревожит душу, она призывает не забывать – откуда ты – человек? Где твои корни? Кто твои предки? Где жили, как жили, чем занимались? И в поисках ответа на эти вопросы ты идешь по родным тропинкам очёрской глубинки.

Так пусть же не зарастают наши тропинки! Пусть по ним идут наши дети и внуки. Пусть вечно длится это путешествие. Народная память – вещь великая.

Перелески, таящие угощенья русского леса и предков, тайнопись наличников, родники живительной влаги... Сколько всего можно повстречать на родных просторах!

Храните старые фотографии, документы – они оживят ваши воспоминания! Постарайтесь записать рассказы старших, запомнить их говор, послушать песни, частушки, народные игры, загадки, пословицы и поговорки – у них тоже своя неповторимая история.

Мы живем в удивительном месте – на очёрской земле. Здесь столетиями жили наши предки, живем и мы, пусть же и наши потомки гордятся землей очёрской, пусть будут протоптаны новые тропинки в очёрской глубинке!

Даминова Надежда Анатольевна, краевед

